

В. В. Леонтьев

ЭТНОГРАФИЯ
И ФОЛЬКЛОР
КЕРЕКОВ

Кр. 75
Л 478

Издательство «Наука»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КОМПЛЕКСНЫЙ НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ

кр. 75
1478

В.В. Леонтьев

ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР КЕРЕКОВ

731439

АБОНЕМЕНТ

МАГДАНСКАЯ
Областная библиотека
им. А. С. ВУШИНА

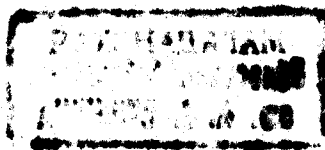

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1983

Монография посвящена маленькой керекской народности, сохранившейся на побережье Берингова моря. Естественная природная изоляция, межплеменные войны, резкое сокращение морской фауны в конце XIX в., эпидемии оспы — основные причины вымирания кереков. Автор рассказывает о хозяйстве кереков, их поселениях и жилищах, религиозных представлениях и обрядах, приводит тексты сказок, преданий и мифов.

Ответственный редактор
член-корр. АН СССР
Н. Н. ДИКОВ

Л 0508000000—181
042(02)—83 —66—83—II

© Издательство «Наука», 1983 г.

К ИСТОРИИ ВОПРОСА

История народов Северо-Востока Азии получила сравнительно широкое освещение как в дореволюционной, так и в советской литературе. Работы С. П. Крашенинникова, Г. А. Сарычева, Ф. П. Врангеля, В. Г. Богораза, В. И. Иохельсона и др.¹ послужили фундаментальной основой для дальнейшего, более углубленного изучения этих народов в советское время. Работы советских археологов², антропологов³, этнографов⁴, лингвистов внесли существенные уточнения в классификацию народов Северо-Востока Азии. Если в начале XIX в., согласно «палеоазиатской» гипотезе Л. И. Шренка, к палеоазиатам относили эскимосов, алеутов, чукчей, коряков, ительменов, юкагиров, нивхов и кетов (живших в Западной Сибири), то последующее изучение языков этих народностей позволило выделить более мелкие родственные группы: эскимосско-алеутскую (эскимосы, алеуты); чукотскую (чукчи, коряки, ительмены); юкагирскую, нивхскую и кетскую (собственно кеты, котты, арины, ассаны)⁵.

Сейчас термин «палеоазиаты» условно сохраняется в литературе, под ним понимается пять языковых групп⁶. Позднее появился более уточняющий термин «северо-восточные палеоазиаты», под которым понимаются чукчи, коряки и ительмены, а по языку их стали относить к чукотско-камчаткой группе языков⁷.

Чукчи и коряки — две родственные народности по языку, материальной и духовной культуре, близкими к ним считали и ительменов, но в последнее время появилась вполне обоснованная точка зрения, что ительмены генетически не связаны с северо-восточными палеоазиатами, а именно с чукчами и коряками⁸. Не разрешен еще вопрос с кереками, но по языку их относят к чукотско-камчатской группе⁹.

Чукотская народность сохранила свою компактность и единство в языке. Существующие говоры, которые П. Я. Скорик называет диалектами¹⁰, не мешают им свободно общаться между собой. У коряков же произошло дробление одной, а возможно, и нескольких этнических групп на более мелкие подразделения, которые имеют существенные различия в языке и хозяйственных занятиях. По языковым данным и хозяйственным занятиям коряков принято делить на итканцев, паренцев, каменцев, апукинцев, алюторцев, карагинцев, паланцев и чавчуменов¹¹. Каждое из этих подразделений коряков более или менее изучено в языковом отношении и слабо или почти не исследовано в культурном, хозяйственном и бытовом отноше-

ниях. Этот пробел заполняет работа И. С. Вдовина, в которой автор рассматривает этническую историю коряков в разрезе каждого подразделения, выявляя те или иные локальные особенности. И вместе с тем делает оговорку, что «предлагаемая работа не претендует на полное и тем более исчерпывающее освещение всех вопросов, связанных с этнической историей коряков... у нас пока нет почти никаких сведений о паренцах, их языке, фольклоре, антропологических данных о них. То же следует сказать относительно апукинцев. Почти полнейшей загадкой остаются кэрэки»¹².

Как свидетельствует история освоения Чукотки, Камчатки и Охотского побережья, дорога русских землепроходцев шла двумя основными путями: на Камчатку — из Нижнеколымска через Анадырскую крепость бассейном реки Пенжины, на Охотское побережье — сухопутным путем из Якутска. Вследствие этого «земля кереков» оставалась в стороне. До начала XX в. побережье Берингова моря от Анадырского лимана до мыса Олюторский, где, как предполагают историки, в XVII в. жили керекиты¹³, для этнографов и археологов оставалось неисследованным, а береговая линия от мыса Наварин до поселения Хатырка была нанесена на карту пунктиром. Известный этнограф и лингвист В. Иохельсон в своей монографии «Коряки» писал, что «...перед посещением Джебуповской экспедиции ни один белый человек не проникал во внутрь керекской территории»¹⁴.

В. Иохельсон не совсем прав. Так, в 1728 г. к южному мысу Анадырского залива подходил Витус Беринг. Этот мыс был им назван мысом Св. Фаддея. В 1777 г. для сбора ясака побывал в районе мыса Олюторского капитанармус Иван Анкудинов. Он составил подробную записку, привел интересные этнографические сведения, назвал имена старшин аборигенов. «...пропитание имеют, — писал Т. И. Шмалев, — морскими зверми, птицею и рыбою, також собираемыми кореньем и ягодами»¹⁵. В этой же записке рассказывается об охоте на скалах на птиц, перечисляются виды рыб, которых ловили аборигены. В одном из документов указывается, что в устье реки Хатырки побывали два купеческих судна.

В сентябре 1828 г. в губу Св. Гавриила вошел Ф. Литке на военном шлюпе «Сенявин». По преданиям кереков и следам жилищ, в губе Гавриила было большое поселение, но неблагоприятные ветры не дали возможности Ф. Литке задержаться здесь, и он вынужден был отойти к мысу Олюторскому и вернуться на Камчатку¹⁶. Вполне возможно, что с корабля «Сенявин» мореплаватели могли и не заметить керекских жилищ на берегу, так как еще часты были набеги чукчей и керекиты старались ставить свои жилища в укрытых местах.

В 1885 г. на шхуне «Сибирь» побывал в бухтах Анастасия, Дежнева, лагуне Опука, на Туманской, в Анадырском лимане чиновник приамурского генерал-губернатора А. А. Ресин. Он

приводит интересные данные о народах Северо-Востока. «Главную часть населения составляют коряки, смежные с Камчаткой, и чукчи на Чукотском полуострове и к северу от р. Анадырь, — писал А. А. Ресин. — Между ними (по Алукинскому и Туменскому берегу) живет народ, сродный по языку как тем, так и другим, вероятно, происшедший от браков между коряками и чукчами и известный в общежитие под именем чукмари»¹⁷.

В конце XIX в. в документах и литературе появляется термин «керекиты». Вводит его в научный оборот Н. Л. Гондатти, управляющий Анадырской округой, собравший небольшую коллекцию местных предметов быта, охоты и искусства. Он писал: «К числу народностей, населяющих Анадырский край, относится и народ керекит. Язык этого народа непонятен ни чукчам, ни ламутам, ни даже корякам. Чукчи отделяют керекит от коряков, признавая их совершенно отдельным народом»¹⁸.

В 1900—1901 гг. по «земле кереков» проехал известный этнограф В. Г. Богораз. Он отметил, что в происхождении кереков большую роль сыграли эскимосы, однако «в действительности они представляют собой наиболее примитивные отпрыски коряцкого и чукотского племени»¹⁹. Свой вывод В. Г. Богораз не подтверждает никакими документальными материалами.

В 1937 г. более подробное обследование кереков проводит Н. Б. Шнакенбург. На основе собранных материалов он приходит к выводу, что «тип хозяйства, материальный быт и язык свидетельствуют о принадлежности «кэрэков» к приморским нымыланам-корякам. Нет никаких оснований выделять «кэрэков» как самостоятельную народность»²⁰.

Казалось бы, керекская проблема разрешена: керекиты представляют собой одну из корякских групп, а их язык является диалектом коряцкого языка. Но Н. Б. Шнакенбург ограничился исследованием южной группы кереков, живших на территории Корякского национального округа в бухте Анастасия и на озере Мимыльгытгын, которые испытали большое влияние со стороны коряков — апукинцев и алюторцев, а также чукчей. В то же время несколько изолированная и лучше сохранившая черты духовной и материальной культуры мейныпильгинская, а точнее — наваринская группа кереков осталась им совершенно не исследованной.

С 1957 г. исследованием керекского языка занимается П. Я. Скорик. На основе фольклорных записей, изучения фонетики, морфологии, синтаксиса языка он приходит к выводу, что керекский язык является самостоятельным языком, в котором отмечает значительное влияние чукотского и коряцкого языков и выявляет элементы эскимосского языка²¹.

С начала 1970 г. систематическое исследование кереков проводит автор настоящей монографии. Автору несколько раз удалось побывать у мейныпильгинских и хатырских кереков, пройти сложным маршрутом по побережью от Анадырского

лимана до бухты Дежнева и собрать большой фактический материал. Были записаны фольклорные тексты, рассказы о своей жизни, воспоминания, получены некоторые сведения от чукчей и коряков. В Москве и Ленинграде выявлены архивные и литературные источники, в которых имелись сведения о керекках и тех местах, где они обитали; изучены коллекции Ленинградского отделения Института этнографии СССР, среди которых были и керекские, переданные в свое время Н. Л. Гондатти.

В настоящее время восстановление этнической истории керекков представляет большие трудности. И главная трудность заключается в том, что керекков, знающих родной язык, древние обычаи, традиции, промыслы и занятия, почти не осталось. Керекки переняли чукотскую культуру, а с началом колхозного строительства перешли к новым, коллективным формам трудовой деятельности. В связи с этим материал по духовной и материальной культуре керекков далеко не полный, так как многое уже забыто. И все же то, что нам удалось собрать, на наш взгляд, представляет большой научный интерес для исследователей и дает возможность сделать определенные выводы.

- ¹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949; Сарычев Г. А. Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю до Берингова пролива до Нижне-Колымского острога... в 1791 г. СПб., 1811; Он же. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952; Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю. 1820—1824 гг. М., 1948; Богораз В. Г. Чукчи. Ч. 1. Л., 1934; Ч. 2. 1939.
- ² Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М., 1947; Окладников А. П. Древние культуры Северо-Востока Азии по данным археологических исследований. — Вестник древней истории, 1947, № 1; Окладников А. П., Некрасов И. А. Новые следы континентальной неолитической культуры на Чукотке (находки у озера Эльгытгын). — Сов. археология, 1957, № 2; Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М., 1969; Они же. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М., 1975; Васильевский Р. С. Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1974; Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. М., 1971; Он же. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М., 1977; Он же. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979 и др.
- ³ Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. М., 1951; Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958; Алексеева Т. И., Алексеев В. П. Антропологические исследования на Чукотке. — Зап. Чукотского краеведческого музея. Магадан, 1973, вып. 6, и др.
- ⁴ Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966; Он же. Изучение этногенеза народов Севера в Советский период. — В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. — М., 1975; Он же. Проблемы происхождения чукчей, коряков и ительменов. — В кн.: Этногенез народов Севера. М., 1980; Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965; Он же. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973 и др.
- ⁵ Вдовин И. С., Терещенко Н. М. Очерки истории изучения палеоазиатских и самодийских языков. Л., 1959, с. 3.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Скорик П. Я. К вопросу о классификации чукотско-камчатских языков. Вопросы языкознания. 1958, № 1.

- ⁸ Вдовин И. С. К проблеме этногенеза ительменов. — Сов. этнография, 1970, № 3.
- ⁹ Скорик П. Я. Керекский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. 5. Л., 1963, с. 310.
- ¹⁰ Скорик П. Я. К вопросу о классификации..., с. 35.
- ¹¹ Стебницкий С. Н. Основные фонетические различия диалектов нымыланского корякского языка. — В кн.: Памяти В. Г. Богораза 1865—1936. М.; Л., 1937, с. 286.
- ¹² Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков, с. 5.
- ¹³ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, карта на с. 557.
- ¹⁴ Jochelson W. The Koryak. — In: Memoir of the American Museum of Natural History. New York, 1905—1908, v. VI, pt. II, p. 439. Цит. по переводу, хранящемуся в МАЭ.
- ¹⁵ Косвен М. О. Из истории этнографии коряков в XVIII в. — В кн.: Сибирский этнографический сборник. 4. М., 1962 (Труды ИЭ, т. 78); с. 286 (Т. И. Шмалев с 1753 г. занимал различные военно-административные должности в Анадырском и Гижигинском острогах, в Охотске и на Камчатке).
- ¹⁶ Литке Ф. П. Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин». 1826—1829. М., 1948, с. 217.
- ¹⁷ Ресин А. А. Очерки инородцев русского побережья Тихого океана. СПб., 1888, с. 36.
- ¹⁸ Гондатти Н. Л. Анадырские очерки. Хабаровск, 1897, с. 217.
- ¹⁹ Богораз В. Г. Чукчи. Ч. 1. Л., 1934, с. 3.
- ²⁰ Шнакенбург Н. Б. Нымыланы-кэрэки. — Сов. Север, 1939, № 3, с. 103.
- ²¹ Скорик П. Я. К вопросу о классификации чукотско-камчатских языков; Он же. К вопросу о сравнительном изучении чукотско-камчатских языков. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1958, т. XVII, вып. 6; Он же. Чукотско-камчатские языки. — В кн.: Младописьменные языки народов СССР. М.; Л., 1959. Он же. Керекский язык.

САМОНАЗВАНИЕ, РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ

В самых ранних исторических документах керекки именовались коряками, и лишь в конце XIX в. появляются названия «чухмари», а затем — «керекки», «кэрэки». Последнее прочно входит в этнографическую и историческую литературу.

Название «чухмари» происходит от распространенного на Камчатке названия чукчей «чухмарь»¹. Это пренебрежительное прозвище было дано чукчам камчадалами, и вполне заслуженно не получило распространения в научной литературе.

Название «керекки» было введено в литературу начальником Анадырской округы Н. Л. Гондатти. Этот термин он заимствовал от чукчей, которые и сейчас называют керекков «кэрэки́т» (ед. ч. *кэрэк*), в отличие от коряков, которых называют «тан-ны́т» или «лыгэтан-ны́т», и алюторцев — «эльютэлы́т». Происхождение термина «кэрэки́т» и его значение пока трудно объяснить, но «едва ли оно имеет что-либо общее со словом «коряк», созданным казаками из слова «корак», которое на юго-восточном коряцком наречии значит «состоящий при оленях»².

Сами себя керекки предпочитают называть «аңқалакку» — «приморские», но употребляют и название «каракыкку» от чукотского «кэрэкит».

Современные керекки по языку и происхождению делятся на две группы: наваринскую (это название принято нами) и хатырскую. Первую керекки называют «ыйуаллакку» — верхние, вторую — «иутыллакку» — нижние. Эти две группы керекков имеют и свои диалекты: мейныпильгинский, как называет его П. Я. Скорик, и хатырский³.

О численности керекков все имеющиеся сведения нельзя считать точными, даже данные Н. Б. Шнакенбурга не дают общего представления о расселении керекков.

Первые сведения XVIII в. констатируют, что «на Хатырке неплатежным коряк множество и живут в земляных юртах в трех жилах, четвертое от Хатырки во отдаленности к Анадырскому устью...»⁴. Можно предположить, что под понятием «жило» в записках русских землепроходцев имелась в виду определенная группа керекков или, точнее, керекский род. Эти сведения поступали к русским от ближайших соседей керекков — чукчей и коряков, которые обычно называли определенную группу населения по месту обитания. Четвертое жило, видимо, представляло наваринскую группу керекков, которая имела поселения в губе Гавриила, бухте Ушакова, на мысе Отвесный, в устье речки Амамут и в бухте Угольной. Поселения этой группы керекков не были постоянными. В отдельные годы керекки концентрировались в губе Гавриила или на мысе Отвесном — все зависело от состояния промысла в тех или иных местах. Летом керекки, как правило, разбивались на более мелкие группы, строили летние жилища и занимались рыболовством. Подобный образ жизни застал Н. Б. Шнакенбург в 30-е годы.

«...С осени в домике близ устья р. Ватыны поселяется семейство кэрэка Юкавава, которое по окончании зимы вновь уходит на озеро Мимыльгытгын во второй (обитаемый лишь, однако, летом) населенный пункт. На берегу озера расположено селение из трех хозяйств (14 чел.). Глава одного из них, чукча Рультынкавава, был некогда оленеводом... Два других хозяйства являются кэрэкскими. Осенью обитатели селения перекочевывают в бухту Анастасия и бухту Наталия, оставаясь там до наступления следующего лета. Бухта Анастасия — третий населенный пункт описываемого района...»⁵.

Если у приморских чукчей и азиатских эскимосов от мыса Шелагского по побережью на восток, а затем на юг до залива Креста были сложившиеся оседлые поселения (Валкатльан, Рыркайпий, Ваңкарэман, Нутэпылмын, Тойвыңынвын, Нэскэн, Нэтьэн, Инурмин, Сэчаңэн, Чегтун, Инчювин, Увьэлен, Нуукаң, Кэнискун, Нуньэмуи, Янранай и др.), которые просуществовали до начала коллективизации и укрупнения чукотских поселков, то у керекков постоянных поселений не было, а имелись сезонные обжитые места: летние и зимние. Возможно,

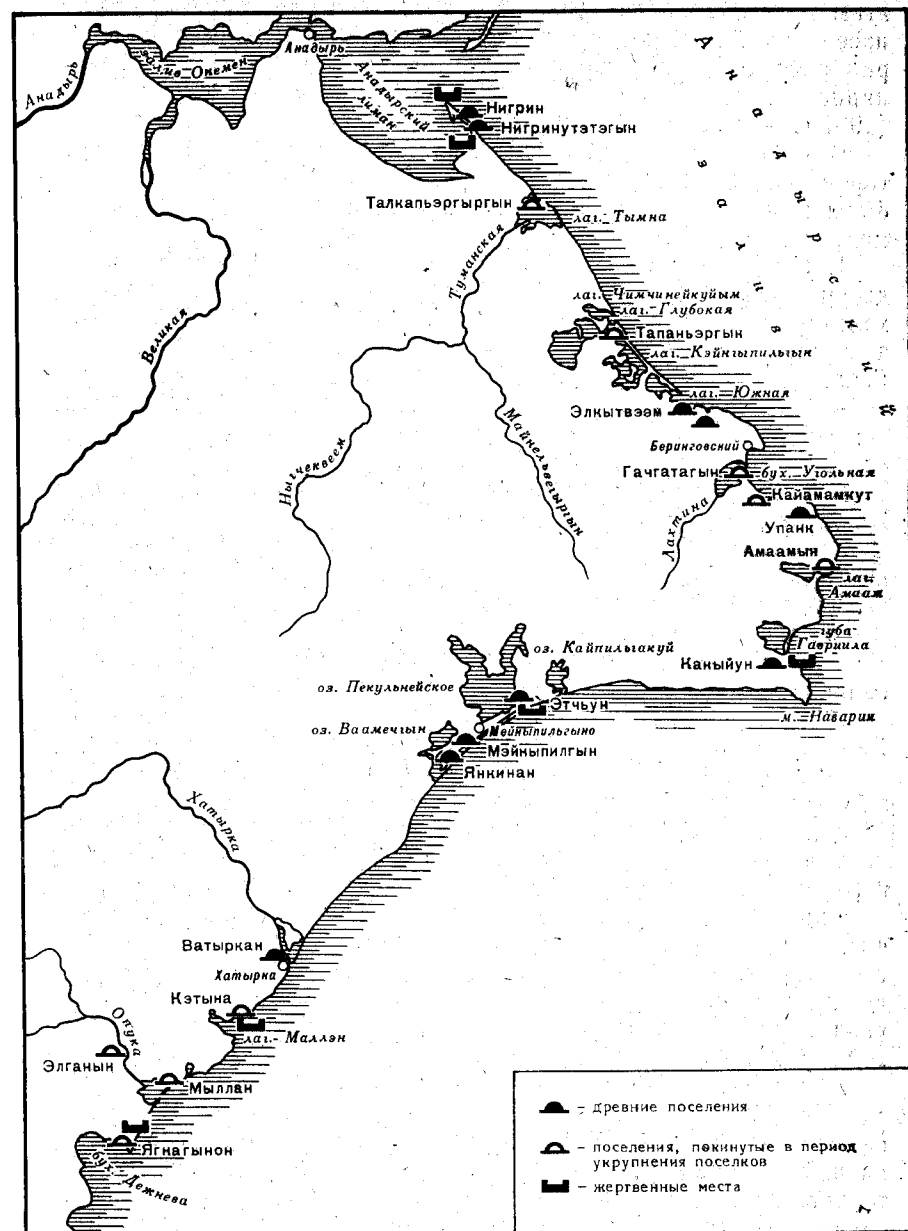

Рис. 1. Схема керекских поселений и жертвенных мест

этим и объясняется такая неточность в сведениях о керекских поселениях. Так, перепись 1897 г. дает 5 поселений на территории расселения кереков; В. Г. Богораз (1901 г.) — 12; Приполярная перепись (1926—1927 гг.) — 10; Н. Б. Шнакенбург (1937 г.) — 8 поселений.

В результате полевых исследований, сообщений информаторов — кереков и чукчей и изучения исторических документов были выявлены следующие древние и более поздние керекские места поселений.

1. Цигрин — поселение было расположено у входа в Анадырский лиман на мысе Гека. Представляет собой высокие холмообразные бугры с углублением посередине. Большая концентрация землянок находится в 1—2 км от оконечности мыса Гека.

В связи с этим поселением представляют интерес два вопроса: с кем встречался Семен Иванович Дежнев в устье Анадырского лимана и где он промыслял моржей.

В исторической литературе, посвященной плаванию Семена Ивановича Дежнева, в одних случаях указывается, что Семен Дежнев добывал моржовую кость и встречался с «коряками» на Русской Кошке⁶, в других — на Земле Гека⁷. Но все эти утверждения не подкреплены фактическими данными, и вопрос о том, где же добывал моржей и где встретился землепроходец с «коряцким народом» и с кем именно, остается неразрешенным.

Известно, что после того как Семен Дежнев основал в 1649 г. зимовье в верховьях р. Анадырь, чуть выше современного п. Марково, он совершил несколько промысловых походов за моржовой костью в устье р. Анадырь.

«Да прошлого ж 1652-го году на корге ходили мы в поход на коряцких людей, что оне от той корги живут недалеко и на корху под нас тайно убойства для приходят и зверя морскова моржа промысляют для корму. И мы, яз, Семейка, с товарищы, на них ходили и дошли их 14 юрт в крепком острошке, и бог нам помог, тех людей разгромили всех и жен их и детей иных поимали. А сами оне ушли, и жен и детей лутчие мужыки увели, потому что оне люди многие, юрты у них большие: в одной юрте живет семей по 10-ти»⁸.

Земля Гека (Цигрин) и Русская Кошка (Чегройцын) — две галечные косы, расположенные у входа в Анадырский лиман. По сведениям чукчей, которые часто посещали Русскую Кошку, на ней нет следов древних постоянных поселений. И действительно, коса неудобна для заселения человеком. Она низка и узка, подвержена постоянным естественным изменениям, в сильные шторма через нее перекатываются волны. Вместе с тем коса Русская Кошка была удобным местом для моржового лежбища, так же как коса Мээчкын у залива Креста в настоящее время.

На Земле Гека нами были обнаружены скопления древних землянок, которые встречаются на всем протяжении косы. Информаторы-чукчи указывают, что на мысе Айванкытрын, который узким длинным клином уходит на юг от мыса Гека в глубь лимана, часто залегал морж, а в древности, возможно, там было и лежбище. По своему естественному положению мыс Айванкытрын, который в отдельные годы становился островом, очень удобен для залегания моржей.

В отписке Семена Дежнева указывается, что «оне [коряки] от той корги живут недалеко...» Следовательно, там, где казаки собирали кость и промысляли моржей, поселения не было. Таким местом могла быть Русская Кошка. Но, с другой стороны, в той же отписке говорится, что «на корху под нас тайно убойства для приходят и зверя морскова моржа промысляют для корму». Невольно возникает вопрос, зачем же жителям Земли Гека надо было «тайно» промыслять моржей на Русской Кошке, если рядом с их поселением было моржовое лежбище, где они могли заготовить себе достаточно запасов на зиму? Это можно объяснить тем, что на Земле Гека рядом с моржовым лежбищем было поселение и возможно, что при определенных погодных условиях морж мог и не выходить на лежку. Причинами этого могли быть ветер, который дул со стороны поселения на лежбище и нес запах жилья и дыма, шум, сильный прибой и т. п. В этих случаях жители Земли Гека делали забой моржей на Русской Кошке.

Из отписки явствует, что землепроходцы не сразу встретились с аборигенами Чукотки, а узнали их после и сразу приняли меры от посягательств на «свои» охотничьи угодья. Вполне допустимо, что жители Земли Гека тоже не каждый год промысляли моржей на Русской Кошке и выходили на нее лишь в тех случаях, когда не было моржа на Земле Гека.

Путь землепроходцев от устья р. Анадырь к Русской Кошке лежал у северо-восточного берега лимана, где проходит основной фарватер реки. Измениться фарватер с времен Семена Дежнева не мог, так как вся юго-западная часть лимана, так называемый Гнилой Угол, очень мелководна, а каких-либо следов на гидрографических картах, т. е. углублений старого русла фарватера, нет. Установившийся путь по фарватеру лимана в первую очередь выходил к Русской Кошке, а от нее уже к Земле Гека.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что С. И. Дежнев добывал моржей на Русской Кошке, а встретился с аборигенами Чукотки на Земле Гека.

Кто же были эти аборигены?

Как отмечалось выше, на всем протяжении косы Земли Гека обнаруживаются следы древних землянок. Жилища были расположены группами — по пять—восемь и более. Одни из них стояли в ряд, другие — полукругом в виде подковы. В некоторых группах жилищ более крупные землянки находились

В центре и соединялись ходами с малыми землянками. Основная часть жилищ овальной, почти круглой формы, но встречаются и квадратные. Все они имели выходы на юго-запад. Во многих землянках у выходов и стен имелись небольшие ответвления. Видимо, это были кладовые для запасов пищи и различных хозяйственных предметов.

Планировка и система расположения землянок на Земле Гека очень своеобразны и отличаются от системы древних поселений азиатских эскимосов, приморских чукчей и коряков.

Типичным признаком древних поселений азиатских эскимосов и приморских чукчей были остатки торчащих китовых челюстей, которые служили подставками для байдар, хранения летнего имущества, а также большие мясные ямы (увзрат) с выходом и крышкой из китовой лопатки, обилие китовых и моржовых костей. Отсутствие костей кита в конструкциях жилищ Земли Гека, возможно, объясняется спецификой хозяйства ее обитателей. Видимо, китобойный промысел у жителей Земли Гека не был развит и основной добычей были главным образом моржи, тюлени, рыба. Строительным материалом служили ивляник, которого на косе в изобилии, и дерн.

Своеобразна и конструкция жилищ на Земле Гека, которая отличается от чукотских землянок (клегран, валкыран), эскимосских «нынлю» и корякских с раструбом-выходом наверху. Жилища на Земле Гека имели прямой выход с наибольшим наклоном вниз, о чем свидетельствует сама планировка землянки и ширина входа, позволяющая свободно пройти человеку. Раструба-выхода наверху, видимо, не было, так как при разведывательном раскопе обнаружено незначительное количество древесного материала в виде истлевших балок. Большие землянки с ответвлениями и выходами в малые типичны для древних жилищ кереков типа «куймаааца» (см. раздел «Поселения и жилища»).

Исходя из изложенного, можно заключить, что на Земле Гека жили представители народа кереков, с которыми и встретился в свое время Семен Дежнев.

Из сведений Кутынкеу А. В., уроженца Земли Гека, выяснилось, что людей, которые жили в древних жилищах, называли описательно: «нутэскычыку вальыт» — «в земле находящиеся». Название «кэрэки́т» современные жители Земли Гека не слышали. Как утверждают информаторы-чукчи Кутынкеу А. В. и Феуваль М., здесь жил некий Нигрин, глава общины древних обитателей, именем которого названа коса.

После походов Семена Дежнева обитатели Земли Гека покинули свое место и отошли несколько южнее. Долгое время коса была необитаема, и лишь в XIX в. сюда переселились энмеленские приморские чукчи и основали в местечке Нигринутэтэгын поселение.

2. Нигринутэтэгын — поселение было расположено у основания косы Земли Гека, в 10 км от поселения Нигрин. От древ-

него поселения сохранилось множество холмообразных бугров, обильно поросших травой. Покинуто древними обитателями одновременно с жителями поселения Нигрин. Чукчи оставили это место в 60-х годах, с укрупнением колхозов, и перешли на жительство в с. Алыкатваам.

3. Талкапэргыргын — расположено на левом берегу горловины лагуны Тымна, по-русски Туманская. А. А. Ресин в 1885 г. застал коренных обитателей Туманской, назвав их «чукмарями». Коренное древнее население Туманской, видимо, частично вымерло в конце XIX — начале XX в., частично ассимилировалось чукчами. Один чукча, уроженец Туманской, 1936 г. рожд., носил имя Керек. Как он объяснил сам, это имя дано ему в память о кереках, живших на Туманской и убивших его деда. На этом поселении заметны следы древних жилищ, часть из них перекрыта более поздними. Чукчи-талкэпылыт покинули это место в 60-х годах.

4. Тапанэргын — поселение было расположено на песчаном острове напротив горловины. Видимо, это поселение было временным, так как следов долговременных построек мы не обнаружили. По сообщениям информаторов-чукчей, есть следы древних землянок на самой косе Тапанэргын, в 5 км от устья к. югу.

5. Элкытвээм (совр. Алыкатваам) — поселение было расположено на левом берегу устья одноименной реки на высоком скалистом бугре. Заметны следы построек. Коренными обитателями было покинуто в конце XIX в., после этого место заселили телькепские чукчи, часть из которых перешла от оленеводства к рыболовству и морскому промыслу.

6. Мыс Гинтера — возможно, было сезонное зимнее поселение. Следы жилищ заметны на правом берегу горловины лагуны на склоне мыса.

7. Гачгатагын (совр. бухта Угольная) — поселение было расположено на правом берегу протоки лагуны Лахтина недалеко от устья. Заметны следы землянок, перекрытые современными рыбацкими постройками. В 1901 г. в нем побывал В. Г. Богораз, который отметил 1 подземную юрту и 25 кереков. Перепись 1926—1927 гг. насчитывает 2 хозяйства и 7 человек⁹. Поселение покинуто кереками в 1940-х годах.

Второе древнее поселение было расположено в 5 км от первого по галечниковой косе на левом берегу протоки. В настоящее время разрушено.

8. Қайамакүт — поселение было расположено в 10—12 км от Гачгатагына к мысу Отвесному в устье реки. Перепись 1926—1927 гг. насчитывает 2 хозяйства и 7 человек¹⁰. Покинуто кереками в 1940-х годах.

9. Майнамакүт — расположено в бухте Угольной рядом с поселением Қайамакүт. Перепись 1926—1927 гг. отметила 1 хозяйство и 4 человека. Покинуто в 1940-х годах.

10. Упанк или Упанкинмын — расположено на правом берегу протоки, соединяющей лагуну Забытую с морем. Заметны следы древних жилищ и более поздних землянок у подножия мыса. Перепись 1926—1927 гг. насчитывала здесь 3 хозяйства и 10 человек. Покинуто в 1930-х годах.

Второе, более древнее поселение располагалось на небольшой сопочке в 1 км от первого. На вершине обнаружен большой круг землянки и рядом — масса землянок меньшего размера. По всем признакам оно напоминает защитное укрепление, типичное для северо-восточных палеоазиатов. С одной стороны — отвесная гладкая скала, с другой — сравнительно крутой спуск, который зимой, облитый водой, становился недоступным противнику. С вершины сопочки хорошо просматривалась вся местность¹¹.

Мыс Упанк был удобным местом для заселения зимой и весной. Рядом богатые птичьи базары, зимой хороший промысел нерпы и лахтака. Кромка припая тянется зимой до мыса Барыкова, постоянные приливно-отливные течения образуют трещины и разводья, в которых и держатся ластоногие. По рассказам керек, живших в бухте Угольной, зимой здесь собирались все керекы из ближайших поселений.

11. Амаамын — заметны следы древних и более поздних землянок на левом берегу протоки, соединяющей лагуну Амаам с бухтой Ушакова на галечниковой косе. Второе, более древнее поселение расположено на левом берегу на вершине холма, который обнажился в результате обвала скал. Обнажение осыпается, видны остатки очагов, костей и бревен. Перепись 1926—1927 гг. отметила здесь 2 хозяйства и 9 человек.

12. Каңийун — первое более древнее поселение расположено на левом берегу протоки, соединяющей лагуну Орианда с морем, напротив устья на галечниковой косе, обильно покрытой травой. В обнажении видны остатки очагов, кости. В связи с тем, что устье горловины ежегодно смещается на север, поселение сильно размывается весенними и осенними водами.

Второе поселение расположено на правом берегу протоки, южнее первого, у основания косы. Древние жилища перекрыты более поздними. Видно, в этом поселении и побывал В. Г. Богораз в 1901 г. и отметил 1 подземную юрту и 25 керек. Покинуто поселение в конце 40-х — начале 50-х годов.

13. Этчун — расположено на буграх, на перешейке между оз. Пекульнейским и морем, в 20 км от Мейныпильгыно. Часть жилищ стояла на небольшом бугре, другая — у склона на берегу моря. Группа в 3—4 землянки имела соединительные коридоры. Видны одиночные обломанные челюсти китов (которые имели культовое значение оберегов поселения). Рядом с ними сохранились жертвенные места из черепов моржей. Поселение древнее. В исторической литературе и в архивных документах не упоминается.

14. Мэйныпилгын (совр. Мейныпильгыно) — древнее поселение располагалось на левом берегу протоки, в 8 км к югу от устья. Представляет собой высокие холмы с углублением посередине.

В. Г. Богораз не отметил это поселение, перепись 1926—1927 гг. насчитывала здесь 2 хозяйства и 2 керек в поселке, образовавшемся при рыббазе, и 7 хозяйств и 34 керек назвала кочевыми, относящимися к Керекремкинскому сельсовету. Керекы не занимались оленеводством, в данном случае, видимо, была учтена группа керек, живших в местечке Куэт у начала мейныпильгинской протоки, вытекающей из оз. Ваамочка, в устье Ваамочки и у начала горловины, вытекающей из оз. Пекульнейского. Некоторые семьи из этой группы жили летом у горловины оз. Кэйпилгын, севернее п. Мейныпильгыно. Н. Б. Шнакенбург в 1937 г. насчитывает в Мейныпильгыно 12 хозяйств и 32 керек.

15. Янкинаң — расположено на больших буграх у южного основания мейныпильгинской косы. Поселение древнее, частично обрушилось.

16. Ватыркан (совр. Хатырка) — первое поселение, более древнее, располагалось в устье р. Хатырки на правом берегу. Часть землянок стояла на прибрежной косе, другая — на склоне и вершине горы Камакыннот, на которой был богатый древний жертвенник из моржовых черепов. К сожалению, жертвенник основательно разрушен, черепа раскиданы по всему склону.

Второе поселение было расположено в 1 км от устья и перекрыто современными постройками.

Информаторы — керекы и чукчи рассказывали, что раньше коса больше вдавалась на север и на ней были землянки, но устье, смещаясь на юг, размыло косу и частично снесло древнее поселение. Следы землянок в устье у подножия сопки Камакыннот представляют лишь часть древнего поселения.

В. Г. Богораз побывал в 1901 г. в Хатырке и отметил 3 подземные юрты и 50 керек.

17. Эннуун (по-русски Аннушка) — древнее поселение. Землянки были перекрыты жилищами чукчей, перешедших на оседлость в конце XIX — начале XX в. В. Г. Богораз отмечает 1 юрту и 25 человек.

18. Мыллан (мыс Рубикон) — поселение располагалось у горловины лагуны Маллен. В. Г. Богораз отмечает 1 юрту и 25 человек. Перепись 1926—1927 гг. насчитывала 2 хозяйства и 15 человек, Н. Б. Шнакенбург в 1937 г. — 5 хозяйств и 26 человек. Поселение покинуто в 50-е годы.

19. Китана (Хатынь) — поселение было расположено на основании косы в левом углу лагуны Опука. Есть землянки у мыса Ыллавинаң (мыс Опука), одна из них сохранилась, лишь чуть-чуть западала вершина. Обнаруживаются землянки и в устье горловины на правом берегу. Перепись 1926—1927 гг. от-

мечала 3 хозяйства и 12 человек. Поселение было покинуто керекками в 50-х годах.

20. Элганын — сезонное летнее поселение бывших жителей Опуки. Расположено в 28 км от побережья на правом берегу р. Опука недалеко от оз. Кыплён.

21. Ягнагынон (мыс Лагунный) — древнее и более позднее поселения. Помимо впадин на месте древних землянок сохранились каркасы более поздних землянок, сделанные из плавника. Один каркас сохранился почти полностью. В. Г. Богораз в 1901 г. отметил здесь 1 юрту и 25 человек. Покинуто поселение в 40-х годах.

Дальнейший участок побережья до мыса Олюторский нам не удалось обследовать, поэтому мы лишь называем керекские поселения и приводим их численность по В. И. Иохельсону и Н. Б. Шнакенбургу.

21. Укилан (бухта Дежнева). В. Г. Богораз отмечает 1 юрту и 25 человек.

22. Ильпи — по В. Г. Богоразу 1 юрта, 25 человек; по переписи 1926—1927 гг. — 1 хозяйство, 5 человек; по Н. Б. Шнакенбургу — 4 хозяйства, 20 человек.

23. Мимильгытгын — по Н. Б. Шнакенбургу 2 хозяйства, 12 человек.

24. Мечивнын — по В. Г. Богоразу 1 юрта, 25 человек; по Н. Б. Шнакенбургу — 2 хозяйства, 14 человек.

25. Тапан — по В. Г. Богоразу 1 юрта, 25 человек.

26. Ваймантагин — по В. Г. Богоразу 1 юрта, 25 человек.

27. Тапатагин — по В. Г. Богоразу 1 юрта, 25 человек; по Н. Б. Шнакенбургу — 2 хозяйства, 14 человек.

28. Кавасят — по В. Г. Богоразу 21 человек, по Н. Б. Шнакенбургу — 3 хозяйства, 18 человек.

В прошлом несколько поселений составляли родовые объединения. Так, например, наваринские керекки все были связаны тесным родством, имели свою территорию и свой диалект. То же самое можно сказать и о хатырских, или, точнее, опукинских керекках. В. Г. Богораз, следуя в 1901 г. санным путем и спрямляя дорогу, видимо, посетил не все поселения керекков. Так, он не отмечает поселений Амакут, Упанкт, Амаамын и др., хотя в то время они должны были существовать, о чем свидетельствуют следы жилищ и сведения информаторов. В. И. Иохельсон, основываясь на данных переписи 1897 г., в северо-восточной части Гижигинской округи отмечает три рода приморских коряков, в число которых вошла часть керекков. Эти роды следующие: хатырский, кавачинский и похачинский¹². И совершенно не упоминает наваринский род, а возможно, и объединяет его с хатырским родом, хотя еще И. Анкудинов в своей записке от 1777 г. писал, что «...их там на Хатырке три жила; толко де еще по протяжению земли к устью реки Анадыря есть одно жило...»¹³. Возможно, это и были наваринские керекки.

Основываясь на наших данных о местах обитания и родовых связях, можно реконструировать следующие керекские родовые объединения, связанные территорией и общностью происхождения.

1. Туманские керекки занимали территорию на побережье Берингова моря от Анадырского лимана до мыса Барыкова и жили в поселениях Нигрин, Нигринутэтэгын, Талкапэргыргын, Тапанэргыргын, Элкытвээм. К XX в. были ассимилированы чукчами.

2. Наваринские керекки занимали территорию от мыса Барыкова до мыса Наварин и жили в поселениях Гачгатагын, Кайамакут, Майнамакут, Упанк, Амаамын, Каныйун. К началу XX в. эта группа сильно сокращается в численности, но сохраняется до наших дней и получает название «мейныпильгинские керекки». Потомки наваринских керекков в настоящее время проживают в п. Мейныпильгыно.

Побережье между мысом Наварин и устьем р. Хатырка в конце XVIII в. — в первой половине XIX в. не было заселено, хотя имеются следы поселений, но они, видимо, относятся к более раннему периоду. Это объясняется тем, что с началом межплеменных войн чукчей с коряками керекки покинули эту равнинную открытую местность и стали искать убежища на скалистых труднодоступных участках побережья (см. тексты 3, 4).

3. Хатырские, или, точнее, опукинские¹⁴ керекки занимали территорию от устья р. Хатырка до бухты Наталия и имели поселения Ватыркан, Мыллан, Китана, Ягнагынон, Ильпи, Мимильгытгын. Эта группа керекков частично сохранилась, а с организацией колхоза слилась с чукчами, осевшими на побережье, и постепенно с Опуки перебазировалась в п. Хатырка. Сейчас она почти полностью ассимилирована чукчами.

4. Ковачинские керекки занимали побережье от бухты Наталия до мыса Олюторский. К этой группе, видимо, относятся все остальные керекские поселения.

Похачинский род, упоминаемый В. И. Иохельсоном, видимо, представлял смешанную группу керекков и коряков-опукинцев, живших на реках Апука и Пахача.

Данные о численности керекков также крайне противоречивы и неточны.

Так, В. Г. Богораз в 1901 г. определяет численность керекков в 644 человека; В. И. Иохельсон, используя материалы переписи 1897 г., данные В. Г. Богораз и свои, насчитывает 600 человек¹⁵. Б. О. Долгих, выбрав из переписи 1897 г. керекков ковачинского и хатырского родов и анадырских, устанавливает численность керекков в 289 человек, перепись 1926—1927 гг. — в 315 человек¹⁶. Более точные данные дает Н. Б. Шнакенбург. Перечисляя все существовавшие в 1937 г. поселения керекков, он определяет общую численность их в 152 человека¹⁷.

К 1959 г. керекы жили в двух поселках Чукотского автономного округа: Мейныпильгыно и Хатырка. Перепись 1959 г. выявила в Беринговском районе 64 коряка. В результате полевых исследований было установлено, что настоящие коряки в этом районе не проживают. В конце 1969 г., например, в Мейныпильгыно нами был зарегистрирован всего один коряк из чавчуменов родом из Пенжино. Следовательно, те, кого учла перепись, являлись не коряками, а кереками.

На начало 1970 г. в Мейныпильгыно проживало 8 семей, в которых один из старейших членов (муж или жена) являлся керекком, чисто керекских семей, кроме семьи Етынкеу М. И., уже не было. Всего 31 человек, из этого числа только 15 человек считали себя керекками, но из них лишь 11 человек владели родным языком, остальные же пользовались чукотским и русским языками. В Хатырке числилось 11 керекков. О керекках квачинской группы никаких сведений нет.

В полевой сезон 1975 г. в Мейныпильгыно мы выявили только 5 керекков, владеющих родным языком, и в Хатырке — 9 человек. С 1970 по 1976 г. умерли естественной смертью в преклонном возрасте такие ценные информаторы-керекы, как Кежгынто, Омрытвааль (женщина), Кальвичану (женщина), Етынкеу М. И., Турылькот К. А. По существу источник информации исчез.

Какие же причины привели к исчезновению этого этноса?

«Прежде, — писал Н. Л. Гондатти, — это племя было многочисленно, но от частых голодовок некоторые поселки совершенно вымерли»¹⁸. О том, что в прошлом керекы были многочисленны, свидетельствуют предания и следы древних поселений на побережье от Анадырского лимана до мыса Олюторский. Тяжелые испытания пережили керекы в XVIII в., когда между чукчами и коряками возникали жестокие войны за обладание пастбищами и оленьими стадами. Керекы, неспособные к сопротивлению, оказались между двух огней. На них нападали и чукчи, и коряки, сжигали жилища, убивали взрослых мужчин, а детей и женщин уводили в плен и использовали как рабов. Спасаясь от сильных и воинственных чукчей, керекы находили убежище в пещерах отвесных скал, на островках (см. тексты 4, 5).

С приходом русских постепенно прекращаются войны между коряками и чукчами, керекы остаются в относительном покое, но попадают в полную экономическую зависимость от чукчей (см. текст 6), которые используют их в качестве пастухов.

В XIX в. в водах Берингова моря появляются многочисленные суда сначала американских китобоев, а затем японских рыбаков. Наносится большой урон морской фауне. Киты становятся пугливыми, исчезают моржовые лежбища на Земле Гека, у мысов Барыкова, Отвесный, Наварин и в других местах. Керекы с их примитивной техникой морского промысла

не в состоянии были добывать этих крупных животных. Значительно сокращаются и рыбные запасы из-за браконьерского лова рыбы японцами (которых керекы называли «в?айплакку» — «травянообувные»). Все это привело к систематическим голодовкам и духовному упадку.

Но самый страшный урон нанесли кереккам эпидемии конца XVIII—XIX в., когда вымирали целые поселения. Так случилось на Туманской, на Опуке. На Опуке летом 1975 г. мы обнаружили целую сохранившуюся землянку большого размера. Как утверждают информаторы керек Турэрэт и чукча Етаквыргын, здесь в конце XIX в. вымерла целая керекская семья. Поселение было в спешке покинуто, а землянка осталась нетронутой. Когда мы сделали попытку вскрыть ее, то оказалось, что внутри все превратилось в глыбу льда.

Естественная природная изоляция, межплеменные войны, резкое сокращение морской фауны, эпидемии оспы и других массовых заболеваний, которые в коллективных больших жилищах были губительными, — вот основные причины вымирания керекков. К приходу Советской власти физические и духовные силы керекской народности были надорваны, но она сохранилась и вступила на совершенно новый этап своего развития, но так как оказалась крайне малочисленной, то была быстро ассимилирована более многочисленными чукчами.

¹ Богораз В. Г. Чукчи. Ч. 1. Л., 1934, с. 3.

² Там же, с. 8.

³ Скорик П. Я. Керекский язык, с. 333.

⁴ Косвен М. О. Из истории этнографии коряков в XVIII в. — В кн.: Сибирский этнографический сборник. Т. 4. М., 1962 (Труды ИЭ, т. 18), с. 286.

⁵ Шнакенбург Н. Б. Нымыланы-кэрэки. — Сов. Север, 1939, № 3, с. 95.

⁶ Вдовин И. С. Анадырский острог. — Краевед. записки. Магадан, 1960, вып. 3, с. 31.

⁷ Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965, с. 107.

⁸ Подлинные документы о плавании С. И. Дежнева. — В кн.: Русские арктические экспедиции XVII—XX вв. Л., 1964, с. 139.

⁹ Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.). Благовещенск, 1929, с. 2, табл. 1.

¹⁰ Там же (в дальнейшем ссылки на перепись — по этому изданию).

¹¹ Леонтьев В. В. По земле древних керекков. Магадан, 1976, с. 90—93.

¹² Jochelson W. The Koryak. Цит. по переводу, хранящемуся в МАЭ.

¹³ Косвен М. О. Из истории этнографии коряков в XVIII в., с. 289.

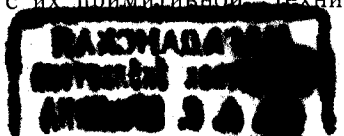
¹⁴ Хатырские керекы и чукчи не называют р. Опука (Опуха) этим именем и говорят, что настоящая Апука (Эпук) находится намного дальше, т. е. имеется в виду р. Апука, впадающая в море южнее мыса Олюторский. Лагуну Опука хатырцы называют Китапа, что значит по-керекски «холодная», «промерзающая», а реку, впадающую в эту лагуну, — Мыллывэйэм.

¹⁵ Jochelson W. The Koryak.

¹⁶ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVIII в. М., 1960, с. 553.

¹⁷ Шнакенбург Н. Б. Нымыланы-кэрэки, с. 98.

¹⁸ Гондатти Н. Л. Анадырские очерки. Хабаровск, 1897, с. 178.

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. Б. Шнакенбург в своей статье пишет: «В отношении экономики кэрэки бухты Анастасии примыкают к типу хозяйства, характерного для приморского оседлого населения восточного берега Камчатки, так называемых нымыланов-алюторцев, главной особенностью которых по сравнению с остальными подразделениями нымыланов являются рыболовство, морская и пушная охота как подсобные занятия и мелкотабунное оленеводство»¹.

У наваринских и хатырских кереков в начале XX в. был также комплексный, но несколько иной тип хозяйства, ведущими в котором были рыболовство и ловля птиц, морской промысел и пушной (как необходимые для товарообмена), меньшее место занимала охота на диких оленей, горных баранов и мелких грызунов (сусликов и тарбаганов). Большое значение в жизни кереков имело собирательство на морском берегу и в тундре, которое считалось исключительно женским делом. Мелкотабунного оленеводства, как у коряков — алыторцев и апукинцев, у этих групп кереков не было. У чукчей есть даже легенда о том, как керекы остались без оленей (см. текст 11).

Хозяйственный цикл у кереков разделялся на два основных сезона: летний и зимний. Летний начинался с июня и длился до начала заморозков в сентябре, зимний — с сентября по июнь. С этими циклами были связаны переходы из зимних жилищ в летние, а осенью — снова во вновь построенные зимние жилища (калхаакку). Осенью керекы промыслили тюленей и моржей, зимой ловили пушных животных; весной выкапывали из нор сусликов и заготавливали яйца, ловили птиц на птичьих базарах, летом ловили и заготавливали рыбу. Керекы промыслили нерпу на лежках, собирали морскую капусту на побережье и растения в тундре; весной охотились на лежащих на льду моржей и лахтаков, пеструю нерпу «калил?ан» и т. д.

РЫБОЛОВСТВО

Побережье Берингова моря от Анадырского лимана до мыса Олюторский, лагуны и реки изобиловали рыбой. Особенно много рыбы бывало во время рунного хода на нерест лососевых: нерки, горбуши, чавычи, кеты и гольца; эта рыба и была основным предметом промысла кереков, особенно нерка и кета. Из других видов рыб керекы ловили в лагунах и устьях рек навагу, корюшку, сига, чира, собирали на берегу моря уйка (ытый), а в море ловили палтуса и камбалу. Но эти виды рыб не заготавливали впрок, так как они не шли массой, их сразу же употребляли в пищу, и лишь уйка вялили на специальных подстилках или

Рис. 2. Способ вяления
мелкой рыбы

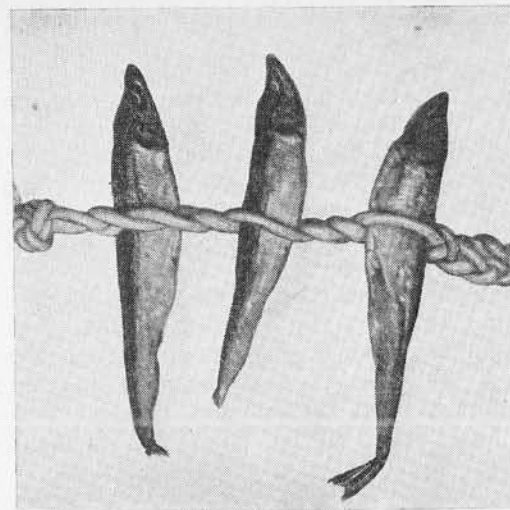
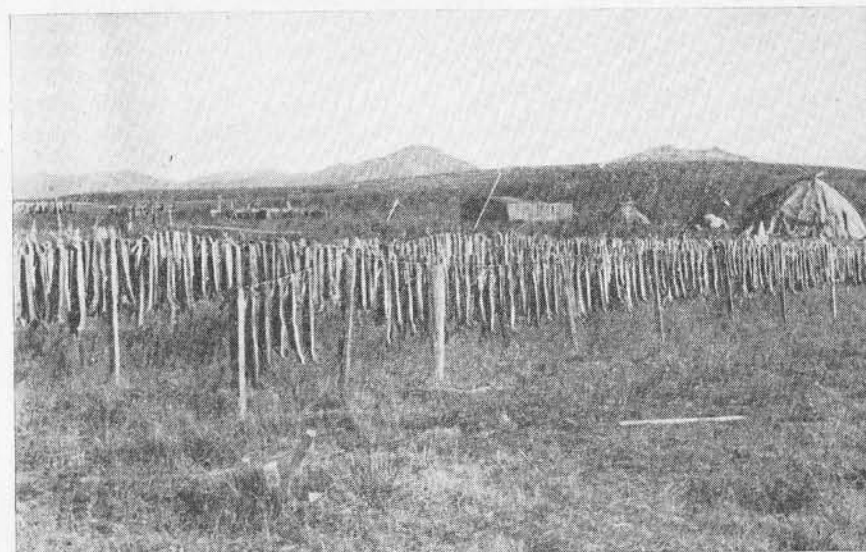

Рис. 3. Заготовка юколы.
Рыбалка на р. Ваамочка

слегка коптели в жилищах, вплетая в веревки, сделанные из травы «гитгин». Таким же способом иногда заготавливали и корюшку.

Лососевых ловили в устьях рек или поднимались чуть выше во время рунного хода. Тогда же шла массовая заготовка нерки и кеты впрок, их вялили на вешалах или закладывали в специальные ямы размером 1×1,5 м и глубиной до 1 м. В них рыба квасилась, и зимой ее употребляли в пищу и кормили собак.

Остатки таких ям сохранились до настоящего времени на старых летовках кереков.

Основным орудием лова рыбы у кереков были сети, их в прошлом плели из жил кита, а когда предоставлялась возможность, то и из жил оленя. Сети из крапивной нитки, какие изготовляли приморские коряки, и из привозной дели попадали к керекам крайне редко, через посредников и имели огромную ценность. Сети были короткими и ставились с берега с помощью специального шеста. Это было наиболее эффективное средство лова рыбы.

Но к концу XIX в., когда резко сокращается китовый промысел, сети собственного изготовления исчезают, а приобретение их у коряков, чукчей, у различных купцов представляет для кереков большую сложность, так как к этому времени они настолько нищают, что излишков собственной продукции (жира, ремней, шкур, юколы и пр.) для обмена почти не остается и едва лишь хватает на собственные нужды.

В связи с этим кереки переходят к более примитивным способам лова рыбы. «А летом он крючком «атчина» ловил рыбу. Вот таким способом заготавливал ее. Тогда не было сеток и делать их было не из чего, — рассказывает Етынкеу М. И. — Но вот новая власть пришла. Появился материал для сетей, мы стали сетки делать. Рыбу стали добывать достаточно». Как свидетельствуют кереки-информаторы Етынкеу М. И. и Кежгынто, они промышленно ловили рыбу в основном крючком «атчина» на длинном древке. По своей конструкции этот крючок похож на корякский и даже название такое же (*аччий* или *кыекый*). Крючок на коротком ремне привязывали к концу древка². Но таким способом невозможно было заготовить рыбу на всю семью на долгую зиму. И лишь с приходом Советской власти керекам стали доступны сети из привозной дели. Н. Б. Шнакенбург приводит наблюдения в сел. Малан (мыс Рубикон) зимой 1935 г.: «...на 5 корякских (керекских. — В. Л.) хозяйств приходится: сеток ставных — 10, лодок деревянных — 2, байдар из лахтака — 3, винчестеров — 5, капканов — 36, собак ездовых — 22. Этот инвентарь распределен хозяйствами более или менее равномерно. Более того, все 10 сетей являются коллективной собственностью»³.

Были у кереков и другие способы ловли рыбы. На зиму они ставили «морды», перегораживали небольшие реки. А на р. Мыльвэйэм в 28 км от устья летом 1975 г. у оз. Кыплён, расположенного у подножия одноименной горы, мы обнаружили искусственную плотину на протоке, соединяющей сравнительно широкое и глубокое нерестовое озеро⁴ с рекой. Плотина сложена на перекате из больших неокатанных камней, ширина ее от 40 до 60 см, длина около 10 м. Ближе к правому берегу плотина несколько понижается. В этом месте нерка, идя в нерестовое озеро, вынуждена была перескакивать через искусственную преграду. Вот тут ее и глушили специальными дубинками «куплунац» кереки. Чукотский топоним Кыплён, что значит «ударять», «бить»,

и появился на этой основе. В настоящее время в этом месте кереки и чукчи не промышленно ловят нерку, а ловят ставными сетями на реке. В прошлом таким же способом глушили рыбу на перекатах и в других реках.

Так же как и у других народов Камчатки и Чукотки, кереки широко употребляли для лова рыбы удочки. Особенно хорошо шли на удочку с началом зимы навага, корюшка и голец.

Рыболовство — древнее занятие кереков, но по орудиям и способам лова оно намного беднее корякского и примитивнее. В этом сказались не знание приемов добычи рыбы, а отсутствие материала для изготовления орудий лова. Удивляет, что керекская терминология по рыболовству и орудиям лова почти вся совпадает с корякской и заимствована из чукотского языка, хотя в прошлом чукчи не были хорошими рыбаками.

В начале XX в. в районе Камчатки стали промышленно ловить рыбу японские предприниматели⁵. Постепенно они поднимались все севернее. По воспоминаниям кереков, часто появлялись японцы в бухте Угольной и в губе Гавриила у мыса Наварин. Своими совершенными рыболовческими средствами они перегораживали протоки лагун, тем самым не давая войти рыбе в мелкие реки, на которых промышленно ловили кереки. Все это сильно сказывалось на благосостоянии кереков. При появлении японцев кереки уходили в недоступные, но не рыбные места и тем самым пропускали рунный ход рыбы.

Рыболовство у кереков сохранилось до настоящего времени. Сейчас кереки и чукчи ловят рыбу ставными сетями длиной 25—30 м. Зимой ставят сети подо льдом, вырубая с осени специальные лунки и пропуская ставной ремень. Готовят юколу для совхоза, который снабжает ею оленеводов. Часть рыбы солят. Для своих нужд керекам разрешается промысел лососевых в количествах, необходимых для питания.

ОХОТА НА ПТИЦ

Побережье Берингова моря богато морской дичью. Имеются большие птичьи базары на мысах Барыкова, Отвесном, Синоп, Басова, Гангут, Наварин, на отвесных скалах между мысом Наварин и устьем р. Пика, на мысах Хатырский, Рубикон, Опукинский, камне Яндал-Умен и далее к югу в бухтах Дежнева, Анастасии, Наталии и вплоть до мыса Олюторский. На лагунах и в долиных рек водится масса гаги и другой дичи. В связи с этим ловля птиц у кереков была важным и значительным промыслом. Уже в первых отписках русских землепроходцев отмечалось, что «пропитание имеют морскими зверми, птицею и рыбою»⁶. Керекское птицеводство являлось, пожалуй, более развитым видом хозяйственной деятельности, чем другие промыслы. Здесь значительно богаче терминология, оригинальны и совершенны способы ловли птиц, некоторые из них нам удалось реконструировать.

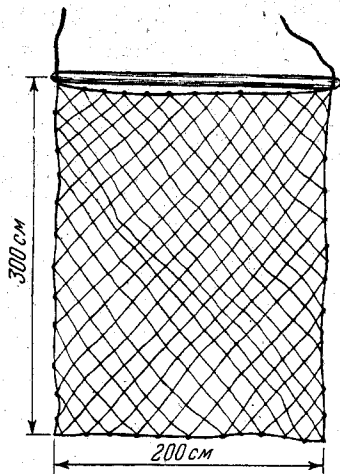

Рис. 4. Сеть «пайнинтын» для ловли птиц

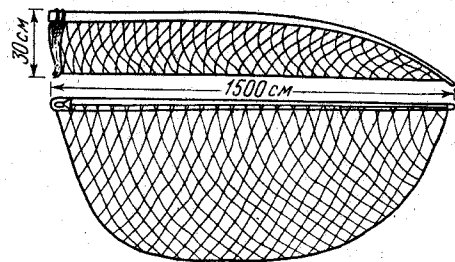

Рис. 6. «Унна» — керекский сачок для ловли птиц

Рис. 5. Силок «ивчукуна» с петелькой

Рис. 7. Обработанная тушка кайры

В пищу керекки употребляли всех морских птиц, но основным предметом добычи была кайра — «лыихалхакку».

Ловля птиц велась весной на птичьих базарах с отвесных скал. Ловили ее следующим способом. Из жил кита плели специальную сеть «пайнинтын» длиной до 3 м, шириной около 2 м с размерами ячеек 6×6 см. Одной стороной сеть привязывали к палке, нижний край оставался свободным. К концу палки крепили прочный лахтачий ремень. Промышлявший кайру керек подходил к краю отвесной скалы, на уступах которой внизу сидели на гнездах птицы, и, смотав сеть в рулон, бросал ее вниз. Сеть на лету распускалась, керек выжидал, когда успокоятся птицы, а затем начинал медленно поднимать сеть вверх. Кайры срывались с гнезд и попадали в сеть. За один прием в сети запутывались десятки кайр.

Подобного способа ловли кайр не было ни у чукчей, ни у эскимосов. И лишь С. П. Крашенинников отмечает его у ительменов: «Ловят их сетями, опуская на сидячих птиц сверху или расстилая на воде близ берега, в которых они запутываются ногами. По вечерам промышляют их силками, на долгие шести

привязанными, с которыми, к ним подкравшись, одну птицу по другой снимают: ибо они хотя и видят, однако того не опасаются...»⁷.

Керекки, возможно, тоже расстилали сеть на воде, были у них и силки, соответствующие описанным С. П. Крашенинниковым, назывались они «ивчукуна». Ими керекки ловили в основном бакланов, как правило, в полночь⁸. Со скалы на крепком ремне спускали человека. Он повисал там, где сидели бакланы, и спокойно надевал петлю на длинную шею баклана, сдергивал его и опускал в кожаную сумку, которую на ремне поднимали помощники.

Близкий к этому способ ловли птиц застал И. Анкудинов у ковачинских керекков в 1777 г.; «...вокруг Хатырского мысу (И. Анкудинов здесь ошибочно называет Олюторский мыс Хатырским.— В. Л.) до Тапатоги есть довольно небольших губ, в коих рыбы кеты, также птицы, черных урилов и топорков предовольно, коих тамошние жители промышляют вязанными и кропивою сетми; наперво в середине утесу на верху вяжут за камень или за колоченной деревянной кол ремень толстой, а другим свяжет де себя человек за середину и вязанную сеть, коя натянута по шесту не более как дву сажень, и спуститца на том ремне по утесу вниз сколко ему надобно и тех птиц на гнездах яичных ловит, а сколко наловит и вяжет на ремень; а потом другой человек, один или двое, на ремне натягивают нагору обратно»⁹.

У керекков было и другое приспособление для ловли птиц — «унна», которое по форме напоминало половину лука с тетивой с подвешенным к нему сачком, сплетенным из жил. Болло, распространенное у приморских чукчей и азиатских эскимосов, возможно, было и у керекков, но никаких сведений о нем собрать не удалось.

В птичьем промысле у керекков находили широкое применение специальные наконечники стрел — томары. Они крайне разнообразны по форме, большей частью похожи на корону.

В отличие от эскимосов и алеутов, живших на островах, керекки не использовали птичьи шкурки для шитья одежды, птица шла только в пищу. Обработывали ее своеобразным способом. Не ошипывая, отрезали у кайры кончики крыльев. Затем плечевой косточкой крыла, выдернутой из сустава, отделяли шкурку вместе с перьями от тела, ловко вытаскивали внутренности, а мясо птицы, в основном грудинку, разрезали, развешивали на балках в землянке и вялили над костром; шкурку, отрезав лапки, опаливали на костре, счищали гарь до белизны и после, перевязав шейку, тоже подвешивали на балках. Затем эти тушки, похожие на бутылки, наполняли яичным желтком. Употребляли в пищу в вареном виде. Заготавливали птицу в огромных количествах, чтобы пищи хватало до начала рунного хода лососевых рыб.

Лакомой едой у кереков считалась особая колбаса «павалй-аан». Приготавливалась она следующим способом. Из птицы (предпочитали чайку) вместе с желудочком вынимали пищевод, затем его надували и высушивали. После пузырь заливали желтком из яиц кайры, чаек, гаги и варили. Когда имелась возможность, то делали «павалйаан» из кишок дикого оленя и даже бурого медведя.

Подобные приемы ловли птиц и приготовления из нее пищи типичны как для наваринских, так и для хатырских кереков. Последние, кроме морской дичи, широко промышляли на гнездовьях уток-гаг «амцаам», используя для их добычи сети и тупые стрелы-томары.

Птицеловство было распространено среди всех групп кереков и составляло большой удельный вес в их питании, особенно после долгой и голодной зимы. Эскимосы тоже добывали птицу и употребляли ее в пищу и шили из нее одежду, но у них основным орудием лова были болла «апкытах'так». Болла были заимствованы и хорошо освоены и приморскими чукчами, которые переняли и название «эплкытэт». Этим орудием эскимосы и чукчи ловили в основном уток-гаг, метая их в пролетающие над галечной косой стаи весной и осенью. А у эскимосов о. Ратманова в Беринговом проливе были специальные сачки из китового уса на шестах, которыми они ловили морских петушков, летевших кучными стаями на гнездовья. Но эти орудия и приемы не имеют ничего общего с керекскими способами ловли птиц.

Имеется еще один документ, который констатирует этот промысел на Охотском побережье у так называемых «пеших тунгусов». Это «Роспись рекам и имена людям, на которой реке которые люди живут», составленная экспедицией русских служилых людей во главе с И. Москвитиним в первой половине XVII в.^{9а} «Роспись» дает сведения о развитии у «пеших тунгусов» рыболовства, сообщает, что «ездят на собаках», приводит данные об охоте на птиц, обратившие на себя внимание В. Н. Скалона, в «Росписи» имеются указания «на большое значение промысла птиц... и на характер самого промысла во время гнездования»¹⁰. Эти краткие этнографические определения («ездят на собаках», «большое значение имеет промысел птиц») сближают «пеших тунгусов» с северо-восточными палеоазиатами, точнее — с кереками.

Сейчас керек почти забыли древние способы ловли птицы и совершенно не занимаются этим промыслом. Этот вид промысла не упоминает уже Н. Б. Шнакенбург, проводивший исследование кереков в конце 30-х годов. Экономика кереков к этому времени значительно улучшилась, они получили более совершенные орудия рыбного лова, изменилось их питание за счет привозных продуктов.

МОРСКОЙ ПРОМЫСЕЛ

Способы промысла морских животных реконструировать подробно не удалось, так как к концу XIX в. он приходит в упадок, а в настоящее время керек совершенно не промышляют морского зверя и даже нерпу. Причину упадка морского промысла у кереков хорошо объяснил в свое время начальник Анадырской округи Н. Л. Гондатти. Он писал: «Керекиты бедны, часто страдают от недостатка корма, особенно в последние годы, когда благодаря деятельности американских судов, ежегодно в течение многих лет посещавших весной это побережье и даже теперь не оставляющих его без внимания, совершенно исчезли киты и моржи, вернее сказать, они, сильно напуганные, сделались совершенно недоступными для местного жителя, с его плохой байдарой и метательными орудиями»¹¹. Сокращение морской фауны, несовершенство орудий охоты и привели к полнейшему упадку морского промысла у кереков, что в свою очередь сказалось и на рыболовстве и на других видах хозяйственной деятельности. Частые голодовки и эпидемии стали постоянными для кереков.

На побережье от Анадырского лимана на юг до мыса Олюторский на местах старых поселений встречаются жертвенники, представляющие собой многочисленные скопления полусгнивших моржовых черепов. На этих жертвенниках также можно найти черепа нерп, лахтаков, сивучей и торчащие или упавшие одиночные челюсти гренландских и других крупных китов. В древних жилищах попадались китовые ребра, лопатки, рядом с поселениями встречались и китовые черепа. Все это говорит о том, что в прошлом большое место в жизни обитателей побережья занимал морской промысел, объектом которого были моржи, сивучи, лахтаки, нерпа и меньше — киты. Но промысловый инвентарь, собранный на жертвенных местах, в обнажениях и старых землянках, дал в основном наконечники стрел, копий, изготовленных из моржовой кости или оленьего рога, и ни одного более совершенного орудия, по сравнению с древнекорякским¹², типа эскимосско-чукотского поворотного гарпуна. Не слышали мы от кереков и о применении воздушных поплавок из нерпы «пыгыт», которые являются обязательными при гарпунном способе охоты. Керекский морской промысел имел свои специфические черты и отличался от эскимосско-чукотского и алюторского.

В коллекциях Н. Л. Гондатти, хранящихся в Музее антропологии и этнографии в Ленинграде, имеется несколько образцов керекских поворотных гарпунов. Но при тщательном изучении этих гарпунов мы пришли к выводу, что они, видимо, были заимствованы от эскимосов или приморских чукчей. По способу изготовления и конструкции они явно не керекского производства. Система крепления, узлов, петель, конструкция головки и упора не находят аналогий с эскимосско-чукотским гарпунным устройством, за исключением общего принципа действия и некоторых

подражательных деталей. Нельзя сравнить этот гарпун и с аляutorским поворотным гарпуном, который описывает И. С. Вдовин¹³. Последний скорее всего является заимствованием у китобоев, промышлявших китов в водах Берингова моря, но в миниатюре.

Одно керекское гарпунное устройство представлено в коллекции Н. Л. Гондатти в полном комплекте. «Керекская спица», как называет гарпун Н. Л. Гондатти, имеет длину 175 см. Головка и упор сделаны из клыка моржа, по длине и форме сильно отличаются от эскимосско-чукотских. По всему древку проходит лахтаций ремень, который перехвачен в двух местах, как и у чукчей. Неизношенность кости и отсутствие желтизны, а также следов жира на головке говорят о том, что устройство не было в длительном употреблении. Древко гарпуна обработано только ножом, следов рубанка не видно. В отличие от чукотского гарпунного комплекса головка гарпуна и упор прикреплены по скосу с уступами на древке и кости, в то время как чукчи и эскимосы вставляют их клином в прорезь древка и плотно обматывают плоским ремнем.

Наконечник гарпуна, по-керекски «вамак», сделан также из моржового клыка. Желтизна кости говорит о том, что он был в длительном употреблении. В отличие от чукотского и эскимосского орудия маленький железный вкладыш закреплен металлической заклепкой небрежно и неумело (чукчи и эскимосы заклепку делают из медной проволоки, которая не ржавеет в морской воде). Наконечник гарпуна соединяется с основным ремнем китовой жилы. Ремень лахтаций, толщина 4 мм, ширина 12 мм. На расстоянии 12 см от наконечника на ремне жилами закреплен колок, имеющий плоскую форму с утолщением у основания, которым он вставлялся в головку гарпуна (а затем уже на колок насаживался наконечник гарпуна). Освобождаясь колок из тела загарпуненного животного путем сильного рывка на себя: гарпун оставался в теле, колок — на лине и вместе с древком всплывал на поверхность. Этот способ освобождения гарпуна от древка не всегда был эффективным, так как вместе с колком и древком мог выскочить из тела животного и наконечник гарпуна, и животное с небольшой ранкой уходило от охотников.

Чукотско-эскимосский гарпунный комплекс действует несколько по-иному. Перед метанием колок «айчайпэнаң» вставляется в выемку головки «кагыргын» и усилием руки ставится в вертикальное положение. Роль пружины при этом играет смоченный ремень, идущий от головки. На конец колка насаживается наконечник «туккэн» с ремнем. Ремень в отличие от керекского гарпуна не соединяется с колком, а слегка натягивается вдоль древка и в центре у ременного перехвата затягивается свободной петлей. При попадании в зверя от легкого наклона древка колок выскакивает из головки, освобождается от застрявшего в теле животного наконечника и вместе с древком всплывает без всякого усилия со стороны гарпунера. Рывок

нужен лишь для того, чтобы сдернуть свободную петлю основного ремня на древке у перехвата. Чукотско-эскимосское гарпунное устройство, на наш взгляд, более совершенно, более производительно.

В коллекциях Н. Л. Гондатти имеется древко гарпуна с чукотско-эскимосским способом крепления головки. Возможно, что это древко вместе с наконечником было приобретено кереками у чукчей или эскимосов.

По сведениям керек-информаторов, в прошлом они не использовали поворотных гарпунов при охоте на китов и не преследовали их, как чукчи и эскимосы, чтобы загарпунить, а били их стрелами «чутчым» и копьями, стараясь перебить позвоночник у хвостового плавника (когда кит круто уходил вглубь, обнажая хвостовой плавник). Перебив позвоночник хвостового плавника, керекки тем самым лишали кита возможности двигаться. Охотились керекки обычно в устьях горловины лагунов, когда китов удобно было бить не только с байдар, но и с берега. Керекки, возможно, пользовались отравленными стрелами, как и алеуты, так как простой стрелой кита, пожалуй, не убьешь. Промысел китов сетями, как у аляutorцев, кереккам не был известен. Использовали керекки и мясо китов, загнанных касатками на отмели.

Употребительным орудием как на морской, так и на сухопутной охоте у кереков был «калувйанаңа», по-чукотски «кэлюунэң», как называет Н. Л. Гондатти — «медвежья дубинка». Этим орудием, крайне примитивным, керекки промышляли на лежках нерпу «калил?ан», лахтака «ун?ал», возможно, сивуча и моржа, убивали бурого медведя. В коллекции Н. Л. Гондатти мы исследовали два вида «медвежьих дубинок».

Первая представляет собой древко длиной 112 см, на утолщенный (3 см) конец которого насажен массивный кусок моржового мореного клыка в форме прямоугольника с закругленными каменным теслом гранями и большими шипами на поперечных сторонах. Длина куска 13 см, ширина 5—6 см, толщина 3 см. Второй конец древка сходит почти на нет, но имеет деревянный шип, на который насажен костяной наконечник. Кусок кости с шипами служил для убоя зверя и защиты от него, противоположный конец помогал при ходьбе по льду, твердому насту и выполнял роль посоха.

Вторая «медвежья дубинка» тоже представляет собой древко длиной 135 см, но на утолщенной своей части уже имеет насадку из железа, похожую на кайло или мотыгу. Для утяжеления веса и увеличения убойной силы дополнительно насажен округленный кусок моржовой кости с высверленным отверстием по сердцевине клыка. На другом конце древка имеется наконечник из оленьего рога с шипом.

В прошлом «калувйанаңа» был постоянным спутником керекки в тундре и на берегу моря, так же как у чукчей и коряков постоянными орудиями были копьё и лук со стрелами.

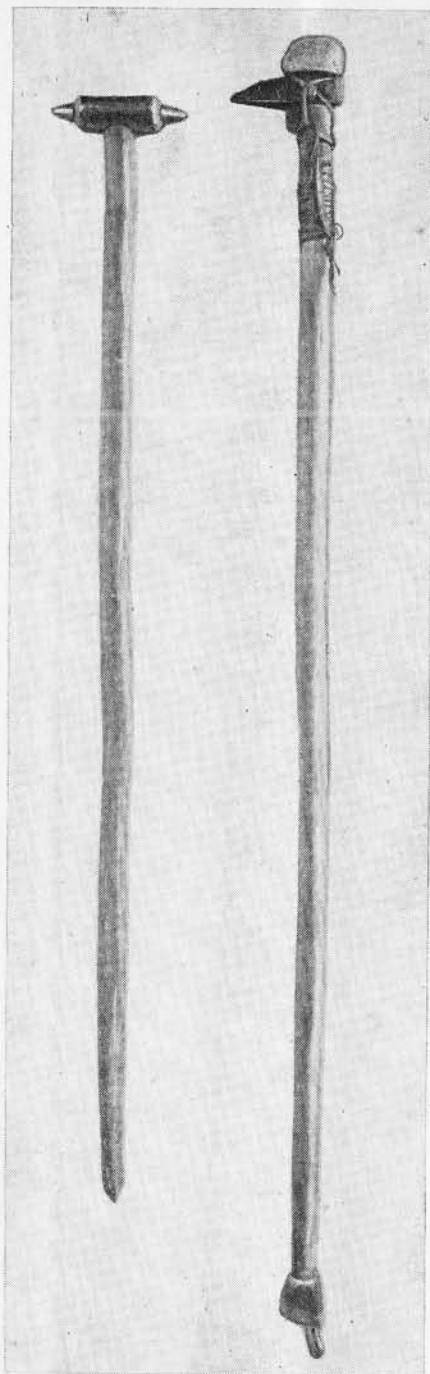

Рис. 8. Общий вид «калувйанана» — «медвежьей дубинки». Колл. МАЭ, № 408-56, 57

Рис. 9. Деталь железного «калувйанана»

Рис. 10. Деталь «калувйанана» из моржового клыка

«Калувйанана» дожил до настоящего времени и по-прежнему находит применение у охотников и пастухов. Так, в августе 1971 г. на рыбалке Ваамочка Мейньпильгинского сельсовета мы видели его у пастуха-оленовода. Но современный «калувйанана» сделан из стального шатуна малогабаритного мотора, насажен на конец пастушеского посоха и хорошо заострен. Служит одновременно и посохом и оружием для защиты от волка или бурого медведя и считается очень удобным и легким.

По своему назначению и способу употребления керекские «дубинки» находят аналогии с древними предшественниками томагавков индейцев Северной Америки. «Судя по имеющемуся сейчас археологическому материалу, предшественниками томагавков были каменные военные орудия, обнаруженные при раскопках некоторых могильников и курганов на территории Северной Америки. Встречаются, например, орудия из обтесанного камня, заостренного на одном конце с двух сторон, напоминающие мотыги. Каменное острие вставлялось в отверстие, просверленное на рукоятке из твердого дерева. Иногда вместо камня вставляли крепкий рог оленя»¹⁴.

В работах В. И. Иохельсона, В. Г. Богораза и современных этнографов нам не удалось обнаружить упоминаний о подобных орудиях ни у чукчей, ни у коряков, ни у эскимосов, кроме мотыг, которые с острием из моржового клыка употреблялись для сбора растений в тундре. Однако Н. Н. Степанов, приводя отписки русских казаков, пишет, что анаулы использовали как оружие «топоры на долгие топорщица сажены...»¹⁵. Анаулы, как предполагают этнографы, были одним из юкагирских племен и жили в XVII в. на среднем течении р. Анадырь, а «топоры на долгие топорщица сажены» похожи на керекские «калувйанана»¹⁶. Каменные и костяные молотки, прикрепленные ремнями к длинным деревянным рукояткам, в качестве орудий охоты употребляли коряки Охотского побережья, добывая ими нерп, запутавшихся в сетях¹⁷.

Немаловажное значение в жизни кереков имел промысел нерпы, в котором основным видом добычи была пестрая нерпа «ларга» — «калил?ан». Мясо и жир употреблялись в пищу, жир также шел на освещение и отопление, шкуры — на одежду, обувь, ремни. Но промысел нерпы был недостаточно развит. Наши сведения по этому промыслу, к сожалению, очень ограничены, так как в настоящее время он совершенно исчез и добыча нерпы является чистой случайностью. В прошлом кереки охотились на нерпу в основном на весенних лежках на льду, а осенью — на лежищах в устьях рек и лагун с помощью «калувйанана» и копий. Иногда во время хода рыбы они забрасывали на длинных ремнях большие металлические крючки с наживой из рыбы. Но этот способ был малоэффективен, так как нерпа в большинстве случаев объедала наживу, оставляя голый крючок. Кереки не использовали для ловли нерпы сетей, как другие подразделения приморских коряков. Не пользовались они сетями и для

подледного зимнего лова нерпы, как это делали приморские чукчи. Лишь с появлением огнестрельного оружия (начало XX в.) керекам стала доступна охота на нерпу в воде. В связи с этим у кереков появляется и закидушка «тыниван» для добычи нерпы на расстоянии. Эта закидушка, как видно, была заимствована у приморских чукчей.

Средством передвижения и промысла в летнее время служила байдарка коряжского типа, которая значительно короче чукотско-эскимосской и шире, нос и корма имели полукруглую форму. Байдару покрывали моржовыми или лахтачьими шкурами, а позднее — оленьими.

На основании имеющихся данных можно сделать вывод, что керекский морской промысел был ограничен прибрежными водами, косами и отмелями. Нерпу, лахтака, сивучей и моржа били орудиями типа «калувйанана», копьями и стрелами на лежбищах. Также промыслили нерпу зимой в бухтах у лунок и весной на плавучем льду и у кромки припая. Промысел морского зверя на плавучем льду был крайне примитивным и малоэффективным по сравнению с таковым у приморских чукчей и эскимосов. Поворотный гарпун керекам не был известен. С исчезновением моржовых и нерпичьих лежбищ нарушилось равновесие в эконике кереков, что привело к истощению и вымиранию этой народности.

ДРУГИЕ ПРОМЫСЛЫ

Пушным промысел в прошлом у всех народов Северо-Востока не имел какого-либо значения в их жизни. И лишь росомаха и речная выдра представляли большую ценность, так как шкуры этих животных шли на отделку меховой одежды и даже служили предметами межплеменного обмена. Правда, кереки в голодные годы промыслили песцов и лисиц, но не как пушнину, а для потребления в пищу. Ловили их простыми приемами: били стрелами, выкапывали из нор.

Развитие пушного промысла на Северо-Востоке связано с возникновением ясачных повинностей и началом формирования торговых отношений. Ясак платили в первую очередь те народности, которые были приведены в русское подданство и крещены.

В своей отписке от 1777 г. И. Анкудинов пишет, что «хатырские вышеописанные старшины Пиа и Увьят морем в байдарках приплыли и объявили себя бытием в подданстве е. и. в., кой по платеже ясака чрез перевод казака Герасима Лвова объявили ж, чтоб им впред ясак за себя и родников своих привозить в урочище Тапатогу к старшине Ивитке Памлыгову, если же русские пожелают и к ним на Хатырку за сбором ясака, то б без всякой боязливости приходили с написанного урочища Тапатоги в байдарах подле земли морем...»¹⁸ Хотя и обязались керекские старшины платить ясак, но исполняли это эпизоди-

чески, так как сообщение с русскими было крайне трудным. Наваринские кереки вообще не имели никакого представления об ясаке. И лишь в бытность начальника Анадырской округи Н. Л. Гондатти после 1894 г. был послан к наваринским керекам его помощник Анкудинов (возможно, однофамилец упомянутого выше иер его родственник). «Гондатти не применял особо жестких мер, послал с Анкудиновым сухарей для керекских ребятишек, их боязливые отцы пожертвовали несколько лисьих шкурок в ясачный фонд Российского государства». Далее В. Г. Богораз добавляет: «...племя кереков платило свой ясак только однажды или дважды. Потом они перестали приезжать в Анадырь и платить ясак»¹⁹.

Ясачная политика в какой-то степени обязывала кереков заниматься пушным промыслом, но за неимением охотничьих средств они были не в состоянии промысливать песцов и лисиц. Только с приходом Советской власти кереки через кооперацию стали получать капканы, огнестрельное оружие; активно занялись пушным промыслом и неплохо его освоили. Ставили они капканы распространенным повсеместно способом у приманки или по следу.

У кереков не существовало чукотско-коряжского поверья, что волк и касатка — это оборотни, добрые духи-помощники, поэтому они без боязни промыслили волков, использовали их шкуры на одежду и ее отделку. Добывали они волков при помощи особого колобка из жира «ивтувапак». В кусочек жира вставляли заостренную с двух концов гибкую тонкую пластинку из китового уса, свернутую в кружок. Затсем этот кусочек жира замораживали и разбрасывали по волчьим следам. Также кереки охотились и на других хищных животных. Такой способ промысла хорошо известен и эскимосам, которые так охотились на белого медведя.

Предметом сухопутной охоты в прошлом, о чем свидетельствует керекский фольклор, были также дикий олень «ылваца», горный баран «кичипаца», бурый медведь «кайцын» и другие животные. Но эти виды крупных животных были редкой добычей. По поводу убоя бурого медведя устраивали праздник «благодарения», реконструировать который не удалось; по своей значимости кереки сравнивают его с чукотским праздником «вылгыкаанматгыргын» — «тонкошкурого оленя забой». Летом 1971 г. мы побывали на чукотском празднике «вылгыкаанматгыргын», а потом спросили керека Етынкеу М. И.: «Был ли такой праздник у кереков?» Он ответил: «Нет, но мы устраивали большой праздник, когда убивали бурого медведя». К сожалению, ни он, ни другие кереки ничего больше не могли добавить, процесс обряда забыт.

В тяжелые голодные годы кереки помимо песцов и лисиц употребляли в пищу мелких грызунов (мышей, тарбаганов, сусликов) и собак. Промысел сусликов (сикакана) нашел отражение в сезоне года «сикакайиллын» — «сусликов месяц». Он со-

владал примерно с концом марта — началом апреля, когда с первыми теплыми лучами солнца начинали выходить из нор суслики. В это время кереки выкапывали их из нор (собирая одновременно и их оставшиеся запасы)²⁰.

Единственным домашним животным у кереков была собака. Среди чукчей и коряков кереки считались хорошими собаководами. Нарты у кереков были приземистыми и по своему устройству сходны с обычными грузовыми нартами чукчей и коряков. Собак запрягали попарно цепочкой. Помимо транспортных собак кереки выращивали и жертвенных, которых не использовали в упряжи.

Большое значение в жизни кереков имело собирательство. На берегу моря кереки собирали морскую капусту, водоросли, различных моллюсков, выбрасываемых морем во время шторма. Но в отличие от чукчей, керекское собирательство на берегу моря (йумэйчик) считалось исключительно женской работой. В тундре кереки собирали шикшу, морошку, голубику, бруснику и другие съедобные растения, некоторые растения и кустарники шли на плетение различных вещей.

У кереков по сравнению с чукчами больше была развита народная медицина. В качестве ваты они использовали мох «витыт» для очистки ран от грязи и крови (предварительно мох тщательно выпаривали). Сильная кровоточащая рана, кроме мха, обкладывалась свежими потрохами птицы или другого животного. Чтобы ноги не потели, кереки смазывали их свежей медвежьей кровью или бродили в ней.

¹ Шнакенбург Н. Б. Нымыланы-кэрэки, с. 101.

² См.: Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л., 1971, с. 30—31.

³ Шнакенбург Н. Б. Нымыланы-кэрэки, с. 99.

⁴ В этом озере нерестится особый вид нерки, которая значительно меньше настоящей нерки и похожа на самку горбуши. Как говорят хатырские кереки и чукчи, это единственное озеро, где нерестится этот вид нерки, в других местах ее не встречали.

⁵ Антропова В. В. Культура и быт коряков, с. 31—32.

⁶ Косвен М. О. Из истории этнографии коряков в XVIII в., с. 286.

⁷ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949, с. 316.

⁸ Мы не можем судить, насколько это верно, но кереки говорят, что в полночь в конце мая — июне, хотя и стоит светлая ночь, бакланы все равно ничего не видят.

⁹ Косвен М. О. Из истории..., с. 289.

^{9a} Степанов Н. Н. «Пешие тунгусы» Охотского побережья в XVII в. — В кн.: Сибирь в период феодализма. Вып. 2. Новосибирск, 1965, с. 128—139.

¹⁰ Скалон В. Н. Русские землепроходцы — исследователи Сибири в XVII в. М., 1952, с. 113—114.

¹¹ Гондатти Н. Л. Анадырские очерки. Хабаровск, 1897, с. 177.

¹² Васильевский Р. С. Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971, с. 214, табл. XVI.

¹³ Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973, с. 296, табл. II, 5.

¹⁴ Груфанов И. П. Кенайские томагавки из этнографической коллекции И. Г. Вознесенского. — В кн.: Культура и быт народов Америки. Л., 1967, с. 65—86 (МАЭ, сб. 29).

¹⁵ Памяти В. Г. Богораз. М.; Л., 1937, с. 220.

⁶ Леонтьев В. В. По земле древних кереков. Магадан, 1976, с. 146—148.

¹⁷ Васильевский Р. С. Происхождение..., с. 156—157.

¹⁸ Косвен М. О. Из истории..., с. 289.

¹⁹ Богораз В. Г. Чукчи. Ч. 1. Л., 1934, с. 61.

²⁰ См.: Богораз В. Г. Восемь племен. М., 1962, с. 40.

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

Керекские поселения располагались на галечниковых косах вблизи устьев рек, горловин лагун или же на небольших террасах рядом с нерпичьими и моржовыми лежбищами. Летние стоянки переносились на места, богатые рыбой.

Старые керекские поселения были покинуты населением в разное время. Причиной этого являлись столкновения с более сильными иноплеменниками, участвовавшие голодовки, эпидемии оспы и других болезней.

Поселение Нигрин на мысе Гека, возможно, было покинуто после встречи с русскими казаками. Об этом свидетельствует отписка Семена Дежнева¹. Кереки отошли на юг к Туманской и ниже. Это произошло в 1652 г.

Во второй половине XVIII в. большая группа чукчей-оленьеводов переходит на правый берег р. Анадырь и осваивает долины рек Туманской, Великой и Хатырки. На побережье происходят вооруженные столкновения. Чукчи, сильные и рослые, оттесняют кереков еще дальше на юг, к мысам Барыкова и Наварин.

Судя по сохранившимся котлованам землянок на месте старых керекских поселений на мысе Гека, в губе Гавриила и местечке Этчюн у Мейныпильгыно, они, видимо, были более крупными, чем в конце XIX — начале XX в., в которых побывал В. Г. Богораз, и состояли из жилищных комплексов, т. е. групп землянок, соединенных ходами.

К концу XIX в. у кереков были зимние и летние поселения. Зимние поселения представляли собой большие коллективные землянки, в которых жили несколько семей, летние — временные жилища типа шалаша. Так, например, в бухте Угольной места Гачгатагин, Кайамакут, Майнамакут и Упанкинмын считались территорией одной группы кереков. Осенью, когда прекращался ход лососевых, кереки переселялись на мыс Упанкинмын — Отвесный. Зимой они занимались морским промыслом, так как рядом была кромка припая и море всегда было открытым; весной собирали яйца и добывали птиц на птичьих базарах, которыми изобилуют отроги Корякского нагорья. Летом расселялись по указанным местам.

Керекские зимние поселения, как и у коряков-апукинцев, состояли в основном из одной большой землянки и лишь в двух было по три землянки². В отличие от других групп коряков ке-

реки переселялись в зимние жилища с первым снегом, с первыми заморозками. Рядом с землянками стояли специальные помосты «майца», на которых хранили различное имущество, нарты и т. п.

Для племен Северо-Востока в прошлом были типичны полуподземные жилища, которые дореволюционные этнографы называли «подземными». «Обозначение типа жилищ именем «подземных» не всегда правильно... большая же часть так называемых подземных жилищ находится под землей в большей или меньшей степени (приблизительно наполовину или меньше), в то время как их надземная часть покрыта землей, вынутой из ямы, в которой жилище устроено. Все эти жилища можно было бы обозначить общим именем землянок, если бы к этому типу не принадлежали аналогичные юрты, покрытые сверху снегом вместо земли, какие мы находим у эскимосов и у отдела коряцкого племени, известного под именем кереков»³. Замечание В. И. Йохельсона справедливо. Название «подземные жилища» не подходит ко всем типам жилищ народов Северо-Востока, поэтому в советской этнографии они получили название «полуподземные» или «полужемлянки», так как в большинстве случаев только основание жилища находится в земле, да и то на небольшой глубине.

Полуподземные жилища по своим конструктивным формам, несмотря на относительную примитивность, были хорошо приспособлены к климатическим условиям и тесно связаны с географической средой. В них много общих конструктивных деталей, но в то же время имеются и различия. В. И. Йохельсон, сравнивая подземные жилища народов северной части Тихого океана, отмечает следующие характерные черты.

1. Яма для жилища круглой или неправильной формы глубиной от 3 до 6 футов обыкновенно выкапывается на холме, с тем чтобы дождевая вода могла стекать вниз по склону холма.

2. Стены сделаны из бревен, поставленных в яме вертикально. Они образуют прямоугольник или неправильный восьмиугольник или имеют круглую форму, стены наполовину или на треть выходят над ямой, но эти надземные части стен обкладываются землей, вынутой из ям, наподобие вала или обносятся землей в виде холма.

3. Крыша поддерживается четырьмя или более столбами, стоящими в середине жилища, а уклоны крыши спускаются к стенам.

4. Квадратное отверстие в крыше служит дверью, окном и для выхода дыма. Для входа в жилище поставлено бревно с зарубками, служащее лестницей⁴.

В общем эти черты типичны для керекских полуподземных жилищ, но имеются существенные различия: отсутствие стен из вертикальных столбов, бревна с зарубками для выхода, использование проема в крыше как свето-дымового отверстия, наличие длинного коридора, стены которого сделаны из снега.

В керекском языке есть два названия жилища: «куймааана» (букв. «с ответвлениями жилище») и «валхаан», которое соответствует чукотскому «валқыран», т. е. «из челюстей кита дом». Это слово заимствовано из чукотского языка и, видимо, вошло в употребление в период перехода от коллективных жилищ к одиночным.

«Куймааана» — это описательный термин, и относится он к сложной системе жилищ, представляющих собой внушительное сооружение, хотя оно было неприметным издали, так как, покрытое дерном, сливалось с естественным ландшафтом. Основу «куймааана» составляла большая общая землянка, имевшая свой выход. Рядом с ней по окружности располагались землянки меньшего размера, в которых уже жили отдельные семьи. Все землянки соединялись с центральной ходом, а некоторые малые землянки имели свой отдельный выход. Кроме того, выходы-коридоры имели небольшие ответвления, которые служили кладовыми для хранения пищи и различных предметов обихода. Возможно, что такое жилище и упоминает С. Дежнев: «...юрты у них большие: в одной юрте живет семей по 10-ти...»⁵

В отличие от чукотских полуподземных жилищ «клегран», «валқыран» и эскимосских «нынлун» керекское жилище типа «куймааана» строили не на склонах, а на буграх, небольших сопочках или же прямо на косе на ровном месте.

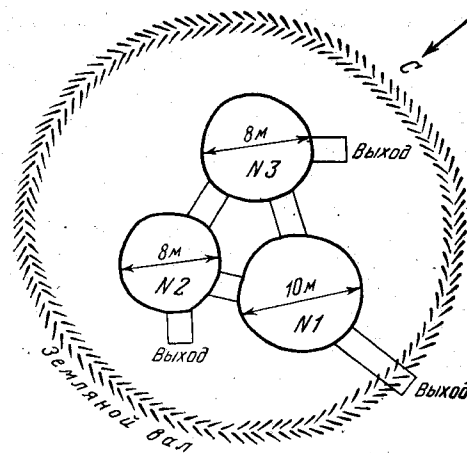

Рис. 11. Схема жилищного комплекса «куймааана». Поселение Э'тчун

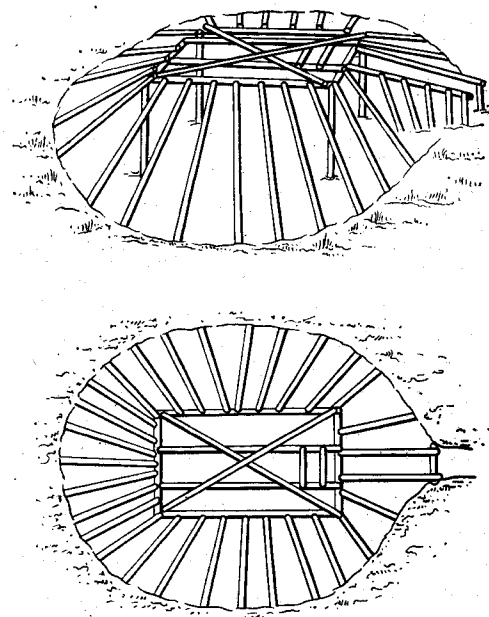

Рис. 12. Каркас керекской землянки

При строительстве предварительно снимали вместе с дерном слой земли и выкапывали яму глубиной 0,5 м, т. е. настолько, насколько позволяла мерзлота. Затем в центре по форме квадрата вкапывали четыре стойки, отстоящие друг от друга на 2—4 м. Соединялись стойки перекладинами. На перекладины без всякого крепления наваливали толстые жерди и под наклоном закрепляли их в земле. Для выхода, который имел небольшой подъем, тоже клали две крепкие балки. Все это сооружение обкладывали дерном «китпакку» и затем все щели тщательно забивали песком и землей. В крыше оставляли свето-дымовое отверстие «инуйнын». Зимой его закрывали тонкой пластиной речного льда. Эти пластины заготавливали, как только становились реки и озера. Пол в землянке засыпали галькой. Вдоль стен оставляли земляной выступ, на него обычно клали различные хозяйственные вещи. Каждая семья жила в отдельном пологе, очаг был общим. Когда усиливались морозы и выпадал снег, то землянку сверху обкладывали снегом, а к выходу дополнительно пристраивали длинный снежный коридор «хаттуйун».

Длинный тунелеобразный выход, подобный керекскому, обращенный к морю или к берегу реки, мы находим и у коряков-апукинцев, жилища которых имеют много схожих черт с керекскими.

Примерно такое же описание керекской землянки мы находим у В. И. Иохельсона: «Кереки, как указывалось выше, строят свое полуподземное жилище без воронкообразной крыши; так как дымовое отверстие не служит выходом, то у них нет и стремянки. Остов юрты, сооруженный в вырытом углублении, делается из кривых шестов и засыпается землей. Внутренность юрты выложена кругом шкурами. Зимой, чтобы сберечь как можно больше тепла, жилище засыпается толстым слоем снега. Выход как зимой, так и летом — через длинные узкие сени. Внутреннее устройство такое же, как и у других корякских подземных жилищ»⁶.

Объясняя отсутствие раструба, В. И. Иохельсон говорит, что кереки не делают воронкообразных крыш, потому что у них нет нужного для этого материала⁷. В какой-то степени В. И. Иохельсон прав, но ведь у коряков-алюторцев, живших на побережье залива Корфа, были воронкообразные крыши «вуйвэлкын»⁸, хотя строительного леса, кроме плавника и кустарника, поблизости не было. Кроме того, при строительстве керекской землянки на стойки и перекладины шло значительное количество древесного материала. Отсутствие раструба, видимо, специфическая особенность керекских жилищ.

Керекский жилой комплекс типа «куймааана» находит почти полную аналогию с Атарганской стоянкой на побережье Охотского моря. Там также центральное место занимает большое жилище, «к насыпи которого с внешней стороны примыкают 4—5 жилищ диаметром 5—8 м»⁹. Тот же автор отмечает, что

«на крыше атарганской полуземлянки не было, по-видимому, еще воронкообразного устройства для защиты дымового отверстия от снежных заносов»¹⁰. Можно предположить, что землянки керекского типа, видимо, более древнего происхождения, чем землянки коряков с воронкообразными устройствами на крышах. В керекских землянках, так же как и в атарганских, очаги были сложены из вертикально стоящих каменных плит и имели прямоугольную форму. Для того чтобы дети случайно не упали в очаг, кереки сверху накрывали его большой каменной плитой. В 1973 г. подобный очаг был обнаружен нами в обнажении на Беринговской (Гачгатагын) стоянке. К сожалению, эта стоянка полностью разрушена.

Керекское жилище не было приспособлено для двух годовых сезонов: лета и зимы. Летом в дождливую погоду землянка быстро разрушалась. В связи с этим на каждую зиму, с началом сильных заморозков кереки строили новые землянки, используя лишь деревянный строительный материал. Особенно ценились основные стойки полуземлянки.

При переселении в зимнее жилище кереки устраивали праздник. Он начинался, когда землянка была уже обложена дерном, сделана засыпка стен и пола песком и галькой. Во время праздника основные четыре стойки землянки мазали толокушей «миймий», приготовленной из ягод шикши, корешков клайтони «валкумйакку» и перемешанной с жиром. Толокушу на специальных маленьких подносах выносили из землянки и разбрасывали в разные стороны, а вокруг жилища клали пять-шесть стрелок, сделанных из дощечек; это были обереги от всяких бед. Такие стрелки были найдены нами на старом поселении у мыса Рубикон. Они были изготовлены из дощечек тары и относятся к 1930-м годам. После всех охранительных обрядов жители приступали к обычной трапезе. Вспомнить название праздника кереки не смогли.

Интересна одна деталь, которую нам не приходилось наблюдать у чукчей: кереки в землянках ложились спать всегда головой к восходу солнца, покойников же до похорон клали головой к закату. Эта традиция соблюдается и сейчас современными кереками в деревянных рубленых домах. Они никогда не поставят кровать изголовьем к западу.

Для старых чукотских и эскимосских поселений типичны остатки больших мясных ям «увэрат». Подобных сооружений мы не находили на керекских поселениях. Для них типичны небольшие прямоугольные ямы размером 1×1,5 м для квашения рыбы на местах ее ловли и малоприметные ямы для хранения запасов пищи. У кереков было два вида кладовых: «ачаан» — кладовая для хранения небольших запасов пищи вне землянки, где-то скрытая, о которой знали только самые старшие члены семьи, и «илпахайакку» — кладовые, соединенные с землянкой ходом. Первая кладовая, скрытая и расположенная в стороне от землянки, иногда даже на большом расстоянии, делалась с

целью уберечь запасы продуктов в случае нападения иноплеменников, которые обычно грабили кладовые.

Во второй половине XVIII в. керекы, спасаясь от нападения чукчей и коряков, вынуждены были скрываться в естественных пещерах. Одно такое убежище было на оз. Пекульнейском, второе — у мыса Наварин. К сожалению, каких-либо предметов материальной культуры в этих пещерах обнаружить не удалось. Были у кереков и укрепленные поселения в труднодоступных местах: одно — на мысе Отвесном, другое — скалах мыса Наварин.

Большой интерес представляет одна загадочная находка. Летом 1973 г. в губе Гавриила в обнажении старого поселения Каныйун был обнаружен очаг, расположенный вне жилища, в 4—5 м от него. Такой же очаг, но большего размера, был обнаружен летом 1975 г. на том же обнажении в 12 м от первого к северу.

Первый очаг находился на глубине 70—80 см от дернового слоя. Он выложен из целых каменных плит толщиной 8—10 см, поставленных на ребро. Плиты сильно окалины изнутри. Ширина очага 53 см, длина 60 см, глубина 50 см. Дно очага имеет угольный слой, от времени и жара спекшийся. Основание очага стоит на гальке. С правой стороны вплотную к очагу пристроено дополнительное сооружение из более тонких каменных плит, похожее на печную трубу. Этот дополнительный очаг не имеет никакого соединения с основным очагом. Плиты наложены на связку из глины. Расположен он несколько ниже верхнего края боковой плиты основного очага и уходит на глубину 65 см. Ширина «трубы» 22 см, длина 24 см. Плиты также сильно окалины, на дне обнаружено большое количество углей.

Второй очаг, расположенный на глубине 88 см, отличается от первого своими значительными размерами и сверху похож на большое прямоугольное корыто. Он также сложен из целых массивных каменных плит толщиной от 10 до 20 см. Ширина очага 82—84 см, длина 95—99 см, глубина 51 см. Днище очага покрыто угольной пылью, зацементировалось, внутренние стены сильно окалины. С правой стороны, как и у первого, пристроен дополнительный очаг, сложенный из тонких каменных плит и уходящий на глубину 70 см. Он также не имеет никакого соединения с основным очагом, но в отличие от первого накрыт плоским камнем (который на чертеже показан сдвинутым). На дне дополнительного очага также обнаружены угли, стены очага окалины.

Обнажение каждой весной подмывается водой, у его подножия много обвалившихся очагов. Видимо, подобные очаги были широко употребительны в этом поселении. Каменные плиты, из которых складывались очаги, были обнаружены нами на склоне мыса Басова в 10 км от поселения.

Назначение этих очагов было выяснено в беседе с кереками Омрытвааль, Хатканой Е., Етынкеу М. И., Турылько-

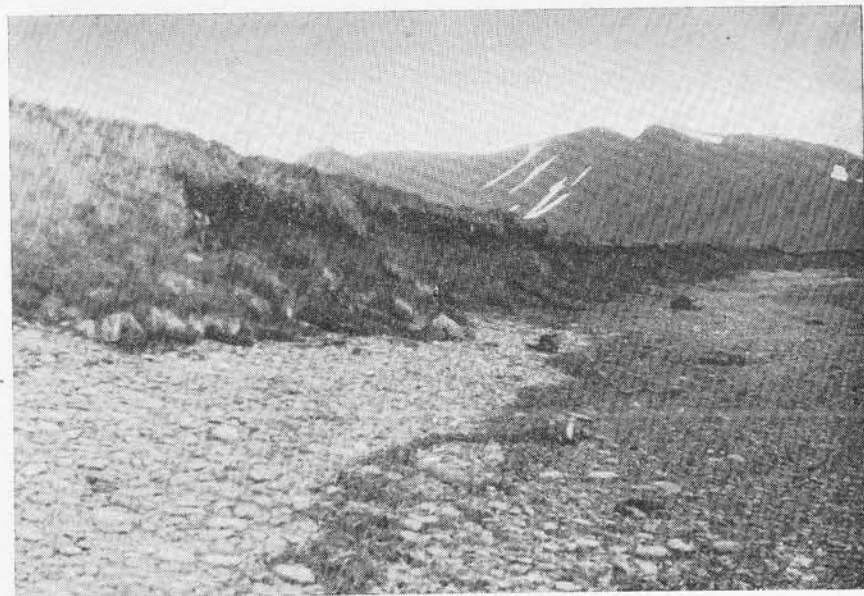

Рис. 13. Обнажение поселения Каныйун

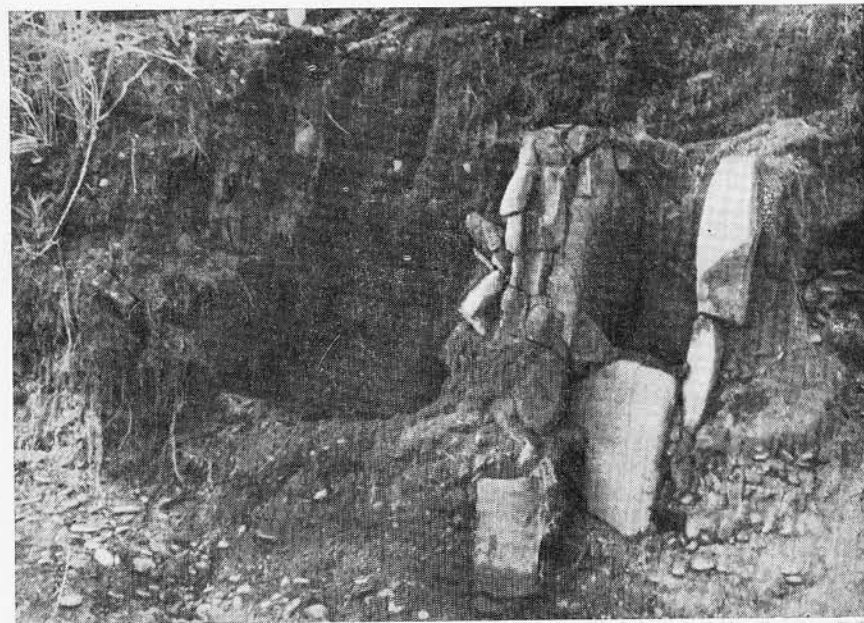

Рис. 14. Очаг 1 на поселении Каныйун

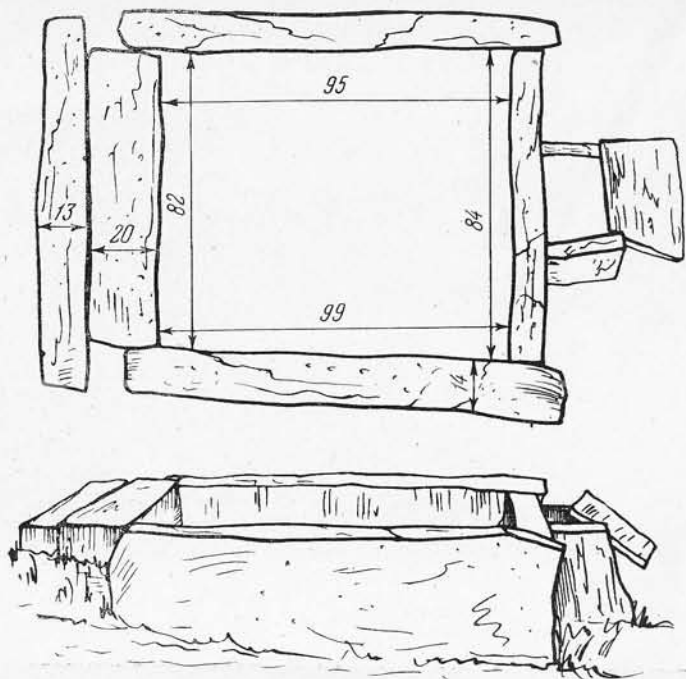

Рис. 15. Очаг 2 на поселении Каныйун

том К. А. и чукчей Куттегиним И., родом с губы Гавриила и жившего совместно с кереканами. Старушка Омрытвааль застала очаги еще при своей жизни.

В керекском языке есть слово «пуйалкык», что значит «парить», «тушить» пищу. Делалось это следующим образом. В земле выкапывали яму, обкладывали ее плоскими камнями и разводили огонь. Когда камни нагревались, угли вытаскивали, а в яму закладывали дичь, рыбу или мясо. Сверху яму закрывали плоским камнем и засыпали землей или песком. Дичь или рыба тушилась в собственном соку, получалась хорошая вкусная еда. Кереки отдавали предпочтение такому способу приготовления пищи (чукчи говорили, что кереки без всякой посуды могли приготовить себе еду). Очаги, обнаруженные в обнажении поселения Каныйун, и служили для приготовления пищи таким способом. У чукчей и эскимосов подобное наблюдать не приходилось.

Аналогичный способ приготовления пищи констатирует у ительменов С. П. Крашенинников: «...сперва копают ямы, смотря по количеству мяса и жиру, в которых пол устилают камнем. Потом накладывают полную яму дров и, зажегши снизу, по тех пор топят, пока она как печь накалится. Когда яма готова будет, то золу огребают в одно место, пол устилают оль-

ховником, а на ольховник кладут особливо сало, а мясо особливо, и каждый слой перекладывают ольховником; напоследок, как яма наполнится, то заметают ее травой и засыпают землей так, чтоб пару выйти не можно было»¹¹.

В советское время в связи с преобразованием хозяйства народов Северо-Востока происходит укрупнение поселков. Кереки переходят жить в новые поселки: Мейныпильгино и Хатырку. Основным жилищем кереков становится деревянный рубленый дом. Но традиция жить уединенно по-прежнему сохраняется среди кереков старшего поколения. Они предпочитают жить в специальных жилищах, расположенных на промысловых местах, они сооружают их сами из современных материалов: досок, железа, толи и т. д.

Вот как выглядело современное жилище керека Турылькота К. А. на рыбалке Куэт в 22 км от поселка Мейныпильгино. Домик засыпной, 4,5×8 м, с пологой двускатной крышей, без потолка. Справа от двери стояла железная печь. В правом скате крыши, ближе к выходу, прорезано окно «инуйнын». Дальше в глубь комнаты натянут на распорках пол из прочной материи. Хозяева обычно спят в пологе на оленьих шкурах, накрывшись современными одеялами, а приезжие и гости — вне полога с правой стороны. Чтобы в жилое помещение не поступал холодный воздух, пристроен небольшой тамбур, в котором хранятся сети и различные домашние вещи. Когда в двери тамбура начинает дуть сильный ветер и бить дождь, хозяин делает заслон из досок, чем-то напоминающий длинный снежный коридор в древних землянках кереков, который когда-то тоже служил заслоном от прямых ветров. Такое же жилище было и у керека Кежгынто, жившего на рыбалке Ваамочка. В поселках кереки имели свои благоустроенные квартиры, но все же предпочитали жить на местах промысла.

¹ См.: Подлинные документы о плавании С. И. Дежнева.— В кн.: Русские арктические экспедиции XVII—XVIII вв. Л., 1964, с. 139.

² Стебницкий С. Н. Нымыланы-алиоторцы (к вопросу о происхождении оленеводства у южных коряков).— Сов. этнография, 1938, № 1, с. 135.

³ Йохельсон В. И. Древние и современные подземные жилища племен северо-восточной Азии и северо-западной Америки. СПб., 1908.

⁴ Там же, с. 22.

⁵ Подлинные документы о плавании С. И. Дежнева, с. 139.

⁶ Jochelson W. The Koriak. New York, 1905. Цит. по переводу, хранящемуся в МАЭ, с. 366.

⁷ Там же, с. 357.

⁸ Вдовин В. И. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973, с. 76.

⁹ Васильевский Р. С. Происхождение и древняя культура коряков, с. 51.

¹⁰ Там же, с. 141.

¹¹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949, с. 272.

ЖЕРТВЕННЫЕ МЕСТА «КАМАК»

Как правило, рядом с каждым старым керекским поселением имелось жертвенное место, представлявшее собой многочисленные скопления моржовых черепов с воткнутой китовой челюстью. Такие жертвенные места были обнаружены нами в Корякском авт. округе в лагуне Опука на галечниковой косе и мысе Ыллавиана, на мысах Рифовом и Лагунном, на правом берегу устья р. Хатырки, у оз. Пекульнейского на холмах в местечке Этчун, на мейныпильгинской косе, в губе Гавриила и на Земле Гека¹. Некоторые из них разрушены и разорены, и лишь жертвенники на Опуке, в губе Гавриила и на Земле Гека дали обильный материал. Несколько наконечников стрел найдено на мысе Рифовом.

И. С. Вдовин подобные жертвенные места называет *анпиль* — «дедушка» и *ыллпиль* — «бабушка» (на алюторском диалекте корякского языка) и связывает их с культом предков. «В прошлом, — пишет он, — это непрменный атрибут селения. В настоящее время они сохраняются лишь в виде остатков жертвенных мест. Внешне они выглядят как скопление черепов и рогов оленей, черепов моржей, сивучей, медведей и других морских и сухопутных животных, постепенно зарастающее травой. До начала 30-х годов нашего века на таких жертвенных местах стояли или деревянные столбы, заканчивающиеся стилизованным резным изображением лица человека, или отдельные кости кита. Теперь уже этих фигур-столбов нет, они не сохранились, но на поверхности и в земле остаются рога оленей, черепа добывавшихся животных, а также отдельные орудия, видимо применявшиеся при охоте на этих животных. Это-то обстоятельство и придает данным памятникам ценность. Это как бы кладовая орудий охоты, которые оставались здесь охотниками из года в год, слоями, на протяжении не только многих десятилетий, но, вероятно, не одного столетия. Такого рода многослойные жертвенные места исключительно интересны и важны для истории, потому что они дают наглядное представление об орудиях охоты, используемых при добыче тех животных, черепа которых здесь собраны»².

Подобные жертвенники широко распространены по всему северо-востоку Азии. Встречаются они не только в Корякском автономном округе, на исследованном нами участке побережья Берингова моря, но и в Провиденском, Чукотском районах Чукотского автономного округа и далеко в глубине тундры, имеют различное название и не все, на наш взгляд, связаны с культом предков.

Так, по нашим полевым наблюдениям, в Уэлене родовыми местами были камни Ынпыначгын — «старик» и Ынпыцэв — «старуха». Первый из них стоял у самого обрыва скалы Ёпын,

Рис. 16. Жертвенник в местечке Этчун

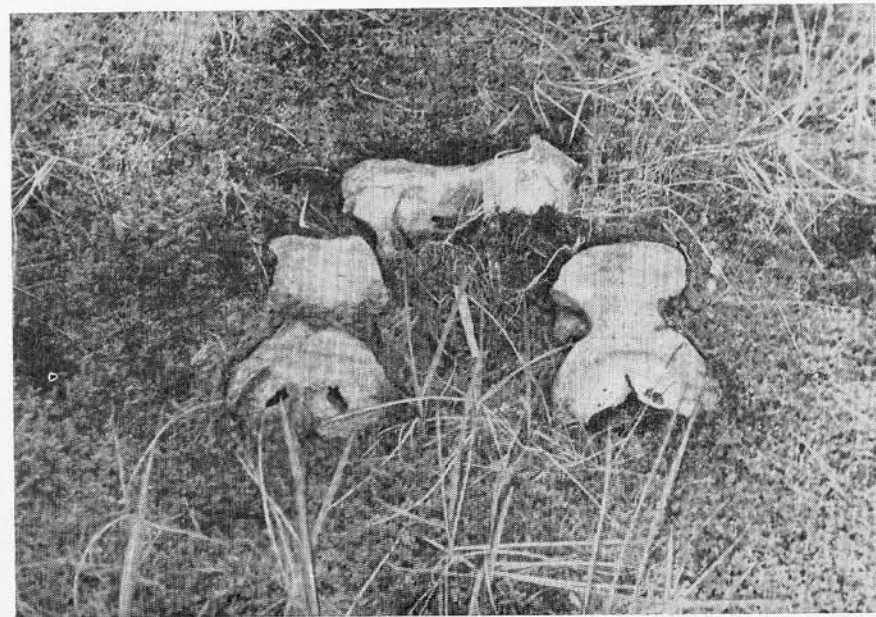

Рис. 17. Жертвенник «камак» на Земле Гека

второй — несколько дальше от моря по направлению к древнему могильнику. Еще 20 лет назад нам приходилось наблюдать, как старые охотники, возвращаясь с моря с добычей и проходя мимо скалы Ёпын, соскабливали с морды нерпы или лахтака намерзшую кровь и бросали ее к культовым камням³.

Чуть выше камней Ынпынанчгын и Ынпынэв было жертвенное место Рывтвалывыттэ — «поставленные головы», где лежали черепа моржей и белых медведей, повернутые в сторону моржового лежбища у местечка Кэньпгэн. Отмечал наличие этого жертвенного места и Н. Н. Диков: «Несколько в стороне от могильного бугра на задернованной поверхности выложено кольцо из хорошо сохранившихся медвежьих черепов»⁴. Это все, что осталось от древнего жертвенного места, моржовых черепов с клыками уже не было, но в 30-х годах моржовые череп с бивнями, правда, в беспорядке, еще лежали на этом месте.

Обряд «расспрашивания» моржовой головы на жертвенном месте, как правило, проводился перед первым весенним выходом в море на промысел. Самый опытный чукча-охотник брал за клыки прошлогоднюю голову моржа и «расспрашивал» ее о предстоящей охоте, затем совершал кровопомазание и делал жертвоприношение в виде кусочков сала и мяса. После этого байдары шли в море, и если промысел был удачным, то первую добытую голову моржа клали на жертвенное место клыками в сторону лежбища. Обряд расспрашивания совершался не только перед первым выходом на промысел, но и перед началом охоты на лежбище или же после долгого отсутствия зверя в море.

Подобные жертвенные места с моржовыми черепами, расположенными в таком же порядке, имелись в Инчоуне, около старого поселения Утгэн, в Энурмино, на мысе Дженретлен — по-чукотски Ынрыльын. К сожалению, эти жертвенники совершенно не исследованы в археологическом плане, и мы не можем точно сказать, имеются ли на них древние орудия промысла. А чукотское название жертвенника «ривтвалывыттэ», на наш взгляд, является описательным, его настоящее имя забыто.

Другим культовым памятником предков является жертвенник Тынмай (букв. «рогов куча»). Слово образовано от основ *тынным* — «макушка черепа с рогами», *маг* — «куча или что-то собранное вместе».

Тынмай — это чукотский памятник оленеводу, состоящий из оленьих рогов и черепов хищных животных. Имеется он и у коряков. О значении подобного памятника хорошо рассказывает документ, приводимый М. О. Косвеню: «В наступающее лето жена, дети и родственники должны во все лето диких оленей и баранов промышлять и своих оленей не мало бить, с оных рога собирать в одно, а естли довольно, в два и три места, в поминование умершаго; а особливо на те места кладут, которыя он любил и жывал с табунами. Сие чтоб мертвой на том свете

имел табуны оленей и баранов, чем память его и оканчивают»⁵. Такие памятники предков чтимы и в настоящее время. Так, Тынмай на о. Айон посещается эльвунейскими чукчами, так как здесь похоронен их предок чукча Кээкэн. Сюда приносят рога оленей, зеленые веточки ивы и кусочки сала и мяса. Но каких-либо предметов охоты и быта под этими памятниками и около них нет, не хоронили под ними и оленеводов. Топоним Тынмай распространен на Чукотке.

Берингоморские чукчи жертвенные места на побережье называют «камак». Что обозначает конкретно это слово, они объяснить не могли, но сказали, что коряки так называли деревянный столб, который стоял у жертвенного места. Подтверждение этого мы находим у В. Г. Богораза, который пишет, что «у коряков «оқ-камак» — название большого деревянного шеста, представлявшего «хранителя деревни» и укрепленного где-нибудь на ее окраине»⁶. «Верхний конец его [шеста] обычно заострен, и на него нанесено изображение человеческого лица»⁷. Подобный столб, как рассказывают хатырские чукчи, сохранился на старом керекском поселении Эннуун в бухте Аннушка, в которой, к сожалению, из-за сильного приобоя нам не удалось высадиться.

Кереки в отличие от коряков — алюторцев и чавчуменов деда называют словом «апп?апи», бабушку по материнской линии — «апп?а». В фольклоре в значении «бабушка» часто употребляется слово «ыллапил» (букв. «мамочка», так как аффикс-*пил* имеет уменьшительно-ласкательное значение). Образование слова «ыллапил», видимо, связано с представлением кереков о возвращении умерших предков в образе детей. Так, например, мать часто называет свою дочь «ыллапил». Посредством аффикса-*пил* в керекском языке образуются слова «дедушка» — «апп?апипил», «бабушка» — «апп?апил», но для обозначения жертвенного места кереки эти слова не употребляли.

Наваринские и хатырские кереки жертвенные места на побережье называли также словом «камак». В керекском языке есть слово, созвучное слову «камак», — «камакам», что означает «блюдо», «поднос», по-чукотски «кэмэны», по-корякски «камана». Этим словом кереки и чукчи называли ритуальное маленькое продолговатое деревянное блюдо, на которое обычно клали жертвоприношения. Можно предположить, что название жертвенника «камак» произошло от названия блюда «камакам», что на этом месте производились благодарственные и охранительные обряды с жертвоприношением и кормлением «хранителя деревни» и черепов с ритуального блюда «камакам». Деревянных столбов, кроме упомянутого хатырскими чукчами, мы не обнаружили, но торчащие челюсти китов встречались почти повсеместно на древних жертвенных местах, которые, возможно, и являлись «хранителями» керекских поселений и имели чисто ритуальное значение. Употребление челюстей

китов для хозяйственных нужд, как это наблюдалось у эскимосов и приморских чукчей, мы не встречали на древних керекских поселениях.

Коряки-алюторцы, а также керекки именем Камак называли еще «вредоносное существо, в природе это жук. Он живет в земле. Человеку непосредственно он не приносит вреда. Но он может создавать землетрясение, извергать дым и лаву из вулканов»⁸ и оставлять в горах на каменных плитах и почве большие следы, которые, как утверждают хатырские чукчи и керекки, имеются и сейчас в горах Кайгытгын (Хайидин), в верховьях р. Ваамочка, на правом берегу оз. Пекульнейского и в других местах⁹. Керекки боялись Камака, и чтобы он не надеялся беды, приносили ему жертвоприношения на покинутых поселениях, в пути на труднопроходимых и незнакомых местах.

На карте северо-востока Азии встречается топоним Камак, и в довольно отдаленных друг от друга местах. Так называется небольшой залив на западном берегу Колючинской губы, поселок на Камчатке, есть гора Комакыннот в устье р. Хатырка на правом берегу. Как гласит чукотское предание, залив назван так потому, что в нем во время шторма погибли на байдарках охотники, на которых разозлился дух Камак. Поселок на Камчатке, который расположен по соседству с вулканом, был назван еще в XVIII в. по имени тайона коряка Камак. На горе Комакыннот («Камакинская гора») был расположен большой жертвенник Камак.

Все керекские жертвенники, исследованные нами, имели много общего, а некоторые различия были, видимо, связаны с их назначением.

Опукинский «камак» расположен на галечниковой косе в северо-восточном углу лагуны, у подножия холмов, идущих от мыса Опукинский (по-керекски Ыллавинан). Перед ним на косе видны небольшие котлованы старых землянок. Камак представляет собой скопление моржовых черепов с торчащей челюстью кита. Челюсть обломилась от ветхости, верхняя ее часть лежит рядом. Каких-либо знаков на челюсти мы не обнаружили. Вскрытие верхнего дернового слоя ничего не дало, оружия были случайно обнаружены в самой полости торчащего обломка челюсти. Это наконечники стрел, некоторые из них сохранили деревянные черенки. Втульчатые наконечники крайне разнообразны по форме и размерам. Как сообщили нам информаторы керек Уваыргин И. и чукча Етаквыргын, родом с Опуки, мелкие тупообразные наконечники использовались для охоты на птиц, евражек, зайцев и других мелких животных. Наконечники, несколько массивнее и обладающие большей убойной силой, употреблялись для охоты на зверя покрупнее. Такое же назначение имели и черенковые наконечники.

Интересно, что промысловый инвентарь, обнаруженный на Опуке, находит почти полную аналогию как по способам крепления, форме, так и по орнаменту с инвентарем, раскопанным

И. С. Вдовиным на территории алюторских коряков на р. Ветвей (впадает в р. Вывенка)¹⁰. Но опукинский «камак» отличается от ветвейского «аппапиль» тем, что предметы охоты находились в полости челюсти под дерновым слоем, а на поверхности ничего не было. Складывание стрел в полость челюсти, видимо, было предохранительной мерой от разграбления.

Второй опукинский камак был расположен у обрыва недалеко от оконечности Опукинского мыса и представлял собой скопление моржовых черепов, более древних, чем на первом жертвеннике. Китовой челюсти или ее остатков не было. Под дерновым слоем и в земле ничего не обнаружено. С места, где расположен этот камак, хорошо просматриваются море и нерпичье лежбище.

Жертвенник-камак в губе Гавриила находился у южного основания галечниковой косы. На север от жертвенника видны многочисленные следы землянок. Камак представлял собой большое скопление моржовых черепов без бивней, многие из них вросли в землю, обросли мхом и стали трухлявыми. Китовая челюсть не обнаружена. Обильный промысловый инвентарь был найден сразу же под дерновым слоем. Это наконечники стрел и копий. В отличие от опукинских они значительно массивнее и, видимо, были предназначены для охоты на крупного зверя. По способу крепления самыми распространенными являются втульчатые наконечники, затем черенковые уплощенные и шилообразные. Черенки у большинства наконечников орнаментированы у основания опоясывающими двойными, тройными и даже четырьмя линиями, на некоторых наконечниках по нижней и верхней линии расположены треугольные точки.

Орнамент из опоясывающих линий типичен для керекской культуры, но среди наконечников копий, найденных на жертвеннике в губе Гавриила, один был с несколько своеобразным орнаментом (форма и размер аналогичны). Орнамент нанесен на слегка утончающемся втульчатом черенке. Он представляет собой две пары тройных опоясывающих линий, но вместо точек и вертикальных черточек от верхних линий двух поясков отходит веточка, которая просматривается с боков и с тыльной части черенка. По форме веточка напоминает стилизованную, летящую птицу. Подобная веточка не встречалась на других изделиях кереков.

В губе Гавриила нами обнаружены два древних поселения. Первое расположено на левом берегу протоки Рыбачьей, соединяющей лагуну Орианда с морем, напротив горловины, второе — у южного основания косы на правом берегу протоки. Жертвенник обнаружен около второго поселения. В 1973 г. в обнажении поселения Каныйун мы нашли наконечник стрелы и загадочную фигурку птички с нерпичьей головой. Керек М. И. Етынкеу стрелу назвал «чутчым» и сказал, что такими стрелами керекки раньше охотились на китов, но как и каким

Рис. 18. Наконечник стрелы, найденный в обнажении поселения Каныйун

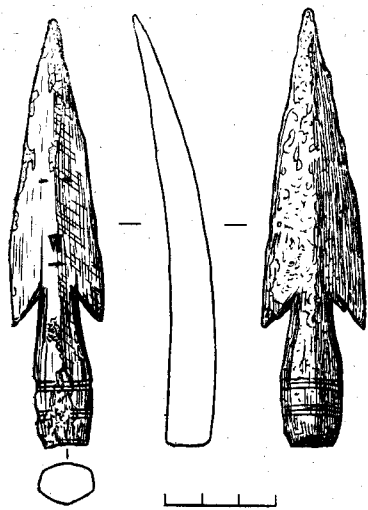
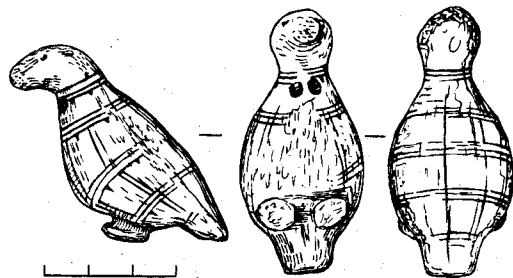

Рис. 19. Фигурка совы из моржовой кости, найденная в обнажении поселения Каныйун

способом они охотились, он объяснить не смог, уточнив лишь, что этими стрелами старались попасть в позвоночник хвостового плавника.

Наконечник из поселения Каныйун по форме, материалу и орнаменту аналогичен другим, найденным на жертвенниках. Черенок наконечника опоясан двумя рядами тройных линий без вертикальных черточек и треугольничков, на лицевой стороне наконечника изображено человеческое лицо: две горизонтальные черточки-глаза, ниже глубокий треугольник, направленный острием вниз, — нос, горизонтальная черточка ниже треугольника — рот. Вся форма наконечника напоминает изображение удлиненного человеческого лица.

Сходство наконечника из обнажения с найденными на жертвеннике указывает, что камак принадлежал жителям древнего поселения Кыныйун.

Фигурку птички керек М. И. Етынкеу назвал «тчиқылтчики», что значит «сова». Сова — распространенный фольклорный образ кровожадной птицы, способной съесть своих детей. Фигурка совы у шейки имеет отверстие, что указывает, что она служила амулетом, который носили на шее или поясе. Вся фигурка орнаментирована опоясывающими и продольными двойными и тройными линиями с треугольными точечками.

Весь промысловый комплекс губы Гавриила близок к опукинскому как по форме, способам крепления, так и по орнаменту, а фигурка совы сходна с керекскими изделиями из моржовой кости в коллекции Н. Л. Гондатти (МАЭ, № 442-28).

Имеется камак в местечке Э'тчун у северного основания мейныпильгинской косы. Здесь около самых старых землянок видны две торчащие челюсти кита, расположенные в отдалении

друг от друга; между жилищами в беспорядке раскиданы черепа моржей. Чуть южнее поселения у берега моря в траве лежали кучно, но в беспорядке черепа моржей, среди них — рога оленей. К сожалению, раскопки жертвенника не производились.

На Земле Гека жертвенники обнаружены в трех местах: на мысе Гека, несколько в отдалении от него на косе и у основания косы на холмах в местечке Нигринутэтэгын. Первый жертвенник разрушен, третий тоже, второй под слоем дерна дал многочисленный промысловый материал.

Промысловый инвентарь Земли Гека значительно отличается от опукинского и гавриловского. Он представлен черенковыми шилообразными, уплощенными и вильчатыми наконечниками, совершенно нет вильчатых. Вильчатые и уплощенные наконечники имеют в разрезе овальную, листовидную, ромбическую и закругленно-треугольную форму. Какой-либо орнамент отсутствует, лишь на треугольных и ромбических наконечниках имеются наклонные штрихи.

В некоторых местах на Земле Гека моржовые черепа расположены в определенном порядке. В одном месте они были выложены полукругом, как на чукотских жертвенниках, в другом — по прямой линии.

Чукча А. В. Кутынкеу, родом с Земли Гека, присутствовавший при осмотре третьего жертвенника, рассказал, что раньше здесь хоронили головы моржей, лахтаков, нерп, песцов, а оленеводы, приходившие из тундры, втыкали в камак свежие веточки кустарника, клали бусы, оставляли ленточки. Старики рассказывали, что когда из Анадыря было объявлено о сборе моржовых клыков, на Землю Гека хлынул поток искателей кости. Все жертвенные места были изрыты, клыки и зубы выбиты из моржовых черепов. Любители кости копались и в древних землянках. При этом часто находили большие блюда из глины, объяснения которых информатор дать не смог.

На первом жертвеннике на мысе Гека, как вспоминает Кутынкеу, раньше черепа лежали совершенно в ином порядке: полукругом и клыками в сторону моря, т. е. в северо-восточном направлении. Те полукружия и ряды черепов, которые мы встретили на Земле Гека, были уложены гековцами-чукчами, когда прошел ажиотаж на сбор кости.

Еще одно жертвенное место на Земле Гека называется Тынмай. Расположено оно в 2 км от Нигринутэтэгын в глубь тундры на юг. Оно представляло кучу оленьих рогов, глубоко ушедших в землю. Какие-либо другие предметы не обнаружены.

Жертвенные памятники аппапиль, ыллапиль, рытвалаявттэ, тынмай, камак, отражая общие идеологические представления, имели свои различия, связанные с хозяйственной деятельностью населения. Так, общим признаком для всех памятников является возложение черепов и рогов животных, однако на жертвенниках рытвалаявттэ и некоторых камак возлагались головы моржей, белых медведей, тюленей; на тынмай — рога

диких и домашних оленей, черепа бурых медведей, волков; на аппапиль — рога диких, отчасти домашних оленей, черепа бурых медведей. Пара клыков моржа на ветвейском аппапиль, которые описывает И. С. Вдовин¹¹, нам кажется случайной, так как известны случаи, когда инопришельцы, отдавая дань древним верованиям, возлагали на жертвенниках предметы своей добычи. Так, оленеводы, вышедшие на побережье, возлагали рога оленей на береговых жертвенниках. Оставьте вы на керекском жертвеннике трубку, портсигар — и кереки будут вам благодарны за уважение к их предкам. На прибрежных жертвенниках нам часто приходилось встречать рога оленей, бусы, кусочки ткани, но ни на одном тынмай мы не встретили черепов морских животных, клыков моржей. Возможно, это подтверждает первичную древность береговых жертвенников, как и древность их поселенцев.

Отражением хозяйственной деятельности являлось и само расположение жертвенника на местности. Все рытвалаявыттэ, камак и некоторые аппапиль размещались в местах, удобных для наблюдения за морским зверем, или близ тех мест на реках, где скапливалась рыба. Некоторые жертвенники располагались на берегу моря перед древним поселением, их отличительным признаком был воткнутый шест или челюсть кита. Тынмай были расположены в основном на сухих возвышенных местах, не связанных с хорошим промыслом.

В связи с этим можно заключить, что не все жертвенники подобного типа были связаны с культом предков, многие из них отражали мир, который давал средства к жизни аборигенам Северо-Востока. Возможно, есть жертвенники, на которых производились обряды поминовения предков и благодарения животным, т. е. выражались две идеи: культ предков и культ животных. Подтверждением этого может служить то, что не на каждом жертвеннике обнаружены предметы материальной культуры. На одних остались приношения в виде различных орудий и женских украшений (бусы, серьги, ленточки), на других производились возложения голов и благодарственные и просительные обряды. Первые отражают идею, что покойникам в другом мире нужны орудия охоты, предметы быта, они в какой-то степени связаны с погребальным обрядом. Вторые жертвенники отражают представление, что убитые животные якобы приходят в гости к жителям селения и возвращаются обратно к себе. Эта идея хорошо выражена в керекской сказке «Милуткалик» — Заяц-мужчина.

Общими видовыми названиями жертвенников, пожалуй, следует считать «аппапиль» и «камак», а названия «тынмай» и «рытвалаявыттэ» носят описательный характер и происходят от конкретных предметов. Собственные имена жертвенников, которые приводит И. С. Вдовин и считает их свидетельством связи с реальными людьми¹², среди кереков и чукчей нам слышать не приходилось, а названные им, пожалуй, являются то-

понимическими названиями мест, на которых расположены аппапиль, и соответствуют примерно русскому «Опукинский камак» и т. д.

Мы не считали своим долгом вступать в полемику с И. С. Вдовиным и опровергнуть его выводы, а просто хотели дополнить этнографические сведения по жертвенникам Северо-Востока и выявить их общие черты и локальные особенности.

¹ В 1975 г. несколько жертвенников были вскрыты аспирантом-археологом А. А. Ореховым, участником полевого маршрута от Опуки до Анадырского лимана.

² Вдовин И. С. Жертвенные места коряков и их историко-этнографическое значение. — В кн.: Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX в. Л., 1971, с. 276.

³ Леонтьев В. В. Этническая история поселка Уэлен. — Краеведческие записки. Магадан, 1972, вып. 9, с. 90.

⁴ Диков Н. Н. Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан, 1969, с. 226.

⁵ Косвен М. О. Из истории этнографии коряков, с. 291.

⁶ Богораз В. Г. Чукчи, Ч. 2. Л., 1939, с. 49.

⁷ Вдовин И. С. Жертвенные места коряков..., с. 278.

⁸ Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973, с. 94.

⁹ Леонтьев В. В. По земле древних кереков. Магадан, 1976, с. 213.

¹⁰ Вдовин И. С. Жертвенные места коряков..., с. 279—280.

¹¹ Там же, с. 280.

¹² Там же, с. 277.

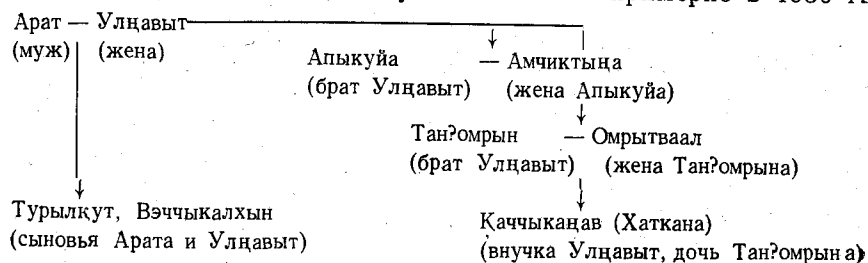
СЕМЬЯ, БРАК, РОДЫ

В. Иохельсон, используя данные В. Г. Богораза, указывает, что «среди кереков мы еще находим 25 человек в одном жилище» (1900—1902 гг.)¹, но ограничившись этим, он не вскрывает социальной сущности этого объединения. Н. Б. Шнакенбург предполагает, что это была большая патриархальная семья, и подкрепляет эту мысль своими наблюдениями над кереками селения Ильпи: «Семья состоит из 5—6 человек, живущих в юрте, которая являлась, таким образом, хозяйственной единицей. В состав семьи входят глава — обычно пожилой мужчина, его жена и дети, причем женатый сын остается жить в юрте родителей или отделяется. При выходе замуж женщина уходит в юрту мужа; брак, таким образом, патрилокален. Родственные связи между семьями очень крепки и отчетливо соотносятся родственниками. Родственники коллективно охотятся на пеструю нерпу, но добыча считается собственностью убившего. Родственники обязаны помогать друг другу нерпичьим жиром, сушеной рыбой (юколой) в случае их недостачи; делятся также между собой и привозными товарами: табаком, чаем, сахаром..»²

Эти наблюдения относятся к 1937 г., когда уже совершенно исчезли большие коллективные землянки и в среде кереков произошли большие социальные изменения. Большая семья у кереков была, но какая именно: патриархальная или матриархальная?

Распад большой керекской семьи, а возможно и рода, начался в XIX в. с упадком морского промысла и переходом от коллективной охоты к индивидуальной; окончательно он завершился с исчезновением больших коллективных жилищ уже в советское время, в период колхозного строительства. Так, еще в 1935 г. в двух землянках селения Малан на мысе Рубикон обитало зимой «40 чел., из которых в первой живут кэрэки — 21 чел. (4 хоз.), а во второй — кэрэки и чукчи совместно — 19 чел. (4 хоз.?)»³. Н. Б. Шнакенбург считает это сезонным зимним объединением, так как летом население переходило жить в летние юрты, но в промысловой деятельности этот коллектив выступает как одна охотничья или рыболовецкая артель. Все хозяйства связаны теснейшим родством⁴. В данном случае мы явно видим большую керекскую семью, а чукчи, жившие совместно с кереками, являлись мужьями и женами кереков⁵.

С помощью кереков Хатканы Екатерины и Турылькота К. А. нам удалось реконструировать состав жителей селения Гачгагин (лагуна Лахтина) в бухте Угольной примерно в 1930 г.

Из приведенной схемы видно, что основу керекского селения составляла матриархальная семья: Ул'навйт — женщина и ее младшие братья Апыкуй и Тан'омрын с женами и детьми. Главой всей этой семьи был не Арат, а его жена Ул'навйт, которую дети ее братьев называли «ыллапил», а жены братьев — «анинца» (старшая сестра). На лето это большая семейная община разбивалась на малые семьи. Арат и Ул'навйт с детьми переселялись в Кайамакут, Апыкуй с Амчиктыной — в устье Майнаамкут, Тан'омрын и Омрытваал с детьми оставались в устье горловины лагуны Лахтина. На зиму все снова собирались вместе и жили одной большой семьей. Запасы рыбы, заготовленные малыми семьями, переходили в коллективную собственность и распоряжалась ими Ул'навйт. Орудия промысла считались общей собственностью (в этой общине было одно ружье, им мог пользоваться любой мужчина семьи).

В такой же большой семье вырос и Етынкеу М. И., который жил по соседству с общиной Арата—Ул'навйт и считает себя их родственником.

Главенство во всех вопросах семейной, хозяйственной и идеологической жизни в большой керекской семье принадлежало старшей женщине; в нашем примере — «старшей сестре» Ул'навйт. Не случайно В. Г. Богораз отмечает, что «все старые женщины из племени кереков считаются очень искусными в колдовстве»⁶. Ведущая роль женщины в большой керекской семье нашла четкое отражение и в фольклоре: герои сказок, прежде чем куда-либо пойти, спрашивают разрешения у бабушки — «ыллапил». «Ыллапил, — обращается Заяц-мужчина к бабушке, — дай плетеную веревку, за корой пойду!». А в сказке «Плунтыканелян» бабушка не разрешает внуку Кунуитчиму идти на берег моря.

Родственные связи по материнской линии были очень крепкими и отчетливо сознавались родственниками, после смерти мужа женщина вместе с детьми снова возвращалась в род своей матери. Так, со смертью мужа Тан'омрына в 1925 г. его жена Омрытваал возвратилась к своим братьям Нутаве и Кежгынто и первый из них стал воспитателем дочери Омрытваал Екатерины Хатканы. Сама Хаткана ведет свое происхождение не от Арата и Ул'навйт, а от матери своих дядьев.

Как видно, керекская большая семья являлась социальной и производственной единицей, несколько таких семей составляли род. Наваринские кереки предпочитали брать жен из рода опукинских, т. е. хатырских кереков.

В прошлом браки кереков с представителями других племен были редким явлением и не одобрялись сородичами. Оленоводы-чавчыват иногда насильно отбирали женщин у кереков, увозили в свои стойбища и использовали их как рабынь в домашнем хозяйстве или в качестве пастухов. Богатые чукчи-оленоводы держали себя по отношению к керекам крайне высокомерно. Многие мейныпильгинские чукчи ведут свое происхождение по мужской линии от кереков.

С началом оседания чукчей на побережье стали возможны браки между кереками и чукчами, а в советское время какие-либо социальные и традиционные ограничения в браке исчезли совсем. Сейчас браки между чукчами и кереками не встречают препятствий. В 1970 г. в Мейныпильгине из 11 супружеских пар только в одной муж и жена были кереками, в семи — муж керек, жена чукчанка; в двух — мужья чукчи, жены керечки и в одной — муж русский, жена керечка.

По сведениям кереков, у них не было группового брака, так распространенного у чукчей, но термин «навтумын» существовал. Термином «навтумын» (по-чукотски «нэвтумгын») — «товарищ по жене» они называли не мужчину, вступившего в брак с женой товарища, а вторую и третью жену, и керекское слово «навтумын» означает «подруга жены». Однако многоженство

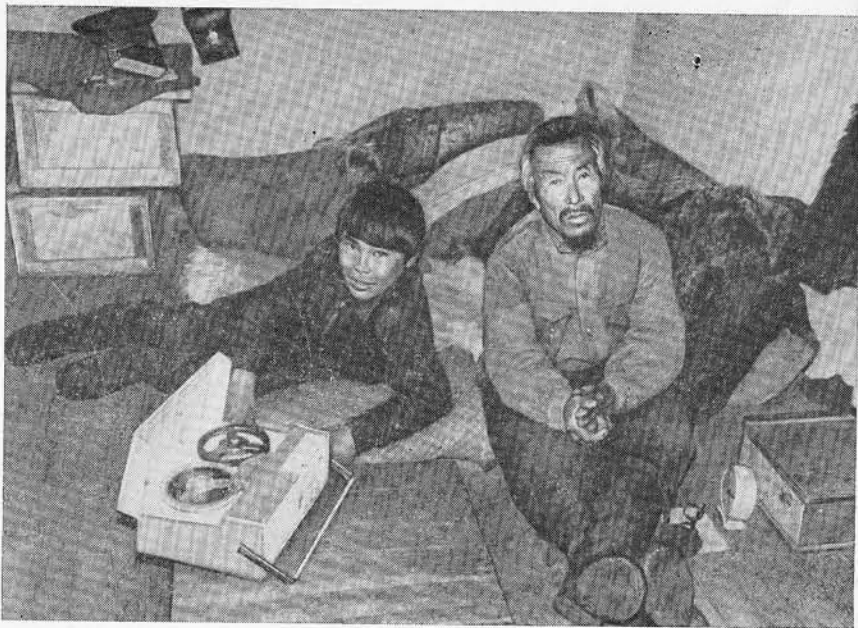

Рис. 20. Керек М. И. Етынкеу с внуком Игорем

у кереков не было распространено и являлось пережитком сорората, когда младший брат, уже женатый, вынужден был брать в жены жену старшего умершего брата. У чукчей и коряков тоже существовал сорорат, но в большинстве случаев многоженство было вызвано экономическими причинами, когда богатый оленевод брал вторую, третью жену для ведения хозяйства в других стадах.

Кереки очень заботились о детях. Им ни в чем не отказывали, удовлетворяли любое желание, изготовляли для них различные игрушки (собачки с постромками, бараны в упряжи, см. коллекции Л. Н. Гондатти), предостерегали от увечий. Так, чтобы ребенок не обжегся, бегая по землянке, накрывали тлеющий очаг большим плоским камнем. Когда ребенок начинал делать первые шаги, ему шили специальные лямки, за которые его поддерживали или же привязывали к балкам в землянке. Родители или родные после долгой разлуки с детьми проявляли бурную радость, но чтобы не привлечь внимания духов, говорили все наоборот. «Уу, какой ты еще маленький!», если же он был крепким и здоровым, упитанным, то: «Уу, какой ты худой и тощий!»

Так же как и у ительменов⁷, у кереков зима составляла год, а лето — другой. Поэтому, определяя возраст ребенка, керекки говорили, что он прожил два лета и одну зиму и т. д.

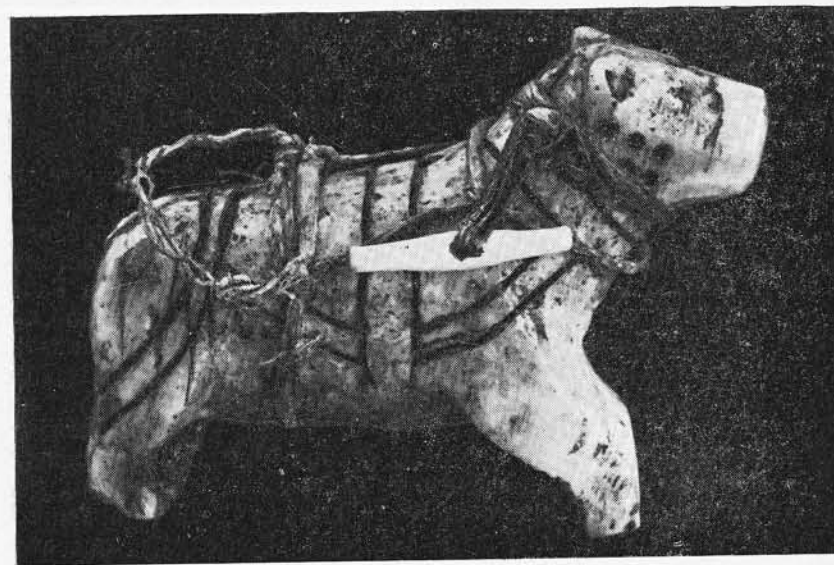
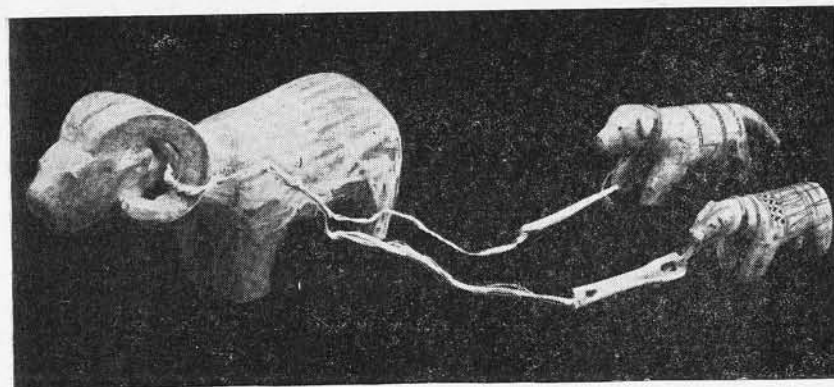

Рис. 21. Керекская детская игрушка: баран с собачками и собака в упряжи. Колл. МАЭ, № 442-28

Как правило, родившегося сына керекки считали отцом матери, а если отец был жив, то ее дедом или же каким-нибудь другим родственником по материнской линии. Когда же рождалась дочь, то отец ее говорил, что вернулась «навмат» — свекровь, а мать дочери говорила, что вернулась ее «ылла» — мать. Таким образом, керекки считали, что родившиеся дети — это их предки, которые снова вернулись к ним. Детям давали имена предков по материнской линии. Так, например, Етынкеу Михаил Иванович своего сына назвал именем дяди, брата своей матери Каавыкуйцын, но по паспорту он считается Етынкеу Николай Михайлович.

Пользуясь керекской системой присвоения имен предков, можно предположить, что упоминаемый И. Анкудиновым в 1777 г. хатырский старшина Пиа⁸ являлся предком опукинских кереков и его потомком был керек Упия. Как рассказывал нам керек Уваыргин И., на мысе Опука (Биллавиная) примерно в 1930 г. был похоронен в глубокой старости глава опукинских кереков Упия. Эта могила была найдена нами и вскрыта А. А. Ореховым. По вещам, положенным в могилу, Уваыргин определил, что это действительно был Упия.

Сделаем примерный расчет. Разница между смертью Упия и жизнью Пиа 153 года. Являясь старшиной «хатырского рода», Пиа мог быть в возрасте старше 40 лет и мог умереть в глубокой старости в возрасте 70—75 лет, а может быть и старше. Заметим, что при высокой детской смертности аборигенов Чукотки и Камчатки наблюдалось и долголетие: выживали физически крепкие, закаленные люди. Если Пиа умер в 70—75 лет, то дата его смерти падает на самый конец XVIII в. и промежуток между его смертью и рождением Упия сокращается до 50—60 лет. Это жизнь одного—двух поколений. Следовательно, имя Упия могло быть дано по имени предка Пиа. Разница в написании может быть объяснена неточностью записи И. Анкудинова.

Но бывали случаи, когда кереки давали имена-прозвища по каким-либо знаменательным событиям или происшествиям. Так, однажды собрались кереки из Амакута в гости в Гачгатагин на байдаре. Мать сестры Хатканы была беременной, но тоже решила ехать со всеми. В дороге у нее начались схватки. Кереки сделали в байдаре полог-укрытие, где и произошли роды. Море было тихое, спокойное. В связи с этим и дали имя девочке Анкана — «морская». Но такие случаи — исключение. Та же самая Анкана А. В. имела второе имя по имени предка.

Интересные отношения между детьми и родителями, ссылаясь на Стеллера, описывает у ительменов С. П. Крашенинников: «...родительская любовь к детям столь велика, сколь велико их презрение к родителям, а особливо к престарелым и дряхлым. Они бранят родителей всякими скверными словами, ни в чем их не слушают и нимало на них не смотрят; чего ради родители не смеют ни бранить их, ни наказывать, ниже в чем препятствовать. Когда родители, не выдавись долго с детьми своими, увидят их, то обнимают их с изъявлением сердечной своей радости; напротив того, дети совсем противно тому поступают. Дети никогда ничего не просят у своих родителей, но берут сами, что им угодно»⁹.

Нечто подобное нам пришлось наблюдать на рыбалке Куэт в семье керека Етынкеу М. И. Николай Етынкеу крайне плохо относился к своему отцу Михаилу Ивановичу и к своей матери Екатерине Кальвичану, хотя внешне не показывал этого. Может быть, это не типичный пример, но, хорошо зная семейные отношения у чукчей и эскимосов, у которых старики в большом

почете, эта особенность сразу бросилась нам в глаза. Нередки были случаи, когда Николай бесцеремонно брал личные вещи старика и не соблюдал никакого уважения к родителям. Пока Николай гостил на рыбалке, он распоряжался сетями и всем уловом, раздавал и продавал рыбу без ведома отца. Старик иногда жаловался нам на бесцеремонность сына, но ему не говорил ни слова. Старики тяготились пребыванием сына, но стоило Николаю уехать, как они с женой с нетерпением начинали ждать дня его возвращения, а в день ожидаемого приезда всматривались в даль протоки, прислушивались, не рокошет ли мотор лодки. А с приездом сына все повторялось.

Можно предположить, что подобные отношения возникли у кереков на основе идеи возвращения предков в облике детей, когда мать считала свою родную дочь матерью «ыллапил» или бабушкой «аппапил», а сына — дедушкой «аппапипил» по материнской линии. Отсюда и возник институт подчинения старших своим детям как своим предкам, которым нельзя перечить. Эта особенность четко выражена и в керекском фольклоре. Так, лиса Йайчуаакут куда бы ни отправилась, что бы ни сделала, спрашивает разрешения у своей дочери Имынны, а последняя, в свою очередь, ругает мать за различные хитрые проделки и наставляет ее. Во многих сказках младшие дети оказываются умнее старших. Так, в сказке «Плунтыканелын» прямо говорится, что старшая сестра глупая, поэтому вопреки запрету бабушки отпускает черта-людоеда. А младший сын ворона Кукки Ауппали оказывается умнее своего отца и первый разгадывает обман лисы.

Особым вниманием и почтением у кереков пользовалась беременная женщина. За ней благоговейно ухаживали, готовили ей специальную питательную еду. Беременной женщине не разрешали во время сна переворачиваться на другой бок: она должна была лежать на спине и только после этого можно было ложиться снова. За этим строго следили бабки.

Роды у керекских женщин проходили в землянке, место огораживалось. При родах обязательно присутствовала старая и опытная женщина. После родов женщине туго перевязывали бедра, стягивали живот. В отличие от чукчей, коряков и ительменов кереки не разрешали роженице ходить недели две-три, выполнять тяжелые работы. Поили роженицу жирным бульоном. Все повязки снимали только через месяц. Чтобы роженица не простудилась, она спала в просторной теплой одежде.

¹ Цит. по: Шнакенбург Н. Б. Нымыланы-кэрэки. — Сов. Север, 1939, № 3, с. 99.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Сообщение хатырских кереков Турэрэта и И. Уваыргина.

⁶ Богораз В. Г. Чукчи, ч. 2, с. 106.

⁷ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949, с. 370.

⁸ Косвен М. О. Из истории этнографии коряков в XVIII в., с. 289.

⁹ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 440.

НЕКОТОРЫЕ СТАРИННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ПРАЗДНИКИ, ОБРЯДЫ

Материал по этому разделу далеко не полный, мы приводим лишь те отрывочные сведения, которые удалось выявить в беседе и общении с кереками, при обработке фольклора.

Кереки утверждают, что у их шаманов была специальная обрядовая одежда. Она была распашной и длинной, расшита узорами. Края были оторочены собачьим мехом, на голове — пушистая шапка с кисточками. В отличие от чукотских шаманов керекские не занимались промыслом, они лишь предсказывали погоду, удачу в промысле, «лечили» больных и совершали различные религиозные отправления. Среди чукчей и коряков керекские шаманы считались знающими и сильными, а женщины — обладающие большой колдовской силой. «Среди женщин «насмехающему шаману» соответствует «старушка с порчей» («уй-вэлынпынэвкэй»). Таковы ... старушка из племени Кэрэк, величиной с палец...»¹

Керекским шаманам был хорошо известен трюк самокалывания ножом, который был распространен среди племен Северо-Востока и даже встречался у якутов. Так, в «1739 году февраля 24 дня в Нижнем Камчатском остроге шаманил при мне укинский шаман Душечь, их языком называемый именем Карымлячь, бил в бубен нарочито долго, на коленях стоя, в ношебном платье, ибо шаманского особливого платья не имеют, а после шаманства колол он себя ножом в брюхо; мало времени пошаманя, вынимал он из подпарки будто из брюха вытекшей крови по горсте и съедал с такою охотою, что и персты у себя облизывал. После того вытер он у себя брюхо и показывал нам, но раны не было, да и быть не отчего, ибо он нож на низ по брюхо рукою отпускал, которая у него из рукава вынята была, а кровь у него нерпичья, которою брюхо мажут, в пузыре запасена была...»²

Аналогичный трюк описывает путешественник Эйрие в начале XIX в. у якутов. «Кончив свой заклинательный гимн, он [шаман] начал скакать и прыгать, крича, визжа и коверкаясь так страшно, что я счел его помешанным. Вдруг он выхватил нож и точно как вонзил его себе в тело. Видя это, невольно испугаешься. Вскоре же вынул его без малейшего кровотечения и объявил, что злой дух умиловитися, если в честь ему зарежут тучную кобылицу; после этого все присутствующие разошлись, получив приглашение пожаловать завтра на кобылицу»³.

С. П. Крашенинников оказался более наблюдательным, чем чужеземный путешественник, и сумел увидеть обман шамана. В рассказе керека Етынкеу М. И. (см. приложение) шаман тоже прокалывает себе ножом грудь, из которой брызжет кровь, но этот прием шаман использует не как заклинание или просьбу к

злому духу, а для предсказания судьбы человека (если кто-либо из присутствующих вытащит из груди шамана нож, то будет долго жить, если не вытащит, то его ожидает смерть). Кереки верили в бессмертность шамана.

Из старинных праздников нам удалось зарегистрировать праздник при переселении в зимнее жилище и при добыче бурого медведя, но, к сожалению, описать их подробно не удалось, так как они уже забыты.

Своеобразны и в то же время имеют аналогии в обрядах соседних племен представления кереков о животных, их обряды, связанные с рождением и смертью.

Так, кереки считали, что каждый добытый зверь (нерпа, ласка, морж, кит, олень и др.) приходит к ним в гости. Хозяйка землянки, встречая охотника с добычей, совершала обряд благодарения «кликыпыттувак». Обряд сопровождался пением хвалебной песни, в которой восхвалялись зверь и охотник. Так, в сказке «Кукки» жена ворона Мити встречает своего мужа, возвращающегося с нерпой, танцем и хвалебной песней. Подобные обряды существовали у эскимосов⁴, коряков⁵ и других народностей Северо-Востока. Когда добытого зверя съедали, то кереки не уничтожали кости, как чукчи, которые «заботливо сжигают кости и остатки еды»⁶, а собирали их в кучу, позвонки нанизывали на специальный ремень или веревку и торжественно относили их к морю. Вместе с костями клали кусочки вяленого мяса, юколы, ягоду шикшу, корешки «палкүмйат», все это закапывали в гальку или песок на берегу моря, произнося извинительное и благодарственное заклинание-просьбу не обижаться и приходите снова в гости.

У кереков был обычай при встрече хозяина, вернувшегося домой из длительной поездки или с охоты, бросать горящую головешку из родного очага. Считалось, что это отпугнет злых и недобрых духов, приставших к человеку в пути. У чукчей северных районов нам не приходилось наблюдать подобный обряд, но многие информаторы утверждают, что этот обычай был распространен среди оленеводов-чукчей бассейна р. Анадырь.

Уже у первых русских землепроходцев находим описания способов погребения у аборигенов Северо-Востока.

«А погребения им не бывает, — пишет об ительменах С. П. Крашенинников, — но, привязав веревку на шею, вытаскивают их вон и с ними всю их одежду, в которой лежали, и постелю из юрты и бросают собакам и воронам на съедение...»⁷ В другом случае «камчадалы умерших загребают в землю, одетых в платье, которое они носили, а сверху обшитых в чирел, то есть в травяную рогожу. Умерших от такой скорби, от которой тело их сгнило, бросают поверх собаки на съедение, понеже за грех признавают от такой скорби в землю класть. Младенцев умерших в землю не загребают, но в дупловатое дерево кладут»⁸. Айны «умерших зимою хоронят в снег, а летом — в землю»⁹.

«Вынос на тундру — наиболее распространенный способ погребения у чукоч,— пишет В. Г. Богораз.— Коряки, живущие южнее, где растительность богаче, наоборот, применяют почти исключительно сжигание. Приморские коряки, которым тоже нехватает топлива, бросают покойников в море с высоких скал»¹⁰. Добавим, что чукчи тоже предпочитают сжигание покойников там, где есть возможность. Азиатские эскимосы «умерших не зарывали в землю, а обкладывали камнями так, что покойник оставался открытым»¹¹. Таким же способом хоронили в тундре и приморские чукчи.

Следовательно, приморские чукчи и азиатские эскимосы хоронили в тундре; для коряков-чавчувена и чукчей-оленоводов характерно трупосожжение; для ительменов и айнов — закапывание в землю (для последних — и закапывание в снег зимой); ительмены бросали трупы на съедение собакам и воронам; приморские коряки бросали трупы в море.

В керекских способах погребения есть свои особенности и некоторые аналоги с корякским «киданием» в море и ительменским захоронением детей в дуплах.

У кереков было два способа погребения: зимой покойника бросали в море, а летом закапывали в землю, но бывали случаи, когда и летом хоронили в море. Захоронение в море было предпочтительнее. При обоих способах погребения совершались одни и те же погребальные обряды. Грудных детей хоронили в землянке, закапывая в дерн под стеной жилища, при этом говорили «нахалаллаңи» — «прошел мимо» (он или она), имея в виду кого-либо из предков, не пожелавшего вернуться к своим родным. Этот способ захоронения детей находит аналогию в ительменском способе захоронения детей в дуплах деревьев. Возможно, что в далеком прошлом, обитая где-то южнее, керекки тоже хоронили своих детей в дуплах.

При выборе места захоронения и способа погребения, если покойный еще при жизни не оставил устного завещания, совершали гадание. В отличие от чукчей и коряков керекки не гадали на висячих предметах, они касались бедра покойника и в зависимости от того, в какую сторону покачнулась голова, определяли место, где желал быть похороненным покойный. Если голова поворачивалась в сторону моря, то хоронили в море, если же в сторону суши, то закапывали в земле. Был и другой способ гадания. Гадающий ложился рядом с умершим, клал руку на его лоб и, покачивая голову, спрашивал, где покойный желает быть похороненным.

Последним способом гадания определил «желание» покойной Омрытваал керек Турылькот К. А. и сказал дочери Хаткане Е., что мать хочет быть похороненной в море. Но дочь, в прошлом активистка и сравнительно грамотный человек, нарушила керекскую традицию и похоронила мать по современному обычаю в гробу, чем вызвала большое недовольство родных.

Когда человек умирал, то его лицо и тело натирали каменной пылью (возможно, охрой), добытой путем трения камень о камень и смоченной водой. Также мазали лица всем членам семьи и жителям землянки, так как все они были родственниками. Пока покойник находился в землянке, ему на грудь клали маленький точильный камень — «пынаквун». По поверьям кереков считалось, что если этого не сделать, то покойник может встать и забрать кого-нибудь с собой.

Для покойника шили специальную одежду, в ней не должно было быть прорех и дыр. Керекки считали, что если похоронить покойника в дырявой одежде, то у детей умершего и близких родственников появятся гниющие незаживающие язвы. Одежду из оленьих шкур сшивали сухожилиями, узлов не вязали. Пупушку на капюшоне, подоле и рукавах делали из белой собачьей шкуры. В подошвах торбаз прокалывали иглой отверстие, а вместо стелек из соломы клали только одну соломинку. Завязки на торбазах завязывали не как у живого человека, а «мертвым» узлом. Покойника наряжали в специальную кухлянку «лумий?ан» с пришитым капюшоном, на пояс привязывали лодочку, если его хоронили в море, а также личные вещи, а женщине — обязательно игольницу, бусы, серьги и посох.

После совершения всех обрядов и одевания покойного плотно опутывали по рукам и ногам ремнями, капюшон затягивали, оставляя открытым только нос. Перед спуском в море прокалывали ножом бок, чтобы труп в воде не вздулся. К кромке припая покойника несли на специальных ремнях или же везли на нарте. Опускали тело в воду осторожно, чтобы лицо не захлестнула вода, головой вперед и отталкивали от кромки. меховая одежда из оленьей шкуры долго держала труп на поверхности воды. Керекки считали, что покойник поплыл к своим предкам. Если труп течением приносило обратно, это было плохой приметой, считали, что кто-то еще должен умереть, покойник ждет себе попутчика.

Жена, дети и близкие родственники умершего на похоронах не присутствовали. Детей крепко связывали ремнями и, как собака, сажали на привязь «н?атавталлани». После похорон детей развязывали и заставляли выть и лаять по-собачьи.

У кереков не было постоянных родовых и семейных кладбищ, как у эскимосов и приморских чукчей. Обычно на суше они хоронили на склонах гор, на вершинах или сухих холмах. Так, глава опукинских кереков Упйа (или Упынит), умерший примерно в 1930 г., был похоронен на склоне Опукинского мыса, а старушка из этого же рода лежит на самой вершине мыса Рубикон; отец Хатканы Е. Тан?омрын погребен на левом берегу протоки лагуны Лахтина на сухом холме. Могилы выкапывали неглубокие, 20—30 см, насколько позволяла мерзлота, и по размеру тела. Сверху насыпали холмик в виде пирамиды, в головах ставили палочку в виде лопатки или весла. Клали покойника всегда головой на запад.

- ¹ Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора. СПб., 1900, с. XVIII—XIX.
- ² Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 724.
- ³ Живописание путешествия по Азии, составленное на французском языке под руководством Эйри и украшенное гравюрами. Т. 1. М., 1839, с. 274.
- ⁴ Рубцова Е. С. Материалы по языку и фольклору эскимосов. М.; Л., 1954, с. 255.
- ⁵ Стебницкий С. Н. Нымыланы-алюторцы.— Сов. этнография, 1938, № 1, с. 132.
- ⁶ Богораз В. Г. Материалы по языку..., с. 6.
- ⁷ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 716.
- ⁸ Там же, с. 696—697.
- ⁹ Там же, с. 470.
- ¹⁰ Богораз В. Г. Чукчи. Ч. 2. Л., 1939, с. 185.
- ¹¹ Рубцова Е. С. Материалы по языку..., с. 78.

СВЯЗИ И ОТНОШЕНИЯ КЕРЕКОВ С СОСЕДНИМИ ПЛЕМЕНАМИ

В XVII в. к приходу русских землепроходцев кереки занимали прибрежную полосу Берингова моря от Анадырского лимана до мыса Олюторский. На юге их ближайшими соседями были коряки — апукинцы и алуторцы, в глубинных районах жили коряки-чавчуены. Возможно, что до прихода русских кереки имели определенные связи с так называемыми анаулами, с которыми в свое время встретился С. И. Дежнев на среднем течении р. Анадырь. Побережье от Анадырского лимана на север до залива Креста, судя по документам русских казаков, было почти необитаемым, и кереки здесь имели эпизодические встречи с приморскими чукчами, когда последние совершали на байдарках промысловые экспедиции на р. Анадырь для охоты на дикого оленя. Уже к концу XVII в. кереки не имели непосредственных контактов с азиатскими эскимосами.

Возможно, что в более древние времена территория расселения кереков была значительно обширнее и на севере они имели своими соседями эскимосов, а на юге поддерживали связи с ительменами и древними коряками Охотского побережья, так как в духовной культуре кереков достаточно много ительменских аналогий, а в материальной культуре прослеживаются следы древнекорякских связей (жилище, очаг и т. д.).

Более древними связями северо-восточных палеоазиатов И. С. Вдовин считает корякско-эскимосские, которые, как говорит он, своими корнями уходят в далекое прошлое. «Их (эскимосские.— В. Л.) черты обнаруживаются в ряде основных элементов материальной и духовной культуры прежде всего оседлых (приморских) коряков, особенно тех, которые живут на побережье Олюторского и Камчатского морей. Следы эскимосского

субстрата прослеживаются в языке коряков-алуторцев, в топонимике восточного побережья Камчатского полуострова и далее на север»¹. Эта сторона корякско-эскимосских связей подробно им исследована в специальной работе². К оседлым корякам И. С. Вдовин относит и кереков. По отношению к керекам эту точку зрения И. С. Вдовина мы считаем неприемлемой, так как многие данные по языку, материальной культуре и топонимике не подтверждают древних тесных связей кереков с эскимосами и можно лишь говорить о некоторых контактах кереков с эскимосами, но не об этнических связях и ассимиляции. Сомнительна эта точка зрения и по отношению к корякам-апукинцам.

До XVIII в. отношения кереков с приморскими чукчами, коряками-алуторцами и чавчуенами, видимо, носили сравнительно мирный характер. «У приморских чукчей побережья Берингова пролива до сих пор сохранились предания о том, как их предки плавали в залив Мейныпилгын, к устью р. Хатырка, где они вели обмен с коряками. По-видимому, никаких осложнений в отношении чукчей с оседлыми коряками этого побережья не было. В конце XVIII в. коряки хатырского берега не строили укреплений и чукчи на них не нападали»³. Предположение И. С. Вдовина о мирных отношениях подтверждается рассказом информатора керека Етынкеу М. И., который говорил, что раньше кереки были миролюбивым народом и даже не имели оружия для убийства людей. О тесных связях с приморскими чукчами говорит и словарь кереков, в котором есть заимствования и аналогии с говором приморских чукчей (хотя, казалось бы, большее влияние на керекский язык должны были оказать чукчи-оленоводы правобережья р. Анадырь). Так, по-керекски «вайнак», на говоре приморских чукчей «вайнык», на анадырском говоре чукчей, ближайших соседей кереков, «пинкук», что означает «гаснуть», «тухнуть» (об огне); по-керекски «в?ак» — «умирать», на чукотском говоре приморских чукчей «в?ик», на анадырском — «вайнык».

С конца XVIII в. к середине XIX в. окружение кереков меняется. На правобережье р. Анадырь появляются чукчи-чавчуваты и образуют две группы: телькепскую и вилюнейскую. Первая осваивает бассейн р. Туманская, вторая — верхние бассейны рек Великая и Хатырка. Мирная жизнь кереков нарушается, так как возникают чукотско-корякские войны. Чукчи-оленоводы нападали не только на коряков-чавчуенов, но и на кереков, сжигали их землянки, грабили запасы рыбы, убивали мужчин, а женщин и детей уводили в рабство.

«Вот как раньше враги-таннит поступали, — рассказывал керек Етынкеу М. И. — Наш народ, керекский народ, все время настороже был, так как враги хотели уничтожить нас, когда мы зимой в валькарах жили. Враги подходили к валькарам, открывали дымовое отверстие и поджигали валькары, бросая туда горящие пакли с жиром. Валькар загорался, так как был деревянным. Но не сгорать же людям, выбегали наружу. Враги были

вооружены копьями, а у нас копий не было, только луки были. Из луков стреляли...» (см. приложение). В этот период кереки покидают участок побережья от мыса Наварин до устья р. Хатырка и обосновываются на труднодоступных местах Наваринского полуострова и южнее р. Хатырка.

После окончания войн кереки попадают в полную экономическую зависимость к чукчам-оленеводам. У кереков даже входит в обычай отдавать детей на услужение оленеводам, последние часто забирали их насильно. Так, еще в начале XX в. силой была уведена в рабство керечка Омрытваал, мать Хатканы Е. Брак чукчи-оленевода с керечкой считался унижительным.

«Кереки,— писал В. Г. Богораз,— живущие на мысу Барыкова, неоднократно жаловались, что телькепские чукчи обходятся с ними дурно, берут меха без уплаты и заставляют детей работать в качестве пастухов»⁴. В виде платы кереки получали от оленеводов олени шкуры для одежды, мясо, сухожилия для сетей, русские товары, американские винчестеры, патроны и другие вещи.

К концу XIX в., с упадком морского промысла, а вместе с ним и рыболовства, экономические связи кереков с другими племенами ослабевают, и они впадают в беспросветную нищету. Не случайно многие исследователи считали кереков самым несчастным племенем на Северо-Востоке. Территория расселения кереков была труднодоступной и лежала в стороне от основных путей русских землепроходцев, а затем и торговцев, поэтому кереки до конца XIX в. не имели непосредственных контактов с европейцами. Все эти факторы сдерживали развитие керекской народности, они сохраняли древний уклад жизни.

И все же связи кереков с приморскими чукчами, оседлыми коряками и оленеводами чаучу и чавчувенами оказали значительное влияние на развитие керекской культуры. В языке кереков появляется много заимствований, меняется летний тип жилища, приближаясь к чукотской яранге, в морском промысле начинает входить в употребление чукотско-эскимосский поворотный гарпун, «акын» — закидушка для доставания нерпы на воде, байдары чукотского и коряцкого типов. С началом оседания на побережье чукчей и коряков начинается активный процесс ассимиляции кереков более многочисленными чукчами и коряками, учащаются браки между ними.

¹ Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков. Л., 1973, с. 262.

² Вдовин И. С. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. З. М.; Л., 1961 (труды ИЭ, т. 60).

³ Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965, с. 62.

⁴ Богораз В. Г. Чукчи, ч. 1, с. 29.

ЯЗЫК И ТОПОНИМИКА

В конце 50-х годов в области сравнительного изучения палеоазиатских языков большое исследование проводит П. Я. Скорик¹. Он предлагает их новую классификацию, дав им название «чукотско-камчатские». В эту группу П. Я. Скорик вводит генетически родственные языки: чукотский, коряцкий, керекский, алюторский, ительменский. Из коряцкого языка он выделил как самостоятельные языки алюторский и керекский. Под алюторским языком он объединяет карагинский, паланский и алюторский диалекты коряцкого языка, т. е., по определению С. Н. Стебницкого², всю «ра-кающую» (южную) группу. В керекском языке П. Я. Скорик обнаруживает два диалекта: мейныпильгинский и хатырский. Говоря о происхождении алюторского языка, он замечает, что «сравнительный анализ дает возможность предполагать, что алюторский язык обособился от чукотского, а керекский — от коряцкого. При этом алюторский язык явился результатом не только воздействия эскимосского субстрата, но и значительного влияния коряцкого языка, из которого он заимствовал определенное количество как лексических, так и грамматических элементов... В свою очередь, в образовании керекского языка помимо эскимосского субстрата значительную роль сыграло затем эффективное воздействие на него чукотского языка, которое продолжается до настоящего времени»³.

Сами кереки говорят, что в их языке каждое четвертое слово собственно керекское, а остальные — чукотские и коряцкие⁴. Действительно, в керекском языке очень много лексических заимствований из чукотского и коряцкого языков, и вначале он воспринимается как «испорченный чукотский язык». И все же человеку, свободно владеющему чукотским или коряцким языком, керекскую речь понимать трудно, улавливается лишь самый общий смысл. Однако мейныпильгинские и хатырские чукчи, долго прожившие в соседстве с кереками, хорошо понимают их речь, но не разговаривают с кереками на их родном языке.

При работе над керекским языком вначале мы пользовались методикой, предложенной П. Я. Скориком, которая состояла в том, что по заранее составленному тематическому словарю на чукотском языке мы спрашивали аналогичные слова на керекском. Это не дало положительных результатов, так как керек-информаторы просто адаптировали слова, нарушая сингармонизм гласных и оформляя чукотские основы собственными словообразовательными средствами. Например: чук. тэрнатык (платать), кер. адант. тийнатык, кер. собств. икийак.

В данном примере в адаптированном чукотском слове кереками был опущен звук *p* как отсутствующий в керекском языке. В дальнейшем нам пришлось отказаться от этой методики, и мы стали работать над магнитофонными записями фольклорных и бытовых текстов. Рассказывая народные сказки, сказитель не испытывал давления чукотского языка и пользовался вырази-

тельными средствами своего родного языка. Таким образом, нам удалось выявить и пополнить запас собственно керекских слов, которые не находят общих основ в чукотском и корякском языках и, видимо, составляют основной словарный фонд керекского языка. Приведем несколько сравнительных примеров⁵.

Керекский яз.	Чукотский яз.	Корякский яз.	Перевод
апын?авинаца	й?арэнац	пруйила	остов
ачаан, ачайан	увэран	печгыёчгын	кладовая для мяса
итпац	мылгмыл	нутэг'ул	дёрн
икийак	тэрцатык	тэйцатык	плакать
илийтык	пиврэк	ининик	выныривать
иннымлхын	пэнъёлгын	печин	печка
кайуцай, пиккуйцын	атын	ав'аав	рана
нкиклан	ы'вэкуч	қлавол	муж
пыллан ⁶	тиркытир	тыйкытый	солнце
пыттылак	вулқытвик, вусқэвык	луқытвик	темнеть
унвал	пэкул	пэкул	женский нож
уккакцаца	вэтлы	в'эллы	ворона
хагуйун	чоттагын	чицэк	коридор
хаткуйцын	памытконац	эмлытицунэц	помпа, насос для выкачивания воды из байдарки

В отличие от эскимосского языка, который в процессе тесных контактов с чукотским языком заимствовал много чукотских наречий и служебных слов, в керекском языке эти категории слов сохраняются, некоторые близки к корякскому языку. Эту особенность отмечает и П. Я. Скорик: «Значительная часть лексики керекского языка, особенно служебных слов, отличается от лексики других чукотско-камчатских языков не только фономорфологической структурой, но и материально»⁷. Например:

Керекский яз.	Чукотский яз.	Эскимосский яз. ⁸	Перевод
ай?ат	эвын	ив'ын	но, если
аччи	ымы, ымың	ама	тоже
в?айук	қынвэр	қыцват	наконец
йакқай	ынк?ам	ынкам	и, затем
йакқамэл	й?арат	яг'рат	очень, весьма
йэман	вэндыги	ванлыги	все-же, все-таки
қаймын	чама	сяма	тоже, также
малкытыл	мэчынкы	масинка	довольно, достаточно
цитчан, луматчи	опопың	упупын	пусть, придется
пийа, пийаку	виин	вин	пока

Служебные слова «в?айук», «йакқай», «малкытыл» в том же значении имеются и в корякском языке.

Лексические заимствования из эскимосского языка очень незначительны. Нам удалось пока зафиксировать всего несколько слов. Например: кер. нылқак — эск. (чапл. диал.) нылтқак «баклан»; кер сикакана — эск. (чапл. диал.) сикик, имакл. диал. — сыкшыт «евражка»⁹.

Приведенные примеры лексических заимствований говорят, что керекский язык был в более близком контакте с корякским языком, затем — с чукотским и в меньшей степени — с эскимосским языком.

Эскимосский субстрат в алюторском и керекском «языках» П. Я. Скорик в основном видит в отсутствии сингармонизма гласных, что типично для чукотского языка; конкретно в керекском языке он обнаруживает его в отсутствии гласных фонем *e* и *o* (чук. кэтақэт, эск. китака, кер. китакик — «кета»; чук. койнын, эск. куйна, кер. куйцын — «трубка», «чашка»). П. Я. Скорик заключает, что эта особенность произношения была в свое время усвоена предками керексов у ассимилированных ими эскимосов¹⁰. Но этнографический и археологический материал, собранный по керекам, не подтверждает близкого контакта с эскимосами, а нарушение сингармонизма гласных типично не только для алюторского диалекта и керекского языка, но и для диалектов других подразделений коряков, а также свойственно языкам непалеоазиатской группы.

В то же время в керекском языке есть одна важная особенность, которая отличает его от корякского и чукотского и не находит аналогии в эскимосском, а сближает с ительменским языком. В чукотском и корякском языках в структуре слова недопустимо стечение двух-трех согласных в начале и в конце слова, а для керекского языка это обычное явление (чук. мыткымыт, кер. мткмыт — «жир»; чук. мумкыл, кер. мумкл — «застежка») ¹¹. Такую же фонетическую особенность мы находим в ительменском языке. Говорить о взаимодействии керекского и ительменского языков пока нет оснований, так как не обнаружены лексические заимствования. Это фонетическое явление могло возникнуть не под влиянием другого языка, а самостоятельно.

Керекская речь в связи с отсутствием в ней согласных звуков *g* и *p*¹² и наличием плавного сонанта звучит спокойно и мягко, певуче. Большую смысловую роль играет интонация, в фольклоре большое место занимает диалог.

По керекскому языку еще недостаточно материалов, чтобы окончательно утвердить его как самостоятельный язык. Сравнивая современный керекский язык с языками других подразделений палеоазиатов, можно предположительно сказать, что в настоящее время он является диалектом корякского языка, близким к «я-кающей» группе. Вполне возможно, что в прошлом керекки имели свой язык, но в процессе исторического развития он был ассимилирован корякским, а затем чукотским языком.

В отличие от чукотского языка в керекском нет особого женского говора, имеющего в основном фонетические различия с мужским, но есть отдельные слова, которые могут произноситься только женщинами. Эти слова связаны с домашним бытом и женскими болезнями, с интимной жизнью. Примерно то же самое подмечает И. С. Вдовин в апукинском диалекте корякского языка. «К числу особенностей апукинского диалекта следует отнести прослеживаемые в нем элементы особой женской лексики, вернее употреблявшихся в языке женщин некоторых слов и форм, которые не применялись в речи мужчинами». Далее он предполагает, «что среди женщин-апукинцев были представители какой-то другой этнической среды, видимо кэрэков»¹³.

Предположение И. С. Вдовина не лишено основания. Так, в женском говоре беринговских чукчей явно прослеживается керекское влияние в замене чукотского *ч* керекским *сь* (чама — с'ама, чит — сит), в женском говоре приморских чукчей замена звука *р* и стечения *тр* эскимосским звуком *ш* (муж. рагыг?э — жен. шагыг?э — «пошел домой», муж. гытруйгу — жен. гышшуйгу — «быть бодрым» и т. д.), а женскому говору глубинных чукчей (Анадырский, Билибинский районы) типично «цоканье», хотя оно также наличествует и в других женских говорах¹⁴. В некоторых женских говорах замена звуков происходит только в лексике, связанной с женскими занятиями. Так, например, в слове «қорагырэтык» (пасти оленей) в женском говоре ыльынейской группы чукчей сохраняется звук *р*, в восточных же районах обязательно скажут: «қоцагынцетык» или «қошагынцатык». Некоторые группы чукчей района Колючинской губы вообще не имели женского говора (тойгуненцы).

Эти примеры дают нам повод думать, что возникновение женского говора и образование локальных особенностей в нем явилось результатом связей чукчей с ближайшими соседями: приморских чукчей — с эскимосами, беринговских — с кереками, анадырских — с чавчуенами. По времени возникновения это явление, пожалуй, нельзя отнести к далекому прошлому. Чукотский женский говор явился следствием межплеменных войн, активизировавшихся в XVIII в. Чукчи, нападая на коряков, убивали мужчин, а женщин и детей уводили в плен. Плененные женщины с детьми составляли значительную долю населения в стойбище, а социальное положение их в чукотской среде способствовало сохранению своего особого языка. Не случайно С. Н. Стебницкий отмечает архаичный характер женского произношения в чукотском языке по сравнению с мужским¹⁵. А сам по себе корякский язык считается более древним, чем чукотский.

Женский и мужской говоры у чукчей сохранились до настоящего времени лишь у представителей старшего поколения, а лет двадцать назад это деление соблюдалось строго. Интересно, что чукчанка, попадая в иную этническую среду, особенно при вступлении в брак с эскимосом, коряком или керекком, отказывалась от своего женского произношения и переходила на мужское.

Эту особенность в свое время подметил Н. Б. Шнакенбург в смешанных керекско-чукотских семьях. «Чукчанка (жена керека.— В. Л.) говорит в домашней обстановке по-кэрэски и по-чукотски, не соблюдая в последнем случае женского произношения, столь характерного для женщин-чуканок»¹⁶.

В археологической и этнографической литературе по Северо-Востоку твердо закрепилась точка зрения И. С. Вдовина, что «следы пребывания эскимосов на восточном берегу Камчатского полуострова прослеживаются в топонимике населенных пунктов и других географических объектов»¹⁷. Так, название бухты в Авачинской губе Тарья он относит к эскимосскому слову «таг'ёк» — «соль, вкус морской воды»; название речки и селения Ука — к эскимосскому «ука» — «треска, жир»; название залива и реки Каюм — к эскимосскому слову, обозначающему «бычок (рыба)»; название косы в заливе Корфа Каңыхвал соотносит с аляскинско-эскимосским названием мыса и косы Kangeq; и др. Так же он интерпретирует и другие топонимы, встречающиеся по всему побережью от Камчатки до Анадырского залива, а в «Очерках этнической истории коряков» считает эскимосскими по происхождению некоторые топонимы в районе Тауйской губы. «Это название заливов: Амахтон (Амахтонский) и Мотыклей (Мотыклейский). Значение этих названий весьма близко к эскимосским словам: амахтон — имах'люк — «шторм» (штормовое место); мотыклей — мытых'люк — «ворон» (воронье место)»¹⁸ и т. д.

Подобное толкование топонимов по приблизительному внешнему сходству их с отдельными словами соответствующего современного языка не может быть надежным¹⁹. «Приходится, однако, отметить, — пишет Г. А. Меновщиков, — что эскимосские топонимы, за немногими исключениями, этимологизируются И. С. Вдовиным неточно. Стремление к непременно обнаружению лексического значения слова, лежащего в основе топонима, далеко не всегда дает положительные результаты, так как многие древние слова исчезли из языка или стали употребляться в ином значении. При этом необходимо учитывать и то, что в период появления эскимосских топонимов уже существовали диалекты и родственные эскимосские языки, словарный состав которых не был абсолютно идентичным. Для того чтобы дать более или менее правильную этимологию топонима, исследователь должен иметь необходимые представления о диалектах и о родственных языках, носители которых создавали первые топонимы на данной территории»²⁰.

Внешнее сходство слов — довольно частое явление. Так, например, могут ввести в заблуждение такие пары слов, как эскимосское «аңкак» — «мяч» и чукотское «аңкак» — «в море»; эскимосское «милутака» — «бросает» и керекское «милутана» — «заяц» и чукотское «милют» — «зайцы». Слово «мама» почти одинаково звучит на многих языках мира, но это не значит, что керекское «амма, аммаңа», чукотское «ыммэмы» ведут свое

происхождение от русского «мама»! Чтобы правильно этимологизировать то или иное слово, установить его языковую принадлежность, необходимо проследить его на других родственных языках и диалектах, исследовать пути адаптации этого слова в других языках, установить фонетические и морфологические закономерности взаимодействия языков.

Мы не отрицаем возможности наличия эскимосских топонимов на Камчатке, но то толкование, которое дает И. С. Вдовин, крайне неубедительно. Так, выводить происхождение топонима Каюм от эскимосского слова «кайыңыҥак»²¹, обозначающего рыбу «бычок», сомнительно. Вернее всего топоним Каюм имеет чукотско-корякскую основу-куйым/-койым, что означает «бухта, залив». Этот топоним широко распространен на побережье от мыса Олюторского до мыса Дежнева и далее на север и в большинстве случаев употребляется как номенклатурный термин наравне с такими словами, как -вээм/-ваам «река», -нэй/-цай «гора», -гытгын и др. Например: Итылкуйым (на карте Этелькуйым) — залив в заливе Креста, Вэлкылвээмкуйым — залив севернее Мейныпильгино и др. Топоним Ука можно соотнести со словом «укит», что на олюторском диалекте корякского языка означает «сеledка». Несопоставимо, по нашему мнению, соотношение топонима Алут с эскимосским словом «алутора» (гренландский диалект), Каныхвал — с аляскинско-эскимосским Кангэк.

Основа -кэңи/-каңэ, -каңи- широко распространена в топонимике Северо-Востока (чук. Кэңи-скун — бывш. н. п. у мыса Дежнева, Кэңи-ергын — пос. Конергино, Нэт?э-кэңи-чвын — залив между мысом Сердце-Камень и Нетен, кер. Каңы-йун — губа Гавриила, эск. Каңи-ниқ — залив в заливе Креста и т. д.). Это слово в равной степени обнаруживается как в чукотско-корякской, так и в эскимосской топонимике. В чукотском языке оно означает «изгиб, кривизна» и может употребляться в различных именных и глагольных формах (каңэ-гыргын «кривизна», каңэ-гты валын «кривой», кэңэ-тгьи «согнулся» и т. д.). Имеется оно и в корякском языке в том же значении: каңа-тык «изогнусь», га-каңа-лин «изогнутый». В эскимосском языке на чаплинском, науканском, сиренинском диалектах основа -каңи- обозначает «бухту, залив» и используется в именном значении.

Сейчас пока трудно определить, к какому языку относится основа -кэңи/-каңэ, -каңи, -каңа, -каңы, в каком языке она является исконной, для этого нужны специальные лингвистические исследования, но по отношению к топониму Каңыхвал можно сказать, что по своей морфологической модели его следует отнести к чукотско-камчатским языкам с комплексным инкорпоративным словообразованием, где -каңы «кривой», -хвал «нож», т. е. «кривой нож».

Топонимика побережья Берингова моря от Анадырского лимана до мыса Говена на современной карте отражает чукотско-корякскую основу. Собственно керекской топонимике не сохранилось, встречаются только керекские компоненты в топонимах,

адаптированных чукотским или корякским языком. Это естественно, так как при подробной топографической съемке в 1940—1950 гг. керекы уже были сконцентрированы в укрупненных поселках, названия географических объектов спрашивали у кочевавших чукчей, а там, где не у кого было спросить, давали русские имена. В процессе нашего исследования нам удалось выявить параллельные топонимы, которые имеют нечукотскую языковую основу. Приведем некоторые примеры, следуя от Анадырского лимана на юг.

Анадырь — одна из самых крупных рек Берингоморья, имеет второе параллельное название Й?аайваам. По мнению археолога Н. Н. Дикова, топоним Анадырь восходит к юкагирской основе «онун» — «река»²². Й?аайваам интерпретируется Г. А. Меновшиковым как чукотский топоним «чайчъя», где й?аай — от й?айак, «чайка» и вээм/ваам «река»²³. Но это толкование сомнительно, возможно, что й?аайваам — адаптация керекского топонима й?аайвэйэм. Значение первой основы установить пока не удалось, но едва ли оно связано с «чайкой».

Онемен — залив, расположен западнее горла р. Анадырь, от чук. онмын, онмычыку вал?ын, т. е. «находящийся в глубине материка».

Канчалан — залив и река. Река имеет свое чукотское название, а топоним «канчалан» нечукотского происхождения. У левого входа в Канчаланский залив есть мыс Толстый, по-чукотски он называется Кончан — «единственный, одинокий». Но вряд ли этот топоним имеет какую-либо связь с топонимом Канчалан.

Обсервации — северный входной мыс горла р. Анадырь. Чукотское название Унпэныткын — «кол-мыс» появилось с установлением на нем гидрографического знака и не является древним.

Алюмка — островок напротив г. Анадырь, языковая принадлежность топонима не установлена, чукотское название Пэрэнэтын — «взятое выброшенное». В чукотской легенде, услышанной от уроженца Земли Гека Василия Этлену, рассказывается, что «когда-то давно-давно возвращались с богатой добычей чукчи с Телькепской тундры. Шли они через лиман большим оленьим обозом «муульын» с награбленным. Но тут их стали нагонять враги. Погнали быстрее оленей чукчи. Уже вот-вот на берегу будут, как вдруг оборвалась часть обоза и превратилась в остров»²⁴.

Коса Русская Кошка — расположена с северной стороны у входа в Анадырский лиман, по-чукотски Чегройнын. Что означает первая часть слова «чегро» — не установлено, -йнын — увеличительно-пренебрежительный аффикс. Есть второй вариант названия Чегройныкытрыкыр — «Чегройнинская сухая коса». Несколькими дальше по лиману есть мыс Николая, по-чукотски он называется Качегройнын — «Малый Чегройнын».

Дионисия — гора, расположена чуть южнее г. Анадырь, чук. Тэмлян, что означает «сломанная игла» (тэ- от основы ти-/тэ- — титиңы «игла» и «-мля — от млек «сломать»). Есть две легенды.

Одна гласит, что у подножия этой сопки как-то женщины, собиравшие ягоду, нашли красивую костяную иглу. Заспорили женщины, каждой хотелось иметь ее. Стали они отбирать иглу друг у друга и сломали. В другой легенде рассказывается, что Тэмлян — это имя силача, которого победил чукотский силач Вэл-вылевыт, а гора — это его тело²⁵.

Великая — река, впадающая в залив Онемен, чук. Майнывээм — «большая река», второе название Йуйапкин, возможно, керекское.

Агтаткуль — река, впадающая в Анадырский лиман. Правильно по-чукотски Агтаткоол или Автаткоол — «преграждающая река», от *агтат-ык* «преграждать» и *-куул/-коол* «углубление», «глубокая река», текущая по тундре, с илистыми берегами.

Мыс Гека — левый входной мыс в Анадырский лиман, по-чукотски Цигрин. Что обозначает это слово, пока выяснить не удалось. По сведениям чукчей Кутынкеу А. В. и Геутваль М. М. Цигрин — это имя человека, жившего на мысе Гека в период межплеменных войн. Цигрин, возможно, адаптация керекского слова.

Земля Гека — коса у левого входа в Анадырский лиман, чук. Цигринутэтэгын, образовано от названия мыса Цигрин, *-нутэ/-нота* «земля», *-тэгын/-тагын* — аффикс предела, т. е. место, где кончаются тундровые холмы и начинается галечниковая коса.

Айванкытрын — коса, протянувшаяся от мыса Гека в южном направлении в сторону лимана, на чукотском обозначает «заветренная коса». Этот топоним мы не связываем с чукотским этнонимом «айван» — эскимос, так как на ней нет никаких следов пребывания эскимосов, скорее название отражает особенность расположения косы.

Тымна — лагуна, в которую впадает река Туманская, чук. Тымнэ. Названа по имени чукчи Тымнэт, жившего в 30-х годах на Туманской и являвшегося одним из старейшин.

Туманская — река, бывшее поселение. Река имеет еще два названия: в нижнем течении — Талқап?эргыргын²⁶ и в верхнем — Ныгчеквээм. Ныгчеквээм — чук. «тополевая река», где *ныгчек* «тополь» и *вээм* «река». Видимо, название произошло от кустарниковых зарослей в ее верховьях. Талқап?эргыргын состоит из двух основ: *тэлқэп/талқап* — от этнонима *тэлқэпыл?ыт*, так называли жителей побережья от лагуны Тымна до мыса Барыкова, и *э'ргыргын* — от глагола *и'рык* «переходить, переправляться через реку», т. е. река, через которую ехали к телькепским людям. Что означает сама основа *-тэлқэп/-талқап*, пока не установлено, но вряд ли она связана с чукотским глаголом *талқэвык* «быть проездом, промелькнуть»²⁷, так как остается необъяснимым компонент *-п*.

Топоним Туманская по внешнему сходству соотносим с русской основой «туман», но едва ли он русского происхождения. В официальных документах он упоминается как туманский род чукчей в начале XIX в.²⁸ Аналогичное название «туманские ко-

ряки» встречается в документах XVIII в. Под этим именем имелись в виду коряки Охотского побережья, жившие на р. Туманы, впадающей в залив Шелихова²⁹. Нет сомнения, что туманские коряки названы так по реке Туманы. Возможно, что между этими весьма отдаленными топонимами (Туманы — корякский, Туманская — чукотский) существует какая-то связь. Может быть, по каким-то общим признакам русские называли эту местность, а вернее всего, по жителям, имевшим сходство в образе жизни с «туманскими коряками».

Кэйнгыпильгин — лагуна, расположена южнее Туманской. Бывшие туманские чукчи эту горловину называют Кэнупилгын — «пенистая горловина» — из-за больших бурунов в горловине этой лагуны. Топоним Кэйныпилгын означает «бурого медведя горловина». Наличие этого топонима чукчами отрицается.

Готовцева — коса, керекско-чукотское Тапан?эргын, где кер. *тапан* «ровное место, долина» и чук. *э'ргын* от *и'рык* — «переходить, переправляться».

Алькатваам — река, поселок, чук. Алқатваам от *элқат/алқат* «переполняться водой» и *ваам* «река», т. е. «река, выходящая из берегов», «многоводная». Аналогичный топоним, но в неправильном написании, имеется в северной части Чукотского района. Так, левый приток р. Нетенвээм называется Алқатваам (на карте Алькатыквээм). В словаре Г. А. Меновщикова этот топоним этимологизируется неверно³⁰.

Барыкова — правый входной мыс бухты Угольной, чук. Ыл-вылю — «дикий олень».

Угольная — бухта, чук. Гачгатагын, где *гачга* от *гатле* «птица» и *-тэгын/-тагын* — аффикс, обозначающий «предел, конец», т. е. место, где уже нет птиц. Кер. Хаххатаин.

Амаккут — река, впадает в бухту Угольную, кер. Амаккут, где *амма*, возможно, «мама» и *кут* от *куэт* «небольшая заводь», «сужение». Рек с названием Амаккут две: одна Майцаммаккут — «Большая Амаккут», другая Қайаммаккут — «Малая Амаккут». Это место было центром летовки кереков района бухты Угольной.

Лахтина — лагуна у бухты Угольной, чук. Кэлинейвээмқуым. Название произошло от горы Кэлиней — «пестрая гора», по ней названа р. Кэлинейвээм, а по реке — уже и лагуна с добавлением номенклатурного термина «куым» — залив, бухта.

Низменный — мыс, чук. Чыгагралқаңын — «на песке стоянка», где *чыгаг* от *чыгэй/чыгай* «песок, галька» и *ралқаңын* «место покинутой стоянки»; кер. Чийайалқаңын.

Отвесный — мыс, левый входной мыс в бухту Угольную, кер. Упанк или Упанкинмын, чук. Опанкэнмын. Кер. *упанк* означает «kozyрек, навес», *инмын* — «скала». Мыс Отвесный круто, почти под 90° обрывается к морю и представляет ровную гладкую стену. Зимой при сильных северных ветрах на вершине мыса образуется большой снежный навес, за что он и получил название Упанк. Слово *упанкэн* в значении «навес, козырек» бытует и у

приморских чукчей и никакого отношения к эскимосскому *уна* «ракушка» не имеет³¹.

Военных Топографов — мыс, керекско-чукотское: кер. Аччинут, чук. Атчынот — «скрытая земля», где *атч-ык* «прятаться, скрываться» и *нот* от *нутэ/нота* «земля».

Ушакова — бухта, кер. Амаамын, значение не установлено.

Эмима — река, впадает в лагуну Амаамын, возможно, керекское.

Гавриила — губа, кер. Кыныйун — «изгиб, кривизна» в значении залив, чук. Кэниюн.

Наварин — мыс, кер. Иуйатын — «длинный, дальний», чук. Роратын.

Эгеймуэм — река у мыса Наварин с южной стороны, возможно, керекское.

Пи́ка — река, чук. Вааквэт, букв. «передник» от *вааквын*, имеется в виду небольшая долина реки перед переходом через крутые сопки к губе Гавриила; второе чук. Пикы — «кончик, хвост птицы, рыбы». Кереки устье этой реки называют Айин — «прибой», чук. адаптация Эйин; что обозначает этот топоним, неизвестно, но точно такой же топоним обозначает реку на юго-западе полуострова Олюторский, впадающую в лагуну Кавачат. Возможно, что реки получили одинаковые названия Айин в связи с расположением на юго-западе.

Кайпильгакуй — лагуна, чук. Кэйпилгыкэй — «маленькая горловинка» относится непосредственно к горловине. Лагуна называется Вэлкыл — вэемкуйым — «Велкылвеемская бухта», где *вэлкылвэем* — «челюсть-река» и *куйым* — «бухта, залив». По-керекски горловина лагуны — Иыйныпэл — «горловинка, устье», где *йыйнын* «устье, горловина» и *-пэл* — уменьшительный аффикс.

Пекульнейское — озеро, чук. Пэкулнэйкуйым — «Пекульнейский залив», названо по горе Пэкулнэй — «нож-гора», где *пэкул* «женский нож» и *нэй* «гора».

Мейныпильгыно — поселок, чук. Мейныпилгын — «большая горловина», кер. Майнайыйнын — «большое устье».

Экенгай — гора около поселка Мейныпильгыно, чук. Э'кэ-нэй — «плохая гора», русск. Колдун. По этой горе мейныпильгинцы определяют погоду: если гора покрыта облаками, то ожидают сильный северный ветер.

Э'тчун — место древнего керекского поселения. кер. Аччун, значение не установлено.

Куэт — рыбалка у начала протоки из оз. Ваамочка, кер. Куэт — «заливчик, затон».

Ваамочка — озеро южнее поселка Мейныпильгыно, из него выходит протока, впадающая в море, чук. Ваамъёчгын, где *вэем/ваам* «река» и *ёч* от *ёк* «класть, собирать», т. е. «собрание рек»³². Действительно, множество рек и речушек впадает в это озеро и одноименную речку.

Хайидин — мыс, гора, река, озеро, чук. Кайгытгын — «маленькое озеро».

Ныкыйпыйляк — река между поселками Мейныпильгыно и Хатырка, чук. Ныкэпэкыл — «ночной треск», где *ныкэ* от *ныки/ныкэ* «ночь» и *пэкыл* «треск, выстрел». В сильные морозы в устье этой реки всегда сильно трещит лед. Кереки и чукчи раньше это устье объезжали стороной, так как считали его местом злого духа Камака.

Телилеут — горы на левобережье нижнего течения р. Хатырка, чук. Тэлилевыт — «голова с косами», кер. Талалаут, значение то же.

Хатырка — поселок и река, чук. Ватыркан — «сухое место», кер. Хатына — «холодная».

Янда-Умен — камень у мыса Хатырка, кер. Янайаумын — «отдельный толстый», чук. Ярэнмын — «отдельная скала». В прошлом, да и сейчас, на этом камне с плоской слегка наклонной вершиной гнездились и отдыхала масса птиц: кайры, бакланы, топорки, чайки. Кереки во время отлива переходили по отмели на этот камень, собирали яйца, ловили сетями птиц³³.

Куем — река, впадающая с севера в Хатырский лиман, чук. Куйым — «бухта, залив».

Камакынот — гора на мысе Хатырка, чук.-кор., где *камак* «жертвенник» и *нот* от *нутэ/нота* «земля», т. е. «жертвенная земля».

Мадлен, Маллен — лагуна у мыса Рубикон, кер. Мыллан, значение не установлено.

Аннушка, — лагуна, чук. И'ннун — «холм», кер. Мыллы-вэйэм — река, которая впадает в лагуну, значение *мыллы* не установлено, *вэйэм* «река».

Опукинский — мыс, кер. Ыллавина — «большая мать», где *ылла* «мать» и *вина* — увеличительный аффикс. Подножие мыса и лагуна — основное место зимовки опукинских кереков. Здесь имеются захоронения и следы древних землянок, а также жертвенники.

Опука — лагуна, кер. Кита — «промерзающая». Лагуна очень мелководна и зимой промерзает до дна, — летом же богата птицами и рыбой.

Лагунный — мыс, кер. Уйахнагынун, по В. Г. Богоразу — Уягнагынон, значение не установлено.

Укэлаят — река, впадает в бухту Дежнева, по В. Г. Богоразу — Укилан, значение не установлено.

Ямлан — гора, возможно, керекское.

Линглингэй — гора, чук. Лицлиинэй — «сердце-гора».

Линглинкуйум — бухта, чук. Лицлинкуйым — «сердце-залив», топоним образован по названию горы.

Илпи — лагуна в бухте Анастасия, возможно, керекское, значение неизвестно.

Мимыльгытгын — озеро-протока р. Илпивэйэм, кер. Мимылхытхын — «тюленьё озеро».

Ватына — река, впадает в бухту Наталия, кер. Ватына — «сухая».

Тапан — бывшее керекское поселение, упоминается В. Г. Богоразом, кер. Тапан — «ровное место». См. Тапан?эргын.

Вайминтагин — озеро, возможно, кер. В?айминтахын, где *в?аймин* «место, поросшее травой», *тахын* — аффикс предела, обозначающего конец чего-либо, в данном случае имеется в виду отсутствие травы.

Тапатагин — бывшее керекское поселение, упоминается И. Анкудиновым в 1777 г. под именем Тапатога³⁴, кер. Тапатахын — «конец равнины», где *тапан* «ровное место», *тахын* — аффикс предела, соответствует чук. *тэгын/тагын*.

Явн — лагуна, возможно, от общекорякского Янвын — «бухта».

Олюторский — мыс, залив. Название появилось на карте после экспедиции Ф. П. Литке на военном шлюпе «Сенявин» в 1826—1829 гг. и дано в честь коряков-алюторцев. До этого мыс назывался Хатырским³⁵.

И. С. Вдовин предполагает, что название коряков-алюторцев произошло от селения Алют, расположенного на северном берегу залива Корфа (совр. с. Олюторка). От этого названия образовано корякское слово *алуталгу* (мн. ч.) — алюторцы, *алулгыын* (ед. ч.) — алюторец³⁶.

Действительно, среди коряков и чукчей было в обычае называть себя по месту жительства, по имени поселения или местности. Например, *вывныльо* — коряки-вывенцы, *пойтыльо* — коряки-паренцы, *вайкынэльо* — коряки-каменцы, *ув?элельыт* — чукчи-уэленцы, *инчувильыт* — чукчи-инчоунцы и т. д. Но эти этнонимы относились к конкретной группе людей, проживавших в одном селении, а не к целой этнической группе, имевшей свой диалект или язык. Единая этническая группа у своих ближайших соседей имела свое название, которое не употреблялось внутри самой этнической группы. Так, например, чукчи называли аляскинских эскимосов «йыкыргавильыт» — «дыряворотые» (это название дано за обычай носить лабретки, для чего эскимосы прорезали щеки и губы), сами же аляскинские эскимосы не пользовались этим названием. В свою очередь эскимосы называли чукчей «куйцильык» — «оленовод, имеющий оленей» (куйцильык — эскимосская адаптация чукотского *коральын* «имеющий оленей»), но сами чукчи не называли себя словом *коральын* «имеющий оленей», а именовали себя «аңкальыт» — «приморские», так называли и уэленцев, и инчоунцев, олениводы называли себя «чавчыват» (мн. ч.), «чавчыв» (ед. ч.) или же общим словом «лыг?оравтлыат» — «настоящие люди». То же наблюдается и у алюторцев. «Сами себя алюторцы большей частью называют *нымылгу* «жители, поселяне», иногда же по названию своего поселка, например: *вывналъо*

(жители поселка Вывнак), *тиллиралгу* — теличинцы (жители с. Телички); *алуталгу* — алюторцы (жители с. Алут — «Олюторское») ³⁷.

Все эти данные дают повод думать, что в основе названия «алюторцы» едва ли лежит название селения Алют, хотя бывают исключения, но в этнониме «алюторцы» необъяснимым остается компонент *-ора-*, а сопоставление его с эскимосским словом *алугора* (гренландский диалект) едва ли возможно как по времени, так и по расстоянию³⁸. С. Н. Стебницкий прямо указывает, что «названия «алюторцы», «алюторский диалект» происходят от нымыланского (корякского. — В. Л.) слова *элу-тэлгу* (ед. ч. *элу-тэлгыын*) — так называют алюторцев чавчувены»³⁹.

У чукчей, коряков было принято называть своих ближайших соседей по определенным этнографическим признакам. Так, эвенов чукчи называли «корарамкыт» — «оленный народ» за езду на оленях верхом, эвены оседлых коряков Охотского побережья называли «хэйэк» — от *хэйэ* «макушка» за особый головной убор⁴⁰. Некоторые из этих названий имели социальную основу и носили уничижительный, даже оскорбительный характер. Так, чукчи (так же как и коряки-чавчувены) называли алюторцев «эльтэльыт» (мн. ч.), «эльтэльын» (ед. ч.), что значит «немоющиеся», «грязные», где *э-/а-* — префикс отрицания, *-лыу/-льо-* «лицо», *-тэ-/та-* от основы глагола *тэнэ-к/тана-к* «мыться» и *-ль-* — аффикс имени-причастия.

Первые русские землепроходцы в большинстве случаев названия племен получали от ближайших соседей. О юкагирах и эвенах они узнали от якутов, о чукчах — от юкагиров, а об алюторцах могли узнать от чукчей-олениководов и коряков-чавчуменов, откуда и появился этноним «алюторцы», который является русской адаптацией чавчувенского *алуталгу* и чукотского *эльтэльыт*. Сам же этноним «алуталгу» имеет социальную основу, так как коряки-чавчувены имели экономическое превосходство, являлись зажиточными и презрительно относились к алюторцам. Не случайно С. П. Крашенинников отметил, что «оленные коряки всех их называли холопами, а особливо олюторцев, ибо олюторцы — испорченное имя алютоклаул (правильно по-чукотски *альотоқлявил*. — В. Л.), что значит холопа. Да и сами сидячие коряки почти от того не отрекаются»⁴¹.

Апука — селение, река, впадающая в Олюторский залив, коряк. (апук. диал.) Апоккагытын⁴², где *апок* — значение не установлено, *кагыт ын* — «устье реки»; чук. Эпук.

Ачайваям — левый приток р. Апука, коряк. (чавчув. диал.) Г'эч'эйв'эем⁴³ — «песчаная река», где *г'эч'эй* «песок», *в'эем* «река».

Как видно из приведенной топонимики побережья Берингова моря от Анадырского лимана до Олюторского залива, собственно керекской топонимики, за исключением некоторых

слов (тапан, упанкан, аммамкут), почти не сохранилось на современной карте, а те, которые нанесены, настолько искажены, что представляют большую трудность для восстановления их правильного написания, без чего невозможно этимологизировать топоним. Представляют пока загадку топонимы Й?аай-ваам (р. Анадырь), Йуйапкин (р. Великая) и Канчалан. Топоним Канчалан местными жителями не признается чукотским, река имеет свое чукотское название, но что звучанию Канчалан почти полностью совпадает с корякским названием ительменов «хончало», упоминаемым С. П. Крашенинниковым в своем труде⁴⁴.

Есть еще один топоним на западном побережье Камчатки, который можно отнести к керекскому языку — это окружной центр Корякского автономного округа поселок Палана. С. Н. Стебницкий приводит второе параллельное название этого поселка — Кысьет⁴⁵. Слово «палана» очень близко к керекскому «пыллан», что значит «солнце». На других чукотско-камчатских языках этот топоним не переводится и не имеет близких основ. Коренные паланцы объясняют, что это место действительно солнечное.

Южнее Анадырского лимана в топонимике побережья проявляется интересная закономерность. Если на севере лагуны везде называют «кынманкы» — «заднее море», где *кынмэ-/кынма-* от *кынмэн* «задняя стенка полога» и *аңкы* «море», то здесь в качестве номенклатурного термина для обозначения точно таких же географических объектов выступает слово *куйым/койым*. Например, Кэлиңэйвээмкуйым — «Кэлинейвеемская бухта, залив» (лагуна Лахтина), «Вэлкылвээмкуйым — «Вэлкылвеемская бухта, залив» (оз. Кайпильгыкэй), Пэкулнэйкуйым — «Пекульнейская бухта, залив» (оз. Пекульнейское) и т. д.

Слово *куйым* в чукотском языке имеет два значения: 1) задняя часть штанов; 2) залив, морская губа; такое же значение оно имеет и в керекском языке. В корякском языке лагуна называется *а'алг'эн*, а слово *куйым* употребляется в значении: 1) верхняя часть штанов; 2) промежность. По-корякски бухта — *аңвын*, залив — *эмлыпоқыткын* и губа — *аңкаг'эңыткын*⁴⁶. Два последних географических термина носят описательный характер (*эмлыпоқыткын* — букв. «водяной зад, седалище»; *аңкаг'эңыткын* — букв. «морской кончик») и в топонимике Северо-Востока не встречаются, не встречается и корякский термин *в'алг'эн* — лагуна. На Северо-Востоке получили распространение географические термины «кынманкы» (чук.), «куйым» (чук.) и «куюл» (коряк.) в значении «бухта, заводь».

Заставляет задуматься то обстоятельство, что чукотско-керекское «куйым» употребляется для обозначения закрытых водоемов, точнее лагун, называемых «кынманкы», которые отделены от моря узкими наносными галечниковыми косами. Возможно, что термин «куйым» связан с трансгрессией моря, когда 1,5—

2 тыс. лет назад те же озера и лагуны представляли собой заливы и бухты. Возраст северных лагун и лагун Берингоморского побережья одинаков, но, видимо, чукчи обосновались на северном побережье уже в то время, когда древние заливы и бухты были отделены от моря галечными косами и являлись лагунами. О давности существования географического чукотско-корякского термина «кынманкы» (лагуна) говорит тот факт, что С. П. Крашенинников находит его на Охотском побережье: «Потом днях в двух езды следует знатная река Яма, текущая с западу из под горы Енолкан, то есть бабушка, которая пала в небольшую губу, называемую Кинмаанка»⁴⁷ (ср. с чук. кынманкы). В настоящее время губа Кинмаанка носит название Перевалочный залив.

Большой интерес представляет и распространение географических чукотско-корякских номенклатурных терминов «пилгын» — «горловина» и «кагыйнын» — «устье». Первый распространен от Меныпильгыно на север и далее по побережью Чукотского и Восточно-Сибирского морей до устья Колымы. «Кагыйнын» начинается от Хатырки и идет на юг до Камчатки, а на западном побережье Камчатки снова встречается термин «пилгын»: Ваямполька — по-корякски Вайампилган — «речная горловина» или «речки устье»⁴⁸.

Загадкой является топоним Опука (Опуха), которым называется лагуна, река и мыс Опукинский, расположенные на побережье Чукотского автономного округа. Дело в том, что среди хатырских кереков и чукчей этот топоним совершенно не употребляется, они говорят, что настоящая Опука находится далеко-далеко на юге (имеется в виду Апука в Олюторском заливе). Лагуну они называют Китаца — «холодная, промерзающая», а реку — Маллывайам. Возможно, что в данном случае допущена географическая ошибка, но кем и когда, пока не установлено. Если бы название Опука существовало, оно должно было сохраниться в чукотско-керекской топонимике.

Как видно из приведенных данных, топонимика Северо-Востока имеет древнекорякско-чукотскую основу и ее параллели обнаруживаются далеко за пределами Камчатки и Магаданской области (ср. кор.-чук. *куюл*, *куул* с якутским *кюель*, казахским *кул*).

¹ Скорик П. Я. К вопросу о классификации чукотско-камчатских языков. — Вопросы языкознания, 1958, № 1; *Он же*. К вопросу о сравнительном изучении чукотско-камчатских языков. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1958, т. XVII, вып. 6; *Он же*. Чукотско-камчатские языки. — В кн.: Младописьменные языки народов СССР. М.; Л., 1959; *Он же*. Керекский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. 5, Л., 1968 и др.

² Стебницкий С. Н. Фонетические различия нымыланского (корякского) языка. — В кн.: Памяти В. Г. Богораза (1865—1936). М.; Л., 1937, с. 290—291.

³ Скорик П. Я. К вопросу о сравнительном изучении..., с. 544.

⁴ Сообщение информаторов-кереков Етынкеу М. И. и Турьлькота К. А. Рыбалка Куэт, 1971 г.

⁵ Корякская лексика заимствована из «Русско-корякского словаря» (сост. А. Н. Жукова. М., 1967). Чукотские слова приводятся автором, который свободно владеет чукотским языком.

- 6 Словом «пыллан» керекки называют также пуговицу. Второе значение этого слова появилось после того, как керекки впервые увидели русских чиновников в мундирах с блестящими пуговицами. А. А. Ресин вспоминает, как «чукмарям» понравились пуговицы на его кителе и они пытались их сорвать (Ресин А. А. Очерки инородцев побережья Тихого океана. СПб., 1888).
- 7 Скорик П. Я. Керекский язык, с. 333.
- 8 Меновицков Г. А. Язык сиренинских эскимосов. М.; Л., 1964.
- 9 Там же, с. 208.
- 10 Скорик П. Я. К вопросу о сравнительном изучении..., с. 541.
- 11 Скорик П. Я. Керекский язык, с. 312.
- 12 Там же, с. 311.
- 13 Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков, с. 103.
- 14 Полевые материалы автора 1964—1967 гг. по Билибинскому, Чаунскому и Чукотскому районам.
- 15 Стебницкий С. Н. Фонетические различия..., с. 303.
- 16 Шнакенбург Н. Б. Нымыланы-кэрэки.— Сов. Север, 1939, № 3, с. 97.
- 17 Вдовин И. С. Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков, с. 27—63.
- 18 Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков, с. 265—266.
- 19 Меновицков Г. А. Палеоэскимосские топонимы северо-восточной Сибири.— Вопросы языкознания, 1963, № 6, с. 125.
- 20 Там же.
- 21 Эскимосско-русский словарь. Сост. Е. С. Рубцова. М., 1971, с. 192.
- 22 Меновицков Г. А. Местные названия на карте Чукотки. Магадан, 1972, с. 50, 102; Диков Н. Н. Древние костры Камчатки и Чукотки. Магадан, 1969, с. 11.
- 23 Там же, с. 102.
- 24 Леонтьев В. В. По земле древних керекков. Магадан, 1976, с. 23.
- 25 Там же, с. 18—22.
- 26 И. С. Вдовин не точно воспроизводит этот топоним как «Талкапгыргын» (см. его «Очерки этнической истории коряков», с. 259).
- 27 Чукотско-русский словарь. Сост. Т. А. Молл, И. И. Инэнликей. Л., 1957, с. 127.
- 28 Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков, с. 259.
- 29 Там же, с. 174.
- 30 Меновицков Г. А. Местные названия..., с. 169.
- 31 Вдовин И. С. Эскимосские элементы..., с. 37.
- 32 Меновицков Г. А. Местные названия..., с. 65.
- 33 Леонтьев В. В. По земле древних керекков, с. 202—203.
- 34 Косвен М. О. Из истории этнографии коряков в XVIII в.— В кн.: Сибирский этнографический сборник. 4. М., 1962, с. 289.
- 35 Там же.
- 36 Вдовин И. С. Очерки этнической истории коряков, с. 54.
- 37 Стебницкий С. Н. Нымыланы-алюторцы.— Сов. этнография, 1938, № 1, с. 130.
- 38 Вдовин И. С. Очерки..., с. 55.
- 39 Стебницкий С. Н. Нымыланы..., с. 130.
- 40 Устное сообщение этнографа У. Г. Поповой.
- 41 Крашенинников С. П. Описание земли Камчатка, с. 450.
- 42 Стебницкий С. Н. Фонетические различия..., с. 289.
- 43 Гурвич И. С., Яйлеган А. И. Ачайваямская группа коряков-оленевонов.— Краеведческие записки. Петропавловск-Камчатский, 1971, с. 35.
- 44 Крашенинников С. П. Описание земли Камчатка, с. 362.
- 45 Стебницкий С. Н. Фонетические различия..., с. 290.
- 46 Здесь и далее чукотско-корякская лексика заимствована из следующих словарей: Чукотско-русский словарь. Л., 1957; Корякско-русский словарь. Л., 1960; Русско-корякский словарь. М., 1967.
- 47 Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 152.
- 48 Стебницкий С. Н. Фонетические различия..., с. 290.

ФОЛЬКЛОР

Фольклор керекков совершенно не изучен, имеются лишь некоторые публикации сказок на русском языке в отдельных изданиях. Так, 16 текстов керекских сказок записала в 40-е годы учительница О. Е. Бабошина в поселках Мейныпильгино и Хатырка Чукотского автономного округа¹. Она называет эти сказки корякскими, хотя наши сведения, полученные от керекков-информаторов, не подтверждают, что в 40-е годы в Мейныпильгино и Хатырке жили коряки. О. Е. Бабошина ошибочно приняла керекков за коряков. Сказки были записаны на русском языке в большинстве случаев от учащихся начальных классов, которые уже были знакомы с русским языком и знали некоторые русские сказки.

Несмотря на замечательную художественную обработку керекских сказок О. Е. Бабошиной и Д. Нагишкиным, были упущены этнографические особенности быта, обычаев и религиозных представлений, искажены имена фольклорных героев, а порою их называли просто нарицательными словами.

Несколько керекских текстов записал в 1954 и 1956 гг. П. Я. Скорик. Один из них — «Мальчик с луком»² едва ли можно отнести к керекскому фольклору. В героических сказаниях чукчей и эскимосов широко распространен сюжет о бордодом силаче-насилынике Якунине, которого ослепляет стрелами мальчик³. Подобный вариант сказки на чукотском языке в 1971 г. был записан И. В. Поломошновым от сказителя чукчи Энпыка в пос. Нумяно Чукотского района⁴. Сюжет этой сказки почти в деталях совпадает со сказкой, записанной П. Я. Скориком от керека, жителя села Хатырки Тэвлалкота. По имеющимся у нас сведениям, керекки в прошлом не занимались оленеводством и никогда не ездили на упряжных оленях. Среди чукчей и коряков керекки считались хорошими собаководами. Скорее всего сказка, записанная П. Я. Скориком, является заимствованием из чукотского фольклора, в котором много героических преданий, которых нет у керекков. Остальные тексты, записанные П. Я. Скориком, по содержанию и стилю, сказочным персонажам относятся к керекскому фольклору.

В 1970—1974 гг. мы записали на магнитофон еще несколько текстов керекских сказок, исторических, бытовых рассказов и одну загадку, некоторые из них приводятся в приложении в дословном переводе на русский язык. Среди записанных нами сказок есть варианты, совпадающие с текстами О. Е. Бабошиной, только несколько в ином изложении.

Так, сказка О. Е. Бабошиной «Ворон и волки»⁵ совпадает с нашей сказкой «Волк-мужчина». В сказке О. Е. Бабошиной герои не имеют собственных имен и называются нарицательными словами: волк, ворон, в нашей сказке «Волк-мужчина» все герои

Рис. 22. Сказительница Кальвичану Е. и сказитель Етынкеу М. И.

Рис. 23. Переводчица Хаткана Е. и информатор Турылькот К. А.

имеют собственные имена: Кукки — ворон, Мити — его жена, Дуппали — младший сын Кукки, Итчым — племянник Кукки, Синильлымнаккут — дочь Кукки, которую уводят волки, Учуйтый — младший брат погибших волков. Отличается сказка О. Е. Бабошиной и по содержанию.

Совпадает общая канва нашей сказки «Заяц-мужчина» и сказки О. Е. Бабошиной «Заяц и нерпы»⁶. Но в сказке О. Е. Ба-

бошиной упущены многие этнографические детали и некоторые подробности. Так, Милуткалик — Заяц-мужчина собирает на берегу не водоросли, которые зайцы не едят, а сдирает тяткой кору с бревен жилища черта, за что и высмеивает его нерпа Уппапиль, точнее лахтак. Убивает Милуткалик лахтаков не камнем, а тяткой, которой сдирает кору. В конце сказки в нашем варианте зайцы проводят обряд проводов убитых зверей, после которого дедушка и бабушка — лахтаки оживают и возвращаются к своей внучке Уппапиль, которая им очень рада.

Совпадает сюжет нашей сказки «Кукки» со сказкой О. Е. Бабошиной «Ворон и мыши»⁷, однако наш вариант отличается рядом деталей и подробностей.

В предисловии к «Сказкам Чукотки» Д. Нагишкин пишет: «Сказки эти не подвергались литературной обработке. Лишь самая необходимая правка тех или иных оборотов речи рассказчика, а также сокращения длиннот или раскрытие скобок там, где они были обусловлены спецификой материала, раскрытие тех понятий, которые неведомы русскому читателю, — вот все, что взяло на себя издательство. Также убраны, из чисто эстетических соображений, чрезмерно грубые — натуралистические, патологические — детали, ничего не добавляющие к тому, что уже сказано, и вызывающие лишь неприятное чувство своей обнаженностью»⁸.

С точки зрения литературной публикации сказок Д. Нагишкин в какой-то степени прав, хотя, хорошо зная этнографию кереков, можно было бы шире раскрыть специфику материала, который придает сказке свой особый, национальный колорит, и тем самым сделать ее более доступной для понимания русским читателем. А так сказки потеряли свое своеобразие и стиль и их не отличишь от чукотских и эскимосских сказок сборника⁹.

Сказка каждой народности имеет свою специфику в композиции, стиле повествования, зачине и концовке. Так, например, почти каждая чукотская сказка начинается словом «энмэн», которое можно условно сопоставить с русским «Так вот жили...», и кончается словом «ытр?эч» — «все»; эскимосская сказка начинается со слова «имнанук» — «давно», букв.: «давнишнее это, говорят» и кончается междометием «тфай!» — «тьфу!». «Окончивший сказку или предание обычно плюет, чем показывает, что он кончил и как бы выплюнул сказку или предание, — пишет Е. С. Рубцова. — После слова *тфай* (плевок) он (эскимос. — *В. Л.*) иногда произносит слова: Попади в рот такому-то. Названный должен начинать новый рассказ или сказку. У эскимосов существовало поверье, что недосказанной сказку или рассказ оставлять нельзя. Если не в этот день, то в ближайшее время сказка или рассказ непременно должны быть досказаны, в противном случае недосказавшего постигнет смерть. Поэтому, если рассказчик не помнил всю сказку, он ее не рассказывал вовсе»¹⁰.

Керекские сказки, как правило, сразу же начинаются с диалога или же сказитель предупреждает, что он начинает рассказ

про Волка-мужчину, зайца Милуткалика и т. д. и кончает словами «таак тыплытгук» — «все кончил». Вообще для керекских сказок в отличие от чукотских и эскимосских типичен диалог, почти нет описания героя, окружающей природы, действия даются очень кратко и лишь в той необходимости, когда надо пояснить, куда отправился герой сказки или где происходят события. Таких описательных моментов, как: «Как-то стоял хороший день, из тундры пахло цветами, на морских волнах играли кашалоты, нерпы высовывали из воды головки», не встретишь в керекских сказках. Это скорее элемент русского представления и понимания природы¹¹.

Своеобразна для кереков и манера повествования, и восприятие сказки. Слушатели воспринимают сказку молча, серьезно, не подбадривают сказителя, как чукчи и коряки, словами «Ка!», «Какумэй!», «Кыкэ!», «Колёмэй!» — междометиями удивления, лишь тихо посмеиваются, если сказка смешная. Большую художественную и смысловую роль играет в керекской сказке интонация, мимика лица. Слушая сказку керека, переживаешь ужас, страх, заливаешься смехом, когда читаешь ее на бумаге, то вся эмоциональность пропадает.

Четыре керекских текста опубликованы П. Я. Скориком, они записаны им в 1954, 1956 и 1970 гг.¹² Три сказки, кроме четвертой — «Мальчик с луком», можно смело отнести к керекскому циклу сказок о похождениях и проказах лисы Йайучаныккут, которая обманывает ворона Кукки, волка Анкакумикайтына. В одной сказке П. Я. Скорика, так же как у О. Е. Бабошиной, герои называются нарицательными словами (№ 115). Текст сказки № 116 почти полностью совпадает с вариантом ительменской сказки «Амңыл», записанной в с. Утхолок в 1933 г. С. Н. Стебницким и приводимой им в качестве иллюстративного материала к очерку «Ительменский язык»¹³. Еще раньше, в 1926 г., эта сказка была записана Е. П. Орловой от ительмена М. Заева в с. Утхолок¹⁴. Различие этих вариантов лишь в том, что в ительменских сказках вместо женщины-кала объектом насмешек и обмана является ворон Кутх — пожира-тель мышей.

В процессе работы с кереками-сказителями выявилась одна особенность. Молодые сказители, родившиеся в 20—30-е годы, как правило, называют фольклорных героев нарицательными словами. В то же время сказители старшего поколения называют личные имена героев сказок и воспроизводят текст во всех деталях и подробностях, перевести которые молодым переводчикам порою было невозможно. Перед нами налицо процесс активной чукотской ассимиляции в области фольклора, керекские фольклорные традиции стали постепенно упускаться, имена фольклорных персонажей стали заменяться нарицательными словами, а когда-то единые длинные сказки и мифы стали воспроизводиться отдельными эпизодами. Примером может слу-

жить сюжет о катающемся с горы вороне, речь о котором пойдет ниже.

В наших керекских фольклорных записях прослеживаются близкие аналогии с ительменскими сказками, хотя цикл мифов и сказок о вороне Куйкыннюку широко распространен и в корякском фольклоре (в чукотском — о вороне Куркыль, в эскимосском — о вороне Кошкли). Так, сказки «Кутх и мыши» и «Мышь и ворон»¹⁵ почти полностью совпадают по своему содержанию, проказам и насмешкам мышей над «мудрым» Кутхом с керекскими вариантами.

Керекский вариант сказки о катающемся с горы волке встречается в чукотском¹⁶, эскимосском¹⁷ и корякском¹⁸ фольклоре. «В этом смысле, — пишет Г. А. Меновщиков, — керекская сказка имеет много общего с корякским текстом № 126, где ворону пытаются мстить за брата убитого другие волки и их мифические существа»¹⁹. С этим согласиться нельзя.

Чукотский вариант сказки совпадает с керекским лишь вначале, по первому эпизоду — катание с горы волка и его падение в воду. В корякском варианте канва повествования несколько расширена. Волк катается с горы, затем идет в гости к двоюродному брату, по пути находит части тела ворона и поедает их. Ворон в животе волка оживает и вгрызается в волчье сердце, волк подыхает. В чукотском варианте волки мстят ворону в союзе с различными мифическими существами в образе зверей.

В керекском варианте этой сказки четко прослеживается единая канва и логичность повествования. Так, ссора Кукки с волком возникает из-за того, что Кукки не хочет вытащить волка из воды. Волк пускается на хитрость, обещая ему несуществующую сестру в жены. Кукки, большой прелюбодей, сразу же соглашается и вытаскивает волка из воды.

Пожалуй, ближе всего к керекскому варианту эскимосская сказка «Ворон и волк»²⁰. Правда, ворон в ней не имеет собственного имени (Кошкли). Содержание эскимосской сказки почти дословно совпадает с керекским вариантом до того момента, когда ворон выбрасывает кишки и сердце волка и тем самым убивает его. Дальнейшие действия героев сказки в эскимосском варианте отсутствуют.

Трудно определить, от кого заимствован этот сюжет. В каждом варианте имеется основной эпизод — катание с горы Ворона и Волка. В чукотском варианте Волк предлагает Ворону табун мышей, затем стадо евражек, после кашу «рилкырил» с воткнутой ложкой. В эскимосском варианте Волк предлагает Ворону зайчю шкуру, затем охотничье снаряжение и только после этого сестру с тремя полосами на носу, т. е. с татуировкой. В корякском варианте Волк не падает в воду и поэтому ничего не предлагает Ворону. В каждом из этих вариантов находят отражение этнографические особенности быта населения. У чукчей вкусной едой считалась каша, мыши — это стадо

олений; у эскимосов большую ценность имели охотничьи снасти, а красивой женщиной считалась женщина с татуировкой; у кереков же стадо блох было признаком богатства, так как их наличие говорило о множестве шкур, стадо баранов — это предмет керекской охоты и т. д. По разработанности сюжета, логичности изложения, завершенности завязки и развязки можно считать, что чукотский, эскимосский, корякский варианты сказки заимствованы из керекского фольклора.

Перекликается с ительменским мифом о Кутхе керекский миф «Кукки и жена», записанный от керека Кежгынто. К сожалению, было записано только начало керекского мифа, так как сказитель умер. В ительменском мифе говорится: «Кутху, оставя сына своего и дочь, с Камчатки отбыл, а куда девался, не ведают, токмо то объявляют, что он пошел с Камчатки на лыжах и что горы и доли зделались от его путешествия, ибо земля под ним гнулась, как тонкий лед, и таким образом лишена своей ровности и плоскости»²¹. В керекском варианте Кукки тоже создает горы. «И как же, однако, всегда ровная земля, нет, совсем нет гор... Так всегда жить будем? Кукки сказал: «Ох, сделаю, горы буду делать, горы». Когда же проснулись, горы образовались. Горы Кукки создал...»

Устное народное творчество коренных народностей Северо-Востока получило достаточно широко освещение в специальной и художественной литературе. Особенно полно представлен фольклор азиатских эскимосов, чукчей, коряков и ительменов. Имеются и специальные теоретические исследования по устному творчеству этих народов (В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон, Л. В. Беликов, Г. А. Меновщиков). Чукчей, коряков и ительменов в настоящее время принято относить к северо-восточным палеоазиатам, как имеющим общие черты в материальной и духовной культуре, в происхождении языков, а по языковой классификации — к чукотско-камчатской группе языков. К северо-восточным палеоазиатам относят и кереков. Фольклор этих народностей имеет много общих типологических черт, сюжетов и циклов. Обобщая все предыдущие классификационные схемы В. Г. Богораз, В. И. Иохельсона, Л. В. Беликова, Г. А. Меновщиков относит к основным жанрам устного творчества палеоазиатов Чукотки и Камчатки следующие жанры: 1) мифические (или космогонические) предания; 2) волшебномифические сказки с подразделами: а) волшебномифические сказки о фантастических похождениях героев по разным мирам и их борьбе с враждебными силами; б) сказки и кэле, нынвитах и тунгаках; в) сказки о дружественных и брачных союзах человека и животного; г) сказки о непокорной дочери; д) сказки о сироте; е) сказки о шаманах; 3) героические предания; 4) исторические предания; 5) сказки о животных; 6) бытовые сказки (рассказы); 7) заговоры; 8) песни; 9) загадки (последние отмечены только у коряков)²².

Эту примерную классификацию по жанрам можно применить и к керекскому фольклору, исключив героические и исторические предания и сказания, сказки о непокорной дочери и сироте. Сирота не типичен для керекского фольклора (хотя О. Е. Бабошина в разделе «Волшебные сказки» приводит один текст о сироте «Бог и сиротка», но эта сказка буквально совпадает с чукотским вариантом сказки «Келе-людоед», опубликованной в сборнике «Кто самый сильный на земле»; скорее всего сказка О. Е. Бабошиной является заимствованием из чукотского фольклора или ошибочно отнесена к керекским сказкам).

В керекском фольклоре широко представлены мифические предания, в которых культурными героями выступают ворон Кукки и его сын Сикулылан (по О. Е. Бабошиной — Сохольлан). Все фольклорные персонажи тесно связаны родством с вороном Кукки и являются его детьми и племянниками и даже звери: лиса Йайучаакут, заяц Милуткалик и др.

Делая сравнительный анализ космогонических преданий, Г. А. Меновщиков пришел к совершенно правильным выводам, что центром наибольшего распространения вороньего цикла явилась не Чукотка, а Камчатка. Именно в ительменском и корякском фольклоре возникли и развились уникальные предания и сказки о вороне Кутхе — Куткыннеку²³. К этому можно добавить, что керекские мифические предания о вороне Кукки по сюжету ближе к ительменским, чем к корякским.

В керекских сказках, так же как в ительменских и корякских, главный герой ворон Кукки — простак, шут и обманщик и страшный женолюб. Он пытается сделать что-либо полезное, хорошее, но у него все получается наоборот. Однако керекский Кукки умеет творить волшебство и считается сильным шаманом. Так, он может превратиться в кусок мяса на пути волка, может оживить волка, создает горы, чтобы его сыновьям легче было подкрадываться к диким оленям и горным баранам. Но несмотря на его магические умения, керекский Кукки ленив и труслив. Так, он в первые дни женитьбы страшно боится восхода солнца, прячется от него и ничего не делает; забирается под шкуры, когда приходят волки мстить за убитого брата. Так же как и в ительменском фольклоре, у кереков имеются два Кукки: морской и речной; у него рождаются два сына: морской и речной Сикулылан, две дочери: морская Синиллым-нылкаккут и речная, племянники — Итчым и Кунуитчым. Жена Кукки Мити имеет второго морского мужа и рождает от него вторых одноименных сыновей и дочерей.

Многие фольклорные имена керекских сказочных героев совпадают с ительменскими по своей лексико-фонетической основе: кер. Сикулылан — старший сын Кукки и ительменское Сымскалин; кер. Сициллымнылкаккут — старшая дочь Кукки и ительменское Синаневт; кер. Йилыцау — племянница Кукки и ительменское Илькхум и др. Некоторые из этих имен являются

явным заимствованием из ительменского фольклора, так как первые части основ не переводятся на керекском языке. Например, Сициллымнцлнаккут — первая основа -сици- от ительм. -сина-, вторая -лымнцл- по-керекски обозначает «сказка», -наккут — «женщина», т. е. букв.: «Сини сказочная (фольклорная) женщина». Керекское имя Йилацау, близкое к ительменскому Илькхум, означает «болтливая женщина». Эти имена не находят аналогий с коряжскими персонажами, детьми Куйкыняку, кроме Сисисын и Ключэцэвт — «из ягоды женщина». В то же время в керекских сказках некоторые персонажи имеют личные керекские имена, это младшие дети Кукки: Аңантакилл?ан — второй сын Кукки, Аңаййуптынаккут — младшая дочь Кукки, Ауппали — младший сын Кукки. В отличие от ительменов, коряков, чукчей и эскимосов у кереков нет фольклорного имени Эмэкута — Амаккута — старшего сына ворона.

Лингвистический анализ имени сказочного ворона Кутха, коряжского Куткынеку, чукотского Куркыля, керекского Кукки, эскимосского Кошкли; который дает Г. А. Меновщикова, приводит его к выводу, что личное имя палеоазиатского ворона ведет нас к ительменскому источнику, где основа -кутх- является производной. Указанный признак, а также встречаемость мифов и сказок с именем Кутха именно в ительменском фольклоре являются свидетельством того, что древнейшим центром распространения однотипного в сюжетном и жанровом отношении вороньего цикла о Кутхе мог быть ительменский регион²⁴. Действительно, коряжское, чукотское и эскимосское имя ворона производно от ительменского Кутха, однако имя керекского Кукки по своей лексико-фонетической основе близко к керекскому нарицательному слову «уккакаңа» — «ворона», которое не восходит внешне к ительменскому названию ворона -фе'кл- к чукотско-коряжскому -вэлв-/-валв-. Однако в текстах, записанных на керекском языке, нигде не употребляется нарицательное слово «уккакаңа», а только имя собственное Кукки.

Помимо аналогий с эскимосским, чукотским, коряжским и ительменским фольклором, керекский фольклор имеет и свои специфические черты, связанные с общественным укладом и религиозными представлениями населения. Так, в любой керекской сказке перед совершением какого-либо поступка герой обязательно обращается за разрешением к бабушке «ыллапил». «Бабушка, дай мне плетеную веревку», — говорит заяц Милуткалик; в сказке «Плунтыканэлан» Кунуитчым отказывается идти на берег моря вместе с Итчымом, так как ему не разрешает бабушка.

Во всех керекских сказках все младшие дети оказываются умнее своих матерей и отцов и даже поучают их. Так, лиса Йайуцаңанккут прежде чем куда-либо идти, спрашивает разрешения у своей дочери Имынны, а Имынна, в свою очередь, ругает мать за обман и проделки. Младший сын Кукки вороненок Ауппали раньше всех догадывается, что лиса хитрит.

Первая особенность, как нам кажется, является отражением материнского начала в большой матриархальной семье кереков, вторая связана с представлениями кереков о возвращении предков в образе родившихся детей.

- 1 Сказки Чукотки. Записала О. Е. Бабошина. Под ред. и вступ. ст. Д. Нагишкина. М., 1958, с. 64—67, 178—199, 203—206.
- 2 Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М., 1974, с. 351.
- 3 Там же, с. 619.
- 4 Мэңин ынанармаң валын нутэйиквик. Кто самый сильный на земле. Магадан, 1974, с. 100—105.
- 5 Сказки Чукотки, с. 68—70.
- 6 Там же, с. 72—73.
- 7 Там же, с. 76—80.
- 8 Там же, с. 10.
- 9 В качестве переводчика с нами работала керечка Екатерина Хаткана из Мейныпильгино, которая в свое время помогала О. Е. Бабошиной (Сказки Чукотки, с. 254, 255). При чтении ей сказок Бабошиной она иногда заливалась смехом, а порою восклицала: «Да она же все перепутала! Ведь зайцы не едят водоросли!»
- 10 Рубцова Е. С. Материалы по языку и фольклору эскимосов. М.; Л., 1954, с. 36—37.
- 11 Сказки Чукотки, с. 76.
- 12 Сказки и мифы..., тексты № 112, 115, 116, 117.
- 13 Стебницкий С. Н. Ительменский язык. — В кн.: Языки и письменность народов Севера. Ч. 3. М.; Л., 1934, с. 104.
- 14 Сказки и мифы..., текст № 179.
- 15 Там же, текст № 180, 202.
- 16 Там же, текст № 110.
- 17 Эскимосские сказки и легенды. Пер. и прим. Г. А. Меновщикова. Магадан, 1969, с. 23.
- 18 Сказки и мифы..., текст № 126.
- 19 Там же, с. 620.
- 20 Эскимосские сказки и легенды, с. 23—25.
- 21 Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, с. 407.
- 22 Сказки и мифы... Предисловие, с. 16. Несколько чукотских загадок приводятся в сборнике «Кто самый сильный на земле» (Магадан, 1974, с. 145—146). Приводимые загадки скорее всего являются подражанием коряжским загадкам.
- 23 Сказки и мифы... Предисловие, с. 20.
- 24 Там же, с. 21—22.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошлый хозяйственный быт кереков своеобразен своей архаичностью и отсутствием специализации в промыслах. Равное место занимали охота на птиц и мелких грызунов, рыболовство на нерестовых реках и озерах, собирательство на побережье и в тундре; промысел морского зверя в основном ограничивался его добычей на лежбищах дубинками и орудиями типа «калувйанаңа». Об архаичности керекского уклада свидетельствует и сезонный тип поселений.

Определяя место кереков в группе народов Северо-Востока Азии, их можно отнести к северо-восточным палеоазиатам, более древним, чем чукчи и коряки.

Чукчи, а возможно и коряки, связывают свое происхождение с прибрежными морскими и речными жителями. Они признают, что «кэрэкит ытгыёльнано гитлинэт» — «керекки первыми были».

Из всех подразделений коряков керекки ближе всего к апукинцам, среди которых прослеживаются аналогии в жилищах, поселениях и языке. Скорее всего в прошлом это была одна из групп кереков, усвоившая ряд элементов культуры от ближайших соседей коряков — алюторцев и чавчуменов.

При сохранении своей архаичности керекки представляют конгломерат заимствований как в духовной, так и в материальной культуре от всех народов Северо-Востока Азии. В процессе своего исторического развития керекки впитали элементы ительменской, корякской и чукотской культур. Особенно сильное воздействие на культуру кереков на каком-то историческом этапе оказала ительменская культура, что обнаруживается в близости фольклора, в приготовлении пищи, способах промысла птиц. Затем большое влияние оказывали коряки, а в последние два столетия — чукчи, которые ассимилировали их. Вместе с тем в керекской культуре прослеживаются связи с древнекорякской культурой Охотского побережья и побережья западной Камчатки (комплекс жилищ, очаги, промысловый инвентарь, топонимика).

Сравнивая керекский язык с языками других подразделений северо-восточных палеоазиатов, можно предположительно сказать, что в настоящее время он является диалектом корякского языка, близким к «я-кающей» группе. Вполне возможно, что в прошлом керекки имели свой язык, но в процессе исторического развития он был ассимилирован корякским, а затем чукотским языком, сохранив небольшой основной словарный фонд.

Несмотря на наличие элементов различных культур, керекки все же сохранили свои этнические признаки. Физический тип кереков отличает их от чукчей и коряков: они низкого роста (140—150 см), подвижны и быстры, походка валкая, ноги стают носками внутрь и косолапят, как медведи. В чукотском фольклоре «старушка из племени Кэрэк величиной с палец»¹. Керекский обряд погребения в море не находит себе аналогий среди других народов Северо-Востока Азии. При опускании тела на воду керекки всегда напутствовали покойника формулой: «пошел к предкам». Возможно, что обряд похорон отражает трансгрессию моря: когда его уровень повышался, то оно затопило «страну предков кереков», образовав заливы и лагуны.

¹ Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. 1. СПб., 1900, с. XVII—XIX.

Приложение

БЫТОВЫЕ РАССКАЗЫ, СКАЗКИ, МИФЫ, ПРЕДАНИЯ

Приводятся образцы текстов, которые вначале были записаны на магнитофон на керекском языке, затем переведены на чукотский и русский языки. Это рассказы о своей жизни, межплеменных войнах, жилищах, сказки, мифы, предания.

Перевод 1

МОЕ ВОЗМУЖАНИЕ

Раньше мы зимой в землянках-валькарах жили, а летом — в ярангах. Когда наступала весна, приходило лето, мы начинали добывать птицу на скалах. Основной пищей была птица. Тогда я еще юношей был. Сейчас мы с новой властью живем. Очень беззаботно молодежь стала жить, на моторах ездит. А мы тогда все своими руками делали, на веслах на байдарках летом плавали. Добытую птицу домой привозили, отдавали матерям. Матери наши только такой едой кормили нас. Мои две сестры еще слабыми и маленькими были. Когда я повзрослел, то сам стал добывать пищу и приносить еду домой. Мать готовила, жарила кайру на костре. Сварив еду, мать будила меня, когда я, уставший, спал, говорила: «Еду приготовила, давайте ешьте».

Трое нас было: две сестры и я третий, мужчина. Я сирота. Вырос без отца, не помню даже, когда он умер. Я сам всему научился. Мать старалась, различной пищей нас кормила. Мы тогда в большой бедности и страшной нужде жили, не как сейчас. Так вот мы и существовали тогда.

Теперь я говорю своему сыну: «Ох, и тяжелой была наша жизнь. Вы ее совсем не знаете».

Мы много трудились, во всем нуждались. Тогда не было магазинов, и мы кормились только животной пищей. Весной пищу на скалах добывали, пеструю нерпу били на байдарках. Но этого было мало.

Портилась погода, охоты не было, мы съедали добытое. А что же нам оставалось делать?.. Хотя старики говорили, что летом мы не умрем с голоду. Мать заботилась о нас и, сберегая еду, только чуть надкусить от кусочка мяса давала нам. Так она кормила нас в плохую погоду. Сестры маленькие были, один я еду домой приносил.

Дядя у меня был, Кааквыргин. Его я за отца считал. Хорошим дедушкой он был, но когда я уже взрослым стал, то он настолько постарел, что был совсем беспомощным.

Затем мы переселились с Амакута и около Гачгатагина построили жилища. В это время Советская власть становилась, силу набирала. Тогда мы, как и американцев, всех русских богатыми считали. Мы говорили: «Русские неизвестны. Какие они?»

Но вот приходит зима, мы строим валькары и переселяемся в них. Летние жилища ломаем, ставим стойки рядом с валькарами и складываем на них летнее имущество. В валькары мы брали только пологи из летних жилищ. Валькары холодные, не было теплых железных печей, таких, какие есть сейчас. Теперь кирпичные печи, а тогда их не было. Единственное тепло от костра было. В валькарах вверху отверстие имелось, когда разжигали костер, то его открывали. В отверстие дым выходил из валькара.

Тяжелой была наша жизнь, постоянно в нужде. Валькары плотно друг к другу стояли, их сильно заносило снегом, а внутри все покрывалось инеем.

Но вот новая власть укрепилась. Появились в валькарах железные печи. Тогда мы, не открывая отверстия, стали прямо в пологах чай варить. Хорошо народ стал жить.

Раньше мы зимой только на собаках ездили. Но бывало, что уезжали куда-нибудь наши дяди на собаках, и приходилось нам пешком ходить за дровами. И мы ходили. Когда дяди-отцы возвращались, то у нас уже было достаточно дров. Они говорили: «О, дров у вас много! Хорошо за жилищем следите».

Мать нам всегда говорила: «Не ждите, когда упряжки вернутся, идите в хорошую погоду за дровами». Мать так говорила и я запомнил ее слова и обещал ей сделать все, чтобы вырастить младших сестер. Мать все же вырастила нас, хотя она и женщина, а в семье я один мужчина. Теперь я буду кормить мать.

Когда-то очень давно моя мать, когда жив был ее отец, а меня еще не было, собачьим мясом питалась. Тогда, в сильный голод, они убивали собак отца, и этим сестер кормили, а у них тоже один мужчина был, ее (матери. — В. Л.) брат. И такая жизнь долго продолжалась.

Отец матери тоже вскоре маломощным стал. Не мог круглый год пищу добывать. Лишь только весной ловил птицу и досыта кормил детей. А летом он крючком (острогой. — В. Л.) ловил рыбу. Вот таким способом заготавливал ее. Тогда не было сеток да и делать их было не из чего. Раньше еще не знали русских. Но вот новая власть пришла. Появился материал для сетей, мы сетки стали приобретать. Рыбу стали добывать достаточно.

Затем у меня ребенок появился. И сейчас он жив, Етынкеу Николай. На моториста выучился. Ездит на моторах, куда хочет. А раньше мы неграмотными были, о моторах совсем ничего не знали. Только руками, телом своим все для жизни добы-

вали. Зимой на собаках ездили — это наше древнее передвижение, а летом на веслах на байдарках.

Вроде бы я все рассказал про нашу старую жизнь. Пусть мой рассказ дополнит Турылькот, правда, он молодой, но все равно кое-что знает и по-керекски может рассказать.

Вот я и кончил говорить. Кое-что я уже забыл.

Рассказ записан 15 августа 1970 г. от керека Етынкеу Михаила Ивановича в селе Мейныпильгино Беринговского района Чукотского автономного округа.

Научный архив СВКНИИ. Приложение к материалам по истории, этнографии, фольклору и языку кереков, инв. № 1034, с. 27—30.

Перевод 2

Раньше были такие шаманы, не похожие на людей. Тело свободно ножом прокалывает, но не умирает, нет. И другому человеку говорит: «Ну-ка, нож вытяти!» Предназначенный умереть не мог выдернуть [нож], не предназначенный к смерти свободно вытаскивал [нож]. И его [шамана] рана, своим ножом проколота, не заметна, не лилась даже кровь¹.

Рассказ записан 16 августа 1970 г. от керека Етынкеу М. И. на рыбалке Куэт.

Научный архив СВКНИИ. Приложение..., с. 34.

Перевод 3

ПРО ВРАЖДУ РАССКАЗ

Вот так раньше враги-таннит поступали. Наш народ, керекский народ, все время настороже был, так как враги хотели уничтожить нас, когда мы зимой в валькарах жили. Враги подходили к валькарам, открывали дымовые отверстия и поджигали валькары, бросая туда горящие пакли с жиром. Валькар загорался, так как был деревянным. Но не сторать же людям, выбегали наружу! Враги были вооружены копьями, а у нас копий не было, только луки были. Из луков стреляли, китовыми орудиями отбивались от врагов. Вот так мы воевали.

Валькары тогда большие длинные тамбуры имели. Их делали из снега, но настолько утоньшали стены, что когда на улице светила луна, то сквозь них просвечивались тени проходивших людей. Как только из ледяного тамбура была видна тень, керекки через отверстие пускали стрелы и убивали врагов. Иногда керекки вступали в единоборство с врагами и, борясь, убивали их. Оставшихся врагов добивали луками, так как раньше керекки тоже были сильными. Убивали даже по двое врагов одной

¹ Подобный шаманский трюк с ножом был довольно распространен среди народов Северо-Востока, но более искусными считались керекские шаманы (В. Л.).

стрелой. Наконец, не выдерживали враги, убегали, потому что они тоже в малом количестве приходили. Только самые воинственные приходили, как говорили, желающие воевать.

*Рассказ записан от керека Етынкеу М. И. в августе 1970 г. на рыбалке Куэт.
Научный архив СВКНИИ. Приложение..., с. 38.*

Перевод 4

Так вот, в скале на берегу моря пещеры были. Море их промыло. Они и сейчас есть еще. Внутри будто каменные жилища, однако прямо в скалах. Летом там находились кереки во время войны, от врагов спасались².

*Рассказ записан от керека Етынкеу М. И. в августе 1970 г. на рыбалке Куэт.
Научный архив СВКНИИ. Приложение..., с. 39.*

Етынкеу Михаил Иванович, по-керекски Иатынкавав, по-чукотски Етынкэв, что значит «пришедший». Родился в 1903 г. в местечке Амамкут у лагуны Лахтина. Отец Тыначан, мать Вулькыт — оба кереки из мейныпильгинской группы. Отец умер рано. Рос с матерью и дядей. В 40-е годы был активным организатором колхоза. После смерти своего брата Нутанвата стал председателем товарищества «Керек». Малограмотный. Хорошо знал свой родной керекский язык, помнил старину. Неплохо разговаривал по-чукотски. Русский язык знал плохо. Жил большую часть года на рыбалке Куэт в 20 км от Мейныпильгино. Пенсионер. В прошлом рыбак, охотник на морского зверя. Был трижды женат. Первая жена Аппла из мейныпильгинских кереков, вторая Уйви — из хатырских кереков и третья Кальвичанав — из Мейныпильгино. Первые две жены умерли, от второй остался сын Етынкеу Николай, керекское имя которого Каавыкуйын. От третьей жены детей не было. Умер осенью 1975 г.

Етынкеу был одним из лучших информаторов и сказителей, хорошо помнил прошлую жизнь кереков, знал сказки и предания. Когда он понял, для чего нужны керекские сказки и другие сведения, стал работать очень охотно и заявил: «Хорошо, что стали заниматься историей нашего народа. Наш язык будет жить. Все, что знаю, расскажу».

Перевод 5

РАССКАЗ ХАТКАНЫ Е. О ЖИЗНИ СВОЕЙ МАТЕРИ

Сейчас я буду рассказывать о жизни моей матери Омрытвааль. Правда, я не все знаю, но запомнила, что слышала от своей матери, бабушки и дяди Нутавея.

² В таких пещерах кереки скрывались от воинственных чукчей и коряков. Местные жители говорят, что две такие пещеры есть на озере Пекульнейском. В эти пещеры можно попасть только во время отлива. Пещеры были обследованы нами, но никаких следов пребывания человека в них не обнаружено. Возможно, что море все вымыло, так как в полную воду во время шторма пещеры заливало водой (В. Л.).

Так вот, однажды приехал к Тупылю, отцу Омрытвааль, отец богатого чаучу Раглыта Мылю за пастухами. Хотели было взять моего дядю Нутавея. Но Нутавей был упрямый и вспыльчивый и не захотел идти к чаучу. Тогда Тупыль сказал: «Пусть женщину Омрытвааль увезут. Она же женщина. Пусть победствует». Ему не хотелось отпускать сыновей, охотники нужны. Собрали дочь. Она не хотела, сильно плакала. Тогда ее связали и увезли на нарте.

Там у Раглыта в стойбище жена Ыпыко была. Эта женщина очень хорошая. Тепло одевала Омрытвааль, сытно кормила. И был у них маленький мальчик, Ыпыкуей рожденный. Так вначале хорошо жилось Омрытвааль. Но Раглыт решил взять вторую жену.

И вот однажды сварили кашу из содержимого желудка. Раглыт говорит жене Ыпыко: «Эйневневыт позови (будущую вторую жену), пусть народ придет кашу есть». А жена Ыпыко ревнует, не хочет звать никого. Тогда подрались Раглыт с Ыпыко. А котел с кашей был придвинут к пологу. В пологе Омрытвааль ребенка нянчила. Вдруг они в драке толкнули Омрытвааль с ребенком, и он прямо в горячую кашу окунулся. Обварился ребенок и на следующий день умер.

Первая жена Раглыта была умной женщиной, но после смерти сына она перестала рожать и детей у нее не стало. Ыпыко ушла от Раглыта. Наверно, домой вернулась. А Раглыт взял в жены Эйневневыт. Плохо стало Омрытвааль. Кормили объедками, одевали в старую рваную одежду. Раглыт все время пошутить ее заставлял, как мужчину пастухом использовал.

Как-то пошла Омрытвааль к стаду. Вдруг волки появились. Разогнали стадо, но не убивают оленей, а грызут и рвут шкуры. Некоторые живы олени, но страшно израненные. Прибежала в ярангу Омрытвааль и говорит, что стадо в беду попало. А Раглыт ругается и кричит: «Почему не стреляла!» — и сам бьет ее толстым ремнем от яранги по голове. Потом палкой стал избивать. А потом новая жена Раглыта тоже мстить стала. Сидит у костра Омрытвааль, еду готовит, а она кидает длинный нож в нее, ранит ноги. Приказывает: «Ну-ка, за водой иди!» А у Омрытвааль чужи кровью наполнены. Так вся израненная и идет за водой.

Пришла весна. Снег тает. Реки водой наполнились. Вдруг стадо на другой берег реки поплыло. А она, Омрытвааль, женщина же, не может на другую сторону перебраться, глубокая река. Стадо уже на той стороне. Пришла в стойбище и говорит: «Стадо на другую сторону реки переплыло». Идет Раглыт вместе с Омрытвааль к реке и бросает ее в воду. А она, Омрытвааль, думает про себя: «Ох, хорошо бы умереть». Но не тонет она³. Подносит ее к другому берегу, к той стороне, где пасется

³ Одежда из оленьего меха хорошо держит человека на воде (В. Л.).

стадо. Хватается за кусты Омрытвааль, вылезит. Выжимает одежду, сушит. И так долго без всякой еды у стада находится.

А однажды зимой снова решила покончить с собой. Взяла винчестер, хотела застрелить себя. «Что же, тело свое убью», — сказала она, но патрон дал осечку. Не вышло.

В другое дежурство прихватила она с собой крепкую вожжу из лахтачей кожи для оленьей упряжки. Привязала ее за кривой куст кедрача, решила задушиться. Накинула уже петлю на шею. И опять не смогла, так как ремень не выдержал и оборвался. С тех пор перестала думать о смерти.

И так все время у стада Омрытвааль. Пойдет к соседям, где веселее, а ее ругают хозяева, что она ходит. Как-то сварила чай и передержала его, черным стал. Эйневневыйт, жена Раглята, взяла и вылила его, горячий, за спину ей под керкер. Соседи жалеть ее стали. Говорят: «Хватит, спрячься. Не можешь ты так больше жить. Вот там, около Гачгатагина, есть селение керека Арата. Мы спрячем тебя».

И один чаучу спрятал ее в густом кустарнике кедрача. Сколько дней пробыла спрятавшись, не помнит. Это летом было. Рыба пошла. Этот чаучу приносил ей рыбы головы. А когда стемнеет, то приходила жена этого чаучу, еду приносила, чтобы не выходила из укрытия Омрытвааль. Раглят несколько дней искал ее. Длинным копьем в кусты колол и кричал: «Омрытвааль, где ты?».

«Ох, и боялась же я, думала, найдет и заколет», — говорила Омрытвааль.

Однажды чаучу объяснил, ей, где проходит дорога к керекам и как пройти туда. Около лагуны Потьпоть у горы Келиней есть жилища. К ним надо идти вдоль лагуны. «На пути будет горловина, на той стороне жилища увидишь. Там придут за тобой, не надо бояться». А кухляночка на Омрытвааль коротенькая, на ногах только летние торбаза без всяких стелек и чижей, икры ног голые.

Добралась она до горловины. За ней мой будущий отец, Таномрын, приехал. Вначале боялась его Омрытвааль, пряталась все время. Но Таномрын не обиделся, не стал ругать ее и сказал: «Не бойся меня. Кто ты?»

«Омрытвааль я», — ответила моя мать.

Пришли в керекское селение. Ольнаут, сестра Таномрына, хорошо накормила ее нерпичьим мясом и другой едой, одела в теплую одежду. Как только узнал Нутавей, брат Омрытвааль, что сестра там, сразу же пришел за ней. Ему сказали: «Мы хотим в жены ее взять». Это сказали родители Таномрына.

Пока Нутавей был там, байдары пришли. Это Раглят со своими людьми приехал. Говорят: «Отдай женщину, домой увезем!» Чуть было драку не устроили.

Нутавей сказал Таномрыну: «Если попробуете отдать, то я ее домой уведу!».

«Нет, сейчас уже никуда не уйдет. Она бедствовала там, с ней плохо обходились. Нет, хватит!» — ответили Таномрыны.

А сам Таномрын сказал Омрытвааль: «Если испугаешься и сядешь в байдару, то всех перестреляю!» Также Рагляту сказал: «Если возьмете женщину, то убьем всех вас». Но чаучу настойчиво требовали отдать женщину. Тогда сказал Таномрын Омрытвааль: «Когда уснут, то потеряйся, куда-нибудь пойди, вон к Валькаптьелгыткину пойди, спрячься там!» Омрытвааль ушла и спряталась. Ох и ругались же чаучу из-за нее! Потом уехали, а Омрытвааль осталась у Таномрынов. Нутавей не дали ее увезти. После и Нутавей ушел домой, оставив сестру. Потом Таномрын женился на ней. Очень долго без детей были.

Однажды пошли ловить птиц (кайр) сеткой к Гачгатагину. Пошли втроем: Таномрын, Омрытвааль и Кежгынто, старший брат Омрытвааль. И вот бросают со скалы сеть, кайры путаются в ней. Кежгынто наверху находится, Таномрын ниже. Вдруг Кежгынто обвалил камни, и они упали на Таномрына. Упал Таномрын на плоские камни. Омрытвааль, сидевшая у костра, забеспокоилась и пришла. «Где же вы? Что делаете?» Кежгынто очень тихо говорит сестре: «Да, вот он упал. Товарищ вниз упал. Я смеялся над запутавшимися птицами и не заметил, как обвалил камни». «Зачем же смеялись? — говорит ему Омрытвааль. — Иди, спускайся, пойдём к нему!»

Подошли. Таномрын внизу на камнях лежит. По пути Омрытвааль мох нарвала. Среди камней лежит Таномрын, кровь кругом. Весь волосяной покров сорван с головы, только кости не задеты. Посадили Таномрына, обмыли кровь, мох прокипятили. Этим мхом Омрытвааль обтерла голову, натянула кожу. Потом сплела мох и наложила его на голову. Затем утиные потроха вытащила из птицы и надела сырую шкурку на голову. Перевязала голову, и занесли его в палатку. Там еще посмотрели за головой. После легче стало Таномрыну. Домой вернулись. Наконец, вот и я родилась. Отец всегда на охоту на байдаре меня брал. Верно, хватит.

*Рассказ записан от Хатканы Екатерины 26 апреля 1971 г. в с. Мейныльдино Беринговского района.
Научный архив СВКНИИ. Приложение..., инв. № 1034, с. 47—52.*

Перевод 6

Мне два лета было, когда умер мой отец. Потом к нам пришел мой дядя Нутава, матери родной брат. За нами пришел, чтобы к себе домой увезти. Меня на себе нес дядя. Моя мать всю дорогу плакала. В Амамын пошли к ним. Туда пришли. Нутавы мать дома находилась. Как только пришли, попили чай, поели, затем стемнело. Мне сказали: «Давай-ка ложись спать». Я бабушке сказала, что я не буду в пологе спать. Я на гальке переночую. Бабушка все равно говорит: «Верно, в пологе ночуй». Я в пологе ночевала. Мы всегда там стали жить.

Хаткана Екатерина, по-керекски Катцуканау, по-чукотски Кэчыкынэв, что означает «моржика с грудным моржонком».

Отец Таномрын, мать Омрытвалль, оба кереки. Родилась Хаткана в 1923 г. в местечке Гагатагин в бухте Угольной. Когда ей было два года, умер отец. Ее вместе с матерью взял дядя Нутава, брат матери.

До замужества жила в керекском окружении. Замуж вышла за чукчу Вотгыргина, что было неодобительно встречено родственниками-керекками, а дядя Нутава пытался вернуть ее насильно, но новые законы Советской власти помешали этому.

Окончила начальную школу. Работала учетчиком на Мейныпильгинской рыббазе. С 1950 г. жила в чукотском окружении. Хорошо знает керекский, чукотский и русский языки, хороший информатор, много знает из керекской и чукотской жизни, с большим желанием и энергией помогала работать над этнической историей керекской народности. Подвижна, любознательна. Сейчас работает прачкой в интернате. Вдова. Мать восьмерых детей: шестеро своих, двое — брата мужа, усыновленные ею.

Перевод 7

ПЛУНТЫКАНЭЛАН — ВЛАДЕЮЩИЙ ЖЕЛЕЗНЫМ КРЮЧКОМ

Сказка

Бабушка заснула, а перед этим она привязала каннибала, пожирающего людей. По-нашему, по-керекски — это черт. Он всегда привязан. С бабушкой вместе две сестры живут. И вдруг говорит черт сестре:

— Младшая сестра, бабушка сейчас спит, отвяжи-ка меня. Отвечает младшая сестра:

— Нет, не отвяжу тебя. Бабушка же сказала, что хватит бродить, где попало. Ты же плохой, глупый, поэтому сиди на привязи.

Тогда черт к другой сестре обратился:

— Сестренка, отвяжи!

Младшая сестра умнее старшей и говорит ей:

— Не надо отпускать.

А черт опять просит старшую сестру:

— Отвяжи меня! Послушайся!

Послушалась старшая сестра, отвязала черта. Черт тут же схватил железный крючок и пошел к землянкам-валькарам, где жили кереки. Пришел туда, открыл дымовое отверстие, а там, в валькаре, одни женщины, мужчины на охоту ушли.

Кричит черт в дымовое отверстие:

— Эй, вы спите?!

Две старухи отвечают оттуда:

— Нет, не спим мы.

— Что же, однако, шумит, словно маленькие дети кричат?

— Нет, не дети, — отвечает одна старуха, — наверно, груди мои перед плохой погодой болят.

— Хватит. Так вот, начинаю крючком вас ловить, — кричит черт.

— Что же поймать хочешь?

— Молодых уток.

— Нет же сейчас молодых уток, они летом на скалах находятся. Нет здесь уток, мы же люди, в валькаре живем.

— Но не напрасно же я пришел?!

— Зачем же насильничаешь, — отвечают из валькара. — Раз так, то пусть по-твоему будет. Лови крючком!

— Так смотрите-ка, начинаю!

— Что же, начинай! Кого же ты поймать хочешь? Начинай!

Опустил черт крючок в землянку, водит им там, а сам напевает:

— Назавтра, назавтра еда будет! Назавтра, назавтра еда будет! На сегодня, на сегодня еда будет! На сегодня, на сегодня еда будет! Кого же, кого же я зацеплю! Кого же, кого же я зацеплю!. Ну как, где же молодые утки?!

— Нет молодых уток сейчас, говорим мы тебе.

— Тогда я зайду.

— Нет-нет, продолжай оттуда искать, а мы поищем молодых уток.

Между тем одна из женщин в стене дырку прокапывает, чтобы через нее выйти наружу.

— Смотрите, снова начинаю крючком ловить! — кричит черт.

— Да начинай же!

— Кого же, кого же поймаю я! Назавтра, назавтра еда будет! — поет черт.

Вдруг подцепил что-то, керкер подцепил. Не глядя, вытащил его на улицу и тут же разорвал. На улице ветер был, и вся сухая трава в глаза ему полетела. Керкер-то женщины мусором и сухой травой набили и подсунили ему под крючок.

— О-о! — завопил черт. — Всего себя мусором осыпал! Что же такое? Чем наполнено? Утка? Нет, не утка! Это не то что-то!

Бросил черт чучело через отверстие в землянку:

— Берите ваше, не нужно мне. Нет утки.

Пока черт возился с чучелом, женщины выползли через стену и убежали.

— Погодите, захожу я!

Зашел черт в землянку, а там никого, только собачонка на привязи сидит. Сказал ей:

— Где же люди?

Ничего не ответила собака, узнала, что не человек это, а черт, и цапанула его по глазам.

— О-о, о-о! — закричал черт. — Глаза запылила. Что разрываешь? — не понял он, что глаза-то ему собака поцарапала.

Разозлился черт и стал по землянке бегать. Подушки вытаскивает, рвет их. Долго он по землянке бегал.

А женщины тем временем прибежали к Тинной бабушке, к Морской старушке⁴ и говорят ей:

— Ох, черт гонится за нами, поймать хочет. Помогла бы ты нам убежать.

— О, как вы напуганы, как вы напуганы! Ну-ка, посмотрим, — и протянула ноги Морская старуха на ту сторону моря. — Вот так прямо по этим ногам детей переносите, сами бегите.

Перебрались женщины на ту сторону моря...

Успокоился черт, в себя пришел. Он, Плунтыканэлан, размышлять стал: «О вот откуда они вышли, — догадался он, увидев дыру в стене. — Это они, женщины, тогда кричали, дети с ними были».

Бросился по следу. Прибежал к Морской старухе. А старуха моет в море свои керкеры из тины, на мусор похожие.

Спрашивает черт:

— Для чего это и что это ты, старуха, моешь?

— Да одежду свою.

— О-о, это же не одежда. Обманываешь ты меня. Вот наши бабушки только в железной одежде ходили, — и вдруг бросил тинную одежду в море. — Это не одежда, нет.

— Как же? Моя жизнь такая, в море живу — такую одежду ношу.

— Где же женщины? Следы сюда ведут. Куда они делись?

Ответила Морская старуха Плунтыканэлану:

— Они выпили море и перешли на ту сторону.

— Как же я? Не смогу выпить море.

— Сможешь. Они же так сделали.

— Ну-ка, попробую выпить.

Стал черт пить море, а море несколько не убывает. Пил-пил, тяжело стало, лопнул. Не стало черта, лопнул.

Морская старуха мертвого черта в море бросила и сказала:

— Пусть его тело (железное) для потомков в разные вещи превратится, он же черт, Плунтыканэлан — Владеющий железным крючком. Пусть голова чайником станет, ноги — ружьями, руки — тоже ружьями, мозг пусть в бусы превратится. Пусть от его тела польза людям будет.

Так и случилось...

В сказке два друга есть: один Итчым и другой Итчым, то есть другой — товарищ по имени, тезка.

Пошел Итчым к своему другу Итчиму и говорит:

— Ну-ка, пойдём Итчым-друг на берег моря.

— Сначала пойду бабушке скажу, — отвечает Итчым-друг.

Пришел и спрашивает бабушку:

— Итчым просит, чтобы я с ним на берег моря пошел.

— Кто?

— Да, Итчым.

— Ох, не мужское это дело ходить по берегу моря, этим только женщины занимаются.

— Так не разрешаешь мне?

— Нет, не разрешаю. Не ходи за ним следом. Скажи Итчиму, пусть один к берегу моря идет. Скажи, бабушка не пустила.

Пришел Итчым-друг к Итчиму и говорит:

Иди один. Меня бабушка не пускает.

— Ну что ж, один пойду, полезное на берегу моря найду.

— Но мне же не разрешают. Если пойду, то ругать будут.

Иди-ка один.

— Ну что ж, пойду.

Пошел Итчым на берег моря. Идет по берегу, вдруг перочинный нож нашел, чайник увидел, затем ружья и бусы нашел. И что только не получилось из Плунтыканэлана! Много набрал Итчым, богатство целое нашел. Что хотел, то и нашел. Пошел Итчым домой, большую ношу на себя навалил. Пришел Итчым к сестрам. Одну Илынау зовут, вторую Кайклюканау. Крикнул Итчым сестрам:

— Сестрицы, Илынау, Кайклюканау, выходите, ношу возьмите!

Вышли сестры, спросили младшего брата:

— Что такое? Почему такая ноша, как железо гремит?

Ответил сестрам Итчым:

— Так говорил же я, что к морю собираюсь. Вдруг богатство один я найду. Итчима-друга звал, не пошел. Вот я один разбогател. Там еще целая куча добра осталась. Пойдемте сходим за оставленным. Только вот двоюродному брату Авылпалину, сыну Кукки, перочинный нож дайте. Помогите, сходим за оставленным.

— Ну что ж, сходим, — согласились сестры.

Пошли они за оставленным добром. Вернулись домой с большой ношей. Двоюродная сестра говорит им:

— Один чайник двоюродной сестре дайте.

— О, откуда такое богатство? — воскликнула та.

— Да вот на берегу моря нашел, там разное было, — ответил Итчым.

Между тем Итчым-друг пошел к соседу, к Итчиму, который предлагал идти с ним к морю. Сказал Итчым-друг:

— О, и верно: тезка мой разбогател. Не зря ты говорил, что полезное найдешь.

— Тебя же бабушка не пустила, — обратился к сестрам. — Дайте товарищу по имени Итчым-друг перочинный нож.

Дали сестры ему перочинный нож. Обрадовался, пошел домой, показал бабушке и говорит:

— Действительно, Итчым разбогател. Не зря он тогда сказал мне, что богатство найдет. А ты меня не пустила.

⁴ Морская старуха Анканпынав — хозяйка моря, дух моря (В. Л.).

— Да я же сколько раз говорю тебе,— рассердилась бабушка,— что не выбрасывает море такие вещи, только съедобное оно выбрасывает на берег.

— Ладно, хватит.

Пришел снова Итчим-друг к соседу.

— Аа, снова пришел,— приветствовал его Итчим.

— Да.

— Хватит сердиться. Не смог я тогда тебя попутчиком взять. Ну что ж, давай успокоимся,— сказал Итчим.

Тут некая БИннулнакут и говорит:

— Хорошие вещи сестрам нашел, бусы больше всего любят женщины.

Хватит, сказка вся. Кончил.

Сказка записана 16 августа 1970 г. от керека Етынкеу М. И. на рыбалке Куэт.

Научный архив СВКНИИ. Приложение..., инв. № 1034, с. 74—81.

Перевод 8

МИЛУТКАЛИК. ЗАЯЦ-МУЖЧИНА

Сказка

Сказал Милуткалик бабушке и сестрам:

— Дай-ка, бабушка, ремень для ноши. Пойду за древесной корой.

Бойтся бабушка отпускать внука:

— Хватит, не ходи за корой, а то печень заболит.

— Нет, не заболит печень. Скорее же дай ремень, удержи-ваешь.

— Нет, не дам. Кишки заболят.

— Кишки не заболят. Скорее же дайте ремень, пойду за корой.

— Нет, не пойдешь за корой. Печень заболит.

— Не заболит печень.

— Кишки, почки заболят.

— Нет, не заболят кишки,— упорствует Милуткалик.— Что-то не то, бабушка, говоришь. Сестра, тогда ты дай мне ремень.

Дала сестра младшему брату-зайцу ремень. Пошел он. Увидел Милуткалик жилище черта, подошел и начал старую кору с бревен сдирать. Сдирает и приговаривает: «О, это бабушке дам, горьковатая, но как раз по зубам». Другой кусок коры отодрал: «Это сестре Лылячаке дам. Сладковата и крепка кора».

Сдирает кору Милуткалик, складывает в кучу, чтобы ремнем перевязать удобнее было.

— О, а это старшей сестре дам,— вскрикнул Милуткалик,— только вот суховата да горька!

Жилище черта на берегу у самого моря стоит. Вынырнула молоденькая лахтакка Упапиль и стала дразнить Милуткалика:

— Чер-то-во жи-и-ли-ще-е чи-и-сти-и-ишь!

— Хат! Пошла вон, подружка! — не выдержал Милуткалик.

Так и хочет Упапиль вызвать Милуткалика на ссору, вынырнет из воды и поет:

— Чер-то-во жи-и-ли-ще-е чи-и-сти-и-ишь!

Не выдержал Милуткалик:

— Льдины чистые, а после тебя всегда грязь остается. Вот!

— Нет, мои какашки толстенькие, жирные, а у тебя сухие да твердые, словно белые камушки.

— Так ты жирная, толстая, потому и какашки твои такие!

— А ты тощий, тощий!..

— Подожди, и я таким же жирным буду. Не сравнишь меня с собой.

— Врешь!

— Вот посмотришь! Хат, пошла вон!

— Зачем дразнишься,— обиделась Упапиль,— вот убьет тебя мой дедушка.

— Ну и пусть, ну и пусть, ну и пусть!

— Ах так! Подожди, пойду дедушке скажу.

— Ну и пусть, ну и пусть, ну и пусть!— кричит Милуткалик, а сам приготовился ждать: вдруг действительно лахтак приплыл. Приготовил свою тяпку, которой кору сдирал, наготове держит.

Нырнула Упапиль и уплыла.

— Дедушка, дедушка! Милуткалик меня обижает, дразнит,— пожаловалась Упапиль.

Поплыл дедушка-лахтак к берегу, а у берега уже ледок был. Стал выныривать у кромки.

— Ты почему мою внучку дразнишь?— вынырнул он и спросил Милуткалика.

— Ну и пусть, ну и пусть, ну и пусть!— кричит Милуткалик.— Пльви к берегу. Я же не могу по воде к тебе подойти. Сходи на берег лучше ты, и здесь на сухом месте поговорим!

Нырнул, нырнул дедушка-лахтак и наконец выполз на берег. Заяц схватил тяпку и ударил его.

— О-о, за что моего дедушку убил!— заплакала Упапиль.

— Нет, не убивал я его. Он в гости пришел. Видишь, дедушка тебе ластами машет, пльви к берегу!

— Врешь, я видела, как ты его ударил. Вот пойду бабушке скажу,— и нырнула Упапиль в глубину.

— Бабуся, бабуся, проснись!— плачет Упапиль.— Нет нашего дедушки. Милуткалик его ударил.

— Апа-па-па!— проснулась бабушка и дрожит зубами,— не зря у меня спина застыла, ушел мой друг по сну.

Уплыла опять Упапиль, вынырнула и кричит Милуткалику:

— Подожди, вот плывет к тебе бабушка. Тоже тебя ударит.

— Ну и пусть, ну и пусть, ну и пусть!— кричит Милуткалик, а сам готовит тяпку, чтобы встретить бабушку-лахтака.

Приплыла бабушка-лахтак, выныривает у кромки льда.

— Иди-ка сюда, смотри, муж тебя ждет,— зовет ее Милуткалик.— Я же не способен по воде плавать. Иди ты, сойди на берег.

Плавают бабушка-лахтак у берега, выныривают часто.
— Не можем же мы на воде с тобой встретиться, — не отста-
ет Милуткалик. — Да и ударить ты меня не сможешь.

Решилась бабушка-лахтак и выползла на берег. Не успела она на берегу освоиться, как ударил ее тяпкой заяц.

— О, теперь мою бабушку ударил, — заплакала Упапиль.

Не обращает внимания Милуткалик на Упапиль, стал разд-
лывать убитых. Двух лахтаков убил. Освежевал, связал себе
ношу. «Хватит, домой пойду. Добыча богатая,» — решил Милут-
калик.

Дома две сестры с бабушкой живут.

— Бабушка! — закричали они. — Твой Милуткалик идет.

— А-а, пусть приходит, в землянке его подождем.

— Что же это он так тихо идет? — удивляются сестры. Они
же не видят, что он несет. Зашли сестры в землянку.

— Сестрицы, выходите, ношу возьмите! Ваш братишка при-
шел.

Вышли сестры и удивились:

— А где же ноша с корой? — и тут же попробовали внести
то, что принес Милуткалик. Но тяжела для них ноша, не смогли
поднять.

Старшая сестра сказала:

— Нет, не кора это. Кора такой тяжелой не бывает.

— Ну хватит, заносите. Бабушке же тоже интересно.

— Но не можем мы ее занести.

— Ладно, я сам занесу.

Занес Милуткалик добытое.

— А-а, пришел наконец-то Милуткалик! — встретила его ба-
бушка.

— Да, вот пришел.

— Где же ноша с корой?

— Развяжите же. Эта ноша не с корой.

— Что это? Что-то очень мягкое? — удивилась бабушка.

— Так развязывайте, — не удержался Милуткалик и сам раз-
вязал. — Вот куски жира принес, мясо лахтачье.

— Да где же ты падал на берегу моря нашел?

— Да не падал я нашел, двух лахтаков убил. Поедим вот,
да за оставленным мясом ходим.

— О, еду сейчас приготовлю, — сказала бабушка...

Между тем в другом жилище лиса Йайучаннакут куда-то со-
бралась.

— Имынна! — говорит она своей дочери. — Дай мне плетеную
веревку!

— Куда же пойдешь ты? — спрашивает Имынна.

— Да пойду по берегу моря поброжу. Может, выбросило что-
нибудь.

— Ну сходи, сходи. Только едва ли что найдешь.

— Посмотрим...

Тем временем пришли зайцы на то место, где мясо было
оставлено. Не успели что-либо сделать, как видят — лиса бежит.

— О, смотрите, — говорит Милуткалик, — тетушка наша бежит.
И откуда это она все так хорошо знает, словно ей кто-то сказал,
что Милуткалик двух зверей добыл.

Подбежала лиса.

— О-о, племянничек, да ты верно лахтака добыл?! — удиви-
лась лиса.

— Да, верно, лахтака убил. А ты во-время пришла, все зна-
ешь, словно тебе сказали, что твой племянничек зверя добыл.

— Да вот решила по берегу побродить, с моря ветер дует,
запах приятный несет.

А нюх у лисы хороший.

— Ладно уж, наложи, сколько тебе нужно, — говорит Милут-
калик.

— Да я с удовольствием, только сколько же мне взять?

— Да накладывай, сколько унесешь. Ты же сильная.

Наложила себе лиса, сколько могла, перевязала плетеной ве-
ревкой.

— Так вот, мы уходим, — сказал Милуткалик, — но все унес-
ти не можем. И так тяжело, отдыхая в пути, идти будем.

Пошли зайцы домой. Лиса тоже в свое жилище побежала.

Ходит около землянки младший сын лисы Лымнойныткын.
Вдруг видит — лиса бежит.

— Вот и мама идет, — говорит он. — Имынна, побегу встре-
чу ее.

Побежал навстречу матери Лымнойныткын:

— О, мама, что это ты так много несешь?

— Да вот лахтачье мясо.

— Чем же ты убила лахтака?

— Да не я, Милуткалик убил лахтака. Пойдем-ка скорее до-
мой.

Завтра все трое пойдем, остатки мяса заберем.

Между тем переночевали зайцы дома. Назавтра чуть свет
за остатками мяса пошли. Боятся — хитра лиса Йайучаннакут.
Наверно, со всеми детьми своими пошла. Наверняка ничего не
оставит. Но зайцы тоже не глупы: все вместе втроем отправи-
лись. Бегут, торопятся, как бы их лиса не обогнала.

И верно, лиса тоже рано отправилась. Следом за ней Имын-
на, а сзади Лымнойныткын.

— О, пришли вы! — приветствовал их Милуткалик.

— Да, пришли мы.

— Эти вот остатки заберите, мы уже нагрузились.

Пошли лисы обратно. Впереди Лиса, потом Имынна и после
Лымнойныткын плетется. Лымнойныткын слабенький, ничего не
несет.

Заяц с сестрами тоже в свое жилище пошли.

А бабушке-зайчихе не терпится, выходит и смотрит, когда же
зайцы покажутся. Наконец увидела своих детей. «Побегу-ка еду
сварю», — решила она.

Пришли дети.

— Вот, бабушка, принесли.

— Ох, наконец-то пришли,— сказала бабушка.

— Да, пришли.

— Где же лиса?

— Вместе с детьми тоже за мясом ходила. В этот раз я не сказал ей, что бери, сколько хочешь. Только остатки подобрал.

— Ну, хорошо, что тетушке хватило, жиром их угостил,— обрадовалась бабушка.

Переспали зайцы ночь, а утром бабушка и говорит:

— Хватит, сыты мы. Надо друзей отблагодарить. Приготовьте им разное: мясо дикого оленя, ягоду-шикшу и корешки-палькумйат. Другьям домой идти надо, внучка Упапиль их ждет. Идите, отнесите им подарки.

Пошли зайцы к берегу моря, все до единой косточки лахтак-ков захватили вместе с подарками. Похоронили косточки на берегу, подарки оставили. И сразу же домой ушли.

Внучка Упапиль увидела, будто дедушка с бабушкой идут. Обрадовалась. Отец уже дома. Стал он ругать дочь свою, зачем позволила дедушку с бабушкой убить. А в это время бабушка с дедушкой пришли домой. Подарки принесли.

— Смотрите-ка, чем зайцы нас угостили: и ягоды, и корешки, и мясо дикого оленя.

— О, не напрасно, бабушка, ты за подарками ходила,— сказал отец Упапиль.

Так убитые вернулись домой. Вот все. Конец сказки.

Сказка «Милуткалик» записана 16 августа 1970 г. от керека Етынкеу М. И. на рыбалке Куэт.

Научный архив СВКНИИ. Приложение..., инв. № 1034, с. 104—111.

Перевод 9

ВОРОН КУККИ

Сказка

Маленькие мышата сказали:

— Ну-ка пойдете на берег моря.

Пошли они на берег моря и вдруг увидели маленькую пеструю нерпочку, выброшенную волной.

Один мышенок сказал:

— Ох! Маленькую нерпочку нашел!

Старшая мышь и говорит:

— Тише, а то снова дедушка услышит, придет и отберет нерпу.

И верно. В это время Кукки сидит в яранге и говорит жене:

— Мити, пойду-ка на двор схожу.

Вышел на улицу, вдруг слышит, кто-то шумит, будто мыши. Пошел Кукки на берег моря.

— Вон-вон, дедушка уже идет! Говорила же, что услышит!— закричала одна мышь.

Незаметно оттащили мыши в сторону и накрыли сухой морской травой нерпу.

— Тише, а то отнимет у нас нерпу!

— Что нашли?— спрашивает Кукки.

— Да нет, дедушка, ничего.

— Что же, однако, протащили по берегу? След остался.

— Да вот корневище на берег вытащили.

Задумался Кукки и вдруг говорит:

— Ну-ка причешите меня. Вчера мозги сырые ел, весь изво-зился.

Одна самая маленькая мышка и отвечает:

— Давай я, дедушка, причешу тебя, вшей поищу.

— Ну-ну, давай вшей поищи.

А сестры-мыши посмеиваются:

— Сестричка, что это ты? Брось вшей в косматой голове искать!

— Что это они там говорят?— возмутился Кукки.

— Да говорят, напрасно я в косматой голове вшей буду искать.

— А ну-ка подержитесь за мои волосы на голове, а ты, самая маленькая, за макушку держись.

Схватились мыши за волосы, тряхнул Кукки головой, упали в воду мышата, а самая маленькая удержалась.

Плачет сестренка:

— И-и, зачем сестриц в воду бросил, головой тряхнул?

— Потом сойдут на берег, они плавают. Пойдем к спрятанному. Что же вы нашли?

— Мы же сказали, что корневище нашли.

Не верит Кукки, открыл травой заваленное, и верно: маленькая нерпа лежит.

— Зачем же от дедушки прячете? Давай-ка, дочка, пополам разделим.

Глупой была мышка.

— Да, давай разделим,— согласилась она.

Разделили пополам и пошли. Принес свою ношу Кукки. А его сын Ауппали встречает:

— О, что это, папа, несешь?

— Да вот, маленькую нерпу. Скажи матери, пусть благодарственную песню споет.

Побежал вперед Ауппали:

— Папа маленькую нерпу нашел, спой благодарственную песню.

— О, маленькая нерпа?— спрашивает Мити.

— Да, маленькая.

Пришел Кукки. Напевае Мити и танцует:

— Ку-у-кки уби-и-ил нерпу с одним ластом, убил нерпу с одной почкой!— благодарит духов Мити.

— Хватит, достаточно!— говорит Кукки.— Сварите и, пока не трогая, на улицу вынесите. Вынесите и скажите, все мы наелись.

— Как же, разве зря зверя добыл? Сам не ешь,— удивилась Мити.

Вынесли котел с нерпичьим мясом на улицу, а сами тем временем заснули.

Мышата выбрались из воды и пошли домой. Встречает их бабушка-мышь:

— О-о, пришли!

— Да, вот дедушка нерпу отобрал, пополам разделил.

— Когда заснет, сходим за ней,— успокоила их бабушка-мышь.

И верно. Все вместе мыши пошли, все из котла вытащили. А Кукки с открытым ртом спит. Накакали ему в рот и убежали.

Проснулся Кукки и говорит:

— Мити, принеси-ка нерпятины, а то что-то мышиним калом во рту пахнет.

Вошла жена:

— Нет там ничего, один котел остался.

Рассердился Кукки:

— Ну-ка пойду к ним, дай мне маленький котел!

Пошел Кукки. Мышиную ярангу стал трясти.

Говорит бабушка-мышь младшей девочке:

— Смотри, сестрицы твои гибнут, пойди, скажи дедушке, что пугаешь ты меня, я же дочь Сикулылана, твоего сына.

Вышла маленькая мышь:

— Дедушка, пугаешь ты меня, хватит, поешь корешки-палкумйат.

А мыши тем временем смочили корешки-палкумйат мочой.

— Пойди поешь!

— Нет, зачем вы нерпу унесли?

— Нет, не унесли, мы же вместе поделили, так вместе и съедим.

— Нет, не верю тебе.

— Старшие сестренки гибнут. Не трясись!

— Ну и пусть!

Зашел Кукки в мышиную ярангу.

— Дедушка, послушай меня!

Опомнился Кукки:

— Что это я дочь сына пугаю. На-ка внеси котел!

Зашел все-таки в ярангу, а она рухнула.

— О, что с ярангой случилось!— испугались мыши.

— Да порывом ветра ее сдуло,— и тут же Кукки поправил ее.

— Поешь корешки-палкумйат. Потом почешут тебя девочки, вшей поищут.

Почесали девочки ворона. Приятно. Заснул он.

— Сделайте ему красные ресницы,— сказала бабушка-мышь.

Сделали ресницы.

— Давай просыпайся, дедушка! Уже темнеет.

— Ох и спал же я! Хорошо девочки почесали меня. Что ж, пойду.

— Как только к яранге подходить будешь, то опусти ресницы,— сказала на дорогу мышь-бабушка.

Стал подходить к яранге Кукки, опустил ресницы.

— О, словно земля горит!— ничего не видит Кукки. Сердиться стал.— Мити, Мити! Потуши огонь, земля горит!

Сын Ауппали навстречу, хотел было подхватить его, но подошла жена, сорвала ресницы.

— Какой же непослушный! Мыши тебе ресницы наклеили. Не горит земля.

— О-о, ладно! Что они со мной сделали! Пойду еще.

Снова пошел Кукки к мышам. Тряхнул ярангу мышей. «Сейчас не поверю этой девочке»,— решил он.

Говорит бабушка-мышь внучке:

— Скажи: дедушка, пугаешь меня. Сикулылана я дочь.

— Не верю тебе. Зачем ресницы спутали?

— Не я, это старшие сестры, не путала я ресницы.

— Нет, не верю.

— Дедушка, послушайся, пугаешь меня.

— Аа, ты дочь моего сына. Вот занеси маленький котел.

Снова зашел Кукки.

— Ого, опять что-то случилось! Яранга упала!— закричали мыши.

— Это порыв ветра,— и ворон поставил ярангу.

— Поешь корешков, дедушка.

Поел корешки Кукки.

— Пусть опять почешут тебя девочки,— сказала бабушка-мышь.

Заснул Кукки.

— Разрисуйте ему нос.

Разрисовали ему мыши нос. Будит его бабушка-мышь:

— Просыпайся, уже темнеет, домой идти надо.

— Ох, хорошо поспал я. Совсем про себя забыл.

— Ну-ка, сходи попей,— говорит ему бабушка-мышь.

— Да верно, пить после сна и корешков хочется.

Пошел Кукки к реке и видит свое отражение.

— Ох, какая красивая женщина с разрисованным носом! Ну-ка подожди! О, не хочешь. Подожди, домой схожу. Жди!

Сходил домой Кукки. Белый камень, кроильную доску и скребок принес, полог со стойками захватил. Бросил в воду камень. Булькнул он и утонул.

— О, понравился, приняла подарок.

Бросил Кукки кроильную доску, скребок, но они деревянные, всплыли тут же.

— Вот я уже иду,— закутался в покрывало.

Упал Кукки в реку и унесло его в море.

Беспокоится Мити, говорит:

— Куда же Кукки ушел? Пойду-ка на берег моря.
Пошла на берег моря. Видит полог с палками волной выброшен. Развязала полог, а там Кукки.

— Из ревности за мной пришла, — говорит Кукки.

— Нет, не из ревности, просто ты в пологе был.

Говорит Кукки:

— Пойдем домой, Мити.

— Хватит, над тобой издеваются мыши, — говорит Мити.

Ушли вороны домой.

Кончила. Нет больше сказки.

Сказка записана в августе 1971 г. на рыбалке Куэт от керечки Кальвичанау Е.

Научный архив СВКНИИ. Приложение..., инв. № 1034, с. 131—137.

Перевод 10

ИАИУЧАННАКУТ. ЛИСА-ЖЕНЩИНА

Сказка

Пошла лиса к дочери и говорит:

— Имынна, дай-ка плетеную веревку!⁵

— Куда же ты пойдешь?

— Да пойду Кукки обману.

— Перестань хитрить, честно пищу добывай.

— Нет, пойду все же.

Дала дочь плетеную веревку, пошла Лиса. Уже стемнело, но ярко светила луна. Подошла к жилищу Кукки и стала выбивалкой отряхивать торбаза от снега⁶ и так выбивает торбаза, словно пришло двое.

— Чу-чу-чу-чу! — стучит по торбазам Лиса.

— Подожди, подожди, сейчас выйдут, — слышится голос Кукки из землянки, а сам удивляется, почему это разный стук слышится. — Эй, кто там?!

— Это я, я, я с мужем! У мужа очень пугливые олени.

— Отгоните оленей!

— Ох-ох, не подходи, чуть в сторонке держись.

— О, тогда зайду обратно.

— Подожди, подожди, мой муж — ночной житель, света не любит, погаси светильники!

— О, тогда зайду, скажу дочерям.

Зашел Кукки в землянку и говорит своим:

— Илынау, Чинильнакут, погасите светильники!

Жена Кукки Мити удивляется:

⁵ Когда керечи собирались в тундру или на берег моря, то всегда брали с собой ремень или плетеную из травы веревку, чтобы можно было унести вязанку дров или другую поклажу (В. Л.).

⁶ У керечков, как и у чукчей, был обычай перед входом в теплое жилище отряхивать выбивалкой из оленьего рога снег с обуви и одежды и притоптывать ногами. Это был знак сидящим в пологе, что кто-то к ним пришел (В. Л.).

— Что за гость такой пришел? Света не любит. Ладно, раз просят, пусть так будет.

— Эй! — закричал Кукки. — Заходите! Погасили уже светильники. Муж, наверно, привязал уже оленей?

Зашла Лиса в жилище.

— О, пришли! — думают там, что их двое.

— Да, пришли! Вот муж мой. Замуж вышла за ночного гостя.

— Ну садитесь.

Вот научил меня муж в темноте все делать, — хвастается Лиса.

— Что ж, покушайте. Приготовьте тетушке блюдо, морскую еду пусть поест.

Нарезали мелкими ломтиками и жир и мясо. А Лиса хитрит и все это в мешок складывает.

— Ох, и наелись же! — говорит Лиса.

— Вы же не напрасно пришли, ешьте хорошенько.

— А нет ли у вас яичной колбасы?⁷

— Мити, нет ли у нас яичной колбасы? — спросил Кукки жену.

Сходила Мити, принесла яичную колбасу.

— Подожди, ну-ка я сам блюдо приготовлю, — старается угодить Кукки Лисе.

А Лиса опять в мешок колбасу положила. Ведь она одна, врет и хитрит, разговаривает на два голоса: за себя и за «мужа». Луна сквозь ледяное окно просвечивает. Сын Кукки Ауппали говорит тихо родителям:

— Лиса притворяется, разными голосами говорит.

— Что это он говорит, — забеспокоилась Лиса. — У меня есть чем отблагодарить.

— Помалкивай, мальчишка, о себе думай, — рассердился Кукки на сына.

— О, наелись уже.

— Что, поедете?

— Да, поедем. Очень уж пугливые олени у моего мужа, — говорит Лиса.

— Да, да, очень уж пугливые олени, к одному человеку только привыкли, только один человек на них может ездить, — говорит Лиса голосом мужа. — Один я управляюсь с ними.

— Что ж, тогда не буду провожать вас.

— Да, да, не выходи, — радуется Лиса, — мы одни управимся.

— Как хотите.

Вышла Лиса и, как только одна осталась, понеслась к дому.

Говорит родителям Ауппали:

— Ох, мама, Лиса-то одна, нет у нее мужа Кымывальтына.

— Нет, действительно муж. Помалкивай, не твое это дело.

— Ох, ох, ох! — пришла Лиса домой к дочерям.

⁷ Яичную колбасу готовят так: из тушки кайры вынимают пищевод, очищают его и заполняют яичным желтком, а затем варят. Этот продукт можно заготавливать впрок, слегка подкоптив. Яичная колбаса считалась большим лакомством.

— О, пришла!

— Да, вот пришла! Развяжите-ка ношу, накормите своего младшего брата.

Накормили сестры младшего брата Лымнойныткина.

— И даже яичной колбасой тебя угостили?! Чем же колбаса наполнена?

— Утиные кишки яичным желтком наполнены. Также вот морской едой угостили: сушеным китовым мясом и жиром...

На следующий день проснулись Куккины. Стал отец сыну говорить:

— Ну-ка пройди по следам, посмотри, откуда же они отправились.

Пошел по следу Ауппали.

— Ну как?— спросил Кукки, когда он вернулся.

— Нет, папа, только одни лисьи следы видел.

— Наверно, далеко оленей оставляли...

— Завтра опять пойду,— говорит своим Лиса.— Зимнюю сеть из-под льда вытащу и заморожу. Вы обязательно за мной следом пойдете. Все пойдете.

На следующий день стемнело, ночь наступила, но луна хорошо светит. Пошли лисы к жилищу Кукки.

— Отсюда вытащим сеть,— сказала Лиса, остановившись у проруби,— и пока сеть мерзнуть будет, сходим к пищевому складу. Хозяева-то спят.

Никого нет. Одни лисы трудятся. Забралась Лиса в пищевой склад и все повытаскивала.

— Сколько сможете, несите,— говорит она детям.— Домой идите, а я за сетью схожу. Скажу им, вот вам богатый подарок от мужа.

Пошли дети домой. Сеть тем временем замерзла, звенит ледяшками, будто железом гремит. Пошла Лиса к Кукки.

— Чу-чу-чу-чу!— отряхивает выбивалкой торбаза Лиса около жилища.

— О, опять Лиса пришла, муж пришел! Подожди, подожди вот!

Вышел Кукки в коридор:

— Эй, кто эй?

— Мы, мы, мы! Вчерашние мы, опять пришли. Муж вот тебе богатство принес.

— Где же?

— Вот полный мешок,— и отдала его Лиса Кукки.— Только где попало не клади, железо холодное, отпотеет, ржавчина будет. Повыше положите, на полог.

— Мити, Мити!— кричит Кукки.— Смотри, муж богатство принес, железо. Положите его повыше, на полог положите.

— Заходим мы,— кричит Лиса.

— Заходите, светильники уже погашены.

— О, снова пришли!

— Да, пришли! Решили мы почаще навещать своих двоюродных братьев и сестер. Жирку поесть пришли.

Нарезали тонкими ломтиками жир, выложили на блюдо. Едят, будто двое.

— Нет ли яичной колбасы?

— В тот раз всю отдали!

— Жаль, это самая любимая моя еда.

— Ну-ка, Мити, поищи! Муж Лисы много ходит, пусть поест хорошенько.

— Папа, папа!— шепчет Айппали.— Лиса одна разговаривает. Притворяется она, разными голосами говорит. Одна она.

— Ох! Опять что-то сказал мальчишка! У лисы есть чем отблагодарить.

— Да это он просто так, не слушай, глупый еще. Если бы ты одна была, то мы бы видели.

Итчым, племянник Кукки, тоже наблюдает за Лисой. Вдруг он говорит Кукки:

— Она же одна разговаривает. Опять обманывает нас.

Не слышит Кукки и продолжает:

— Может, еще поедите? Если хотите, скажите,— видимо, тоже догадался он.— Сама, сама просунь лапу в пузырь, достань жир, а мы что-то спать хотим. Вчера очень мало спали.

— Есть жир еще?

— Мити верно сказала, пройди сама, просунь лапу в пузырь, достань жир.

А Мити тем временем приготовилась лапу перевязать Лисе.

— Как же я жир достану?

— Да подойди, просунь лапу в пузырь из желудка,— говорит ей Мити.

Послушалась Лиса, засунула лапу в мешок с жиром.

— Глубже, глубже суй лапу,— говорит Мити и тут же крепко перевязала край мешка вместе с лапой.

— Ой, ой, ой! Что это со мной делаете?!

— Зачем врешь! Нет у тебя мужа, одна бродишь, вчера тоже врала!

Выскочила Лиса, убежала. Так и убежала с пузырем на лапе, словно капканом пойманная. Утащила пузырь. Хитра Лиса.

— Имынна, Имынна! Рука немеет! Пузырем, словно капканом прихватили!

— И вечно ты такая, все хитростью да обманом сделать хочешь. Нет бы по-хорошему попросить!

— Нагрей воды скорее, руку помою.

Когда убежала Лиса, крикнул ей вслед Кукки:

— К богатой женщине Контытвааль туда бы шла обманывать!

— Развяжи же скорее руку, Имынна!

— Я еще вчера говорила, проси по-хорошему.

— Да выпросишь у них, жадные они.

Нагрела воды Имынна, помыла Лисе лапу...

На следующий день проснулись Кукины. Говорит Куки дочерям:

— Проверьте-ка запасы наши, наверно, все выкрали.

Сходили дочери к пищевым складам и домой вернулись.

— Нет никаких запасов пищи, все вытащили, только стены голые остались до кости,— сказали они Куки.

Довольны вороны остались хоть тем, что досадили Лисе-обманщице, наказали ее...

Но Лиса не угомонилась. Говорит дочери:

— Пойду-ка за пищей к богатой женщине Контывааль.

— Куда же ты пойдешь?

— Все равно завтра к Контывааль пойду.

— Не можешь ты без обмана жить, по-доброму бы пищу надо добывать.

— По-хорошему не выпросишь у них, жадные они. Поспим немного и завтра, как стемнеет, пойдем.

На следующий день проснулись.

— Ну-ка, дай мне плетеную веревку, Имынна, попробую пищу добыть.

— Только по-доброму проси, не делай плохо. Контывааль же с сестрами-собаками живет. Как бы чего не случилось. Кукины только руку тебе перевязали.

— Нет, нет, по-хорошему просить буду. Иду уже.

Пошла Лиса к богатой женщине Контывааль. Так же как и у Куки, стала отряхивать выбивалкой торбаза. Отряхивает и кажется, что двое пришли.

— Чу-чу-чу-чу! — постукивает Лиса, а сама подальше от дверей, в стороне стоит.

— Эй, кто эй?!

— Я, я! — но вспомнила, что их двое. — Мы, мы, мы!

— Кто вы?!

— Да мы с Кымывальтым. Замуж я вышла за богатого чаучу. Скоро вот стадо наше подойдет, забьет вам оленей. Только стадо сейчас у горы Пынаквын находится, далековато. Только вот муж мой — ночной житель, светильники погасите.

— Как же есть в темноте будете?

— Да научились мы, привыкли, сами с блюда еду берем.

— Пойду скажу, чтобы светильники погасили.

Погасили светильники, а одна сестра-собака и говорит ей:

— Старшая сестра, Лиса-то одна, нет с ней товарища.

— Да ладно, пусть зайдут, — не поверила Контывааль.

— Ну как, погасили светильники? Заходим мы! — кричат с улицы.

Зашли. Лиса и говорит другим голосом:

— Я ночной житель, только в темноте могу быть.

— Да, да, садитесь вот здесь пока.

Приготовили поднос с едой, а Лиса не ест, а все в мешок складывает. Наложила столько, сколько могла унести.

— Нет ли яичной колбасы?

— Нет у нас. Одни женщины, поэтому за яйцами на скалы не лазим, колбасы мы не делаем. Вот жирку поешьте.

Хотели было еще жирку нарезать, да вдруг Лиса и говорит:

— Давайте-ка я сама. Вы-то к темноте не привычны, — а сама поближе к дверям перебирается. — Я тут около дверей нарежу жиру, а то вдруг нечаянно себя пораню.

Шепчет собака-сестра:

— Старшая сестра, одна Лиса, нет у нее мужа.

— Подожди, а вдруг с мужем?

— Что это она говорит, — услышала Лиса, — я не обманываю. Стукни-ка свою сестру. Стадо уже совсем близко.

Стукнула Контывааль свою сестру-собаку, которая только что говорила.

— Всех сестер побей, — добавляет Лиса, — стадо уже совсем близко. Ох, наелись уже! Пойдем навстречу, посмотрим.

— Я тоже с вами выйду.

— Нет, нет, мы одни. Очень уж пугливые олени у моего мужа.

Посиди в пологе.

Выскочила Лиса на улицу и убежала.

Говорит Контывааль своей сестре-собаке:

— Еще раз придет Лиса, я отвяжу тебя, погонишься за ней.

Прибежала Лиса домой и говорит своим детям:

— Завтра со мной пойдете. Еды много принесете. Богата женщина-собака. Много пищи в ее кладовых. Пока я забавлять их буду, вы все из кладовых вытащите.

На следующий день пошли лисы к собакам. Показала Лиса детям кладовую.

— Скорее, — торопит Лиса детей, — сделайте такие ноши, какие унести можете, и быстрее домой идите, а я к ним побегу.

Прибежала Лиса к собачьему жилищу.

— Чу-чу-чу-чу! — стала она отряхивать торбаза.

Поняли собаки, что снова Лиса пришла. Одна из них и говорит:

— Ты вчера обещала, отвяжи меня.

— Подожди немного, — и крикнула наружу. — Эй, кто эй!

— Мы, мы, мы! Вчерашние мы, прежние мы! Стадо уже совсем близко, завтра здесь будет.

— Как торбаза отряхнете, заходите.

— А свет потушили?

— Да погасили, заходите же!

«Ох, ох! Что-то боюсь я», — думает Лиса, а сама кричит:

— Подожди, муж шапку снимает. Сейчас приберу ее.

Наконец зашла Лиса в жилище.

— Садитесь, садитесь. Наверно, есть будете?

— Что ж, поедим, — согласилась Лиса и хотела было сесть.

А Контывааль потихоньку отвязала сестру-собаку и шепнула ей:

— Только в пологе на нее не бросайся, послушаем, что Лиса скажет.

— Хорошо бы жирку поесть, — просит Лиса.

— Жир вот здесь, около двери. А ты, Лиса, врешь, обманываешь нас!

— Ой, ой, ой! Вместе росли, с одного подноса ели! — испугалась Лиса, выскочила и побежала.

Погналась за ней сестра-собака.

— Только до смерти не загрызи, за керкер потрепи ее, — крикнула в догонку Контытвааль и спустила с привязи вторую сестру-собаку.

Несется Лиса, но догнали ее собаки.

— Ой, ой, ой! У одного подноса выросли, одним очагом пользовались!

— Врешь! Не у одного очага мы выросли, не товарищи мы. Зачем воруешь? Сейчас разорвем тебя!

— Ой, ой, ой! — кричит Лиса.

А собаки гонятся и хватают ее за пушистый керкер, весь разорвали.

— Ой, ой! Хватит! Хватит!

— Ладно, пусть домой к детям бежит. Керкер разорвали, напугали ее, — говорит одна собака другой.

Так и прибежала Лиса домой с разорванным керкером. Прибежала, стонет.

— Что случилось?

— Да вот сестры-собаки искусали, керкер разорвали.

— Так тебе, воровка, и надо. Убьют тебя когда-нибудь.

— Больше не буду, а то действительно убьют меня. Поставь-ка полог. Полежу я.

Успокоилась ненадолго Лиса, никуда идти не собирается...

На следующий день проснулись собаки. Пошли пищевые склады посмотреть. Из двух все вытащили дети Лисы, пока та в жилище разговаривала. Но хорошо хоть, что отомстили ей, больше не придет...

Ворон Кукки говорит своей жене:

— Ну-ка, схожу к Контытвааль. Может быть, и к ней ходила племянница Лиса. Тогда же я сказал ей, что у женщины-собаки пищи много, богата она.

Пошел Кукки к собакам. Отряхивает выбивалкой снег с торбаз.

— О, наверно, дядюшка пришел? Не так стряхивает торбаза, не как Лиса, — догадались собаки.

— Эй, кто эй?

— О, это я, Кукки, племянница!

— Как торбаза отряхнешь, заходи. Может, светильники погасить?

Рассмеялся Кукки:

— Нет, не гаси, мы же к свету привычны. Наверно, вчера Лиса к вам приходила?

— Да, вчера была. Хорошо, что сестра-собака сказала, что одна она, без мужа. Я догадалась, что обмануть пришла нас Лиса.

— Мы же совсем без пищи остались, все лисы утащили.

— У нас только два склада обокрали. Что же делать будешь? Может, переночуешь?

— Что ж, переночую.

На следующий день проснулись собаки, а дядюшка уже домой собирается.

— Рассветает уже, домой пойду, — говорит Кукки.

— Чем же угостить тебя? — и дали ему сушеного мяса, мяса дикого оленя и мяса горного барана.

— Сколько возьмешь?

— О, хватит, хватит! Наверно, дети мои уже вернулись с охоты.

— Если без еды останешься, приходи.

Пошел Кукки домой. Встречает его сын.

— Вот уже папа идет, что-то очень много несет, тихо идет.

Вытащил Кукки из-за пазухи закуску и сказал сыну:

— Отнеси-ка это маме домой. Я вот тихо иду, тяжело мне.

Побежал сын домой и говорит матери:

— Папа много гостинцев несет, тяжело ему. А это вот тебе гостинец. У него и мясо дикого оленя, и баранина.

Пришел Кукки. Кричит:

— Вот, Мити, ношу возьмите!

— О, пришел!

— Да, пришел! Лиса у собак побывала, обманула их, но и они ей отомстили. Что ж, развяжите ношу, поешьте.

Накормили своих детей вороны вяленным мясом, мясом дикого оленя и горного барана.

Вот все.

Закончил сказку рассказывать. Рассказал все, что помнил, кое-что забыл. Эти сказки нам раньше старшие рассказывали.

Сказка записана в сентябре 1970 г. от керка Етынкеу М. И. на рыбалке Куэт.

Научный архив СВКНИИ. Приложение..., инв. № 1034, с. 184—197.

Перевод 11

ИГҚЛАУЛ. ВОЛК-МУЖЧИНА

Сказка

Я про Волка сказку расскажу.

Говорит Кукки жене:

— Дай-ка, Мити, соломенную нарту.

— Нет соломенной нарты, только плетеная веревка под рейками. Не верит Кукки, сам ищет.

— Что же ты ищешь?

— Да, нарту.

— Куда же идешь?

— Да вот пойду покатаюсь с горки.

Пошел Кукки. Покатился с горки.

— Ох! Как приятно, только небо перед глазами мелькает!— кричит от радости Кукки.

Покатился снова с горки Кукки и кричит:

— Ох! Как приятно, только небо мелькает!

Услышал Волк, как радостно кричит катающийся Кукки.

«Откуда же это он кричит?» — подумал Волк и пошел к Кукки.

— Эй, дедушка, что ты делаешь?

— Ох, напугал ты меня. Окуда пришел?

— Да вот услышал, как ты кричишь, катаясь, и подумал: «Пойду-ка посмотрю, как дедушка катается». Дай-ка я прокачусь!

— Нельзя тебе, в воду скатишься.

— Нет, не скачусь в воду, у меня длинные лапы. Что кричать мне, когда буду катиться?

— Кричи: «О, как приятно, только небо мелькает!»

— Ладно, так кричать буду,— и покатился Волк с горки. Бульк — и свалился в море.

— Ой-ой! Дедушка, в воду упал. Вытащи!— закричал Волк.

— Нет, не вытащу. У тебя же длинные лапы, а у меня кривые когти, потому я и не падаю в воду.

— Послушай, дедушка, вытащи!

— Нет, не вытащу.

— Ну вытаскивай же, ноги коченеют.

— Нет, не вытащу, ты же длиннолапый.

— Дедушка, я тебе стадо блох⁸ дам⁸.

— Не нужны мне блохи.

— Послушайся, дедушка, ноги коченеют,— кричит из воды Волк.

— Я же говорю тебе, что не вытащу!— упирается Кукки.

— Стадо баранов дам.

— Врешь, мои дети сами горных баранов добывают.

— Тогда стаю росамах дам!

— Не нужно мне. Я же говорю тебе, мои дети разных зверей добывают.

— Что же дать тебе,— рассуждает Волк— О, длинноухую сестру за тебя замуж отдам.

— Ну!— обрадовался Кукки.— Эй, тесть, подожди-подожди, сейчас вытащу тебя.

Вытащил Кукки Волка.

— Бр-р-р! Чуть ноги не оконечели,— говорит Волк и выжимает свою одежду. Кукки помогает ему.

— Ну как?— спрашивает Кукки.— Отдашь свою сестру за меня?

— Нет у меня никакой сестры.

— Ка-а-к?! Обманул меня! Хватит, я перестал кататься,— обиделся Кукки.— Ты какой долиной пойдешь?

— Да по долине Ватвыткавнын. А ты?

⁸ Перевод примерный. Конкретный вид насекомого определить не удалось.

— Я в верховья реки Антчины пойду.

Разошлись в разные стороны Кукки и Волк. Пошли они по долинам рек, а в верховьях они сходятся. Дошел до истоков Ватвыткавнына Волк. Поднялся в верховья реки Антчины Кукки. И вдруг превратился в кусок жирного мяса задней части оленя.

— Ого!— удивился Волк.— Спасибо, друзья пищу мне оставили.

И тут же съел кусок мяса. А это Кукки был.

Пошел Волк домой, а в животе у него Кукки стал шевелиться.

— О, это, наверно, мой отец принес и развесил здесь в пищевом складе кишки,— рассуждает в животе Волка Кукки и вдруг выбрасывает кишки наружу.

— Дедушка, будто ты из меня говоришь?

— Нет меня здесь, я дома, в пищевом складе сижу.

— Ой, мои кишочки выбросил!

— Да нет же меня здесь, я дома,— а сам почки выбрасывает.— Тьфу! Это, наверно, Итчим свои торбаза вонючие повесил.

— Ой, мои почечки!

— Что ты кричишь, я же дома, в пищевом складе,— а сам легкие выбросил.— Тьфу! Опять это Итчим принес.

— Де-душ-ка, мои легкие!

— Не выдумывай, я же дома, в пищевом складе,— а сам сердце выбросил.— Тьфу! Это, верно, копые пуйитыныпытып⁹. Зачем оно здесь висит?

— Де-душ-ка! Моя душа!— и умер Волк.

— Ой-ой! Убил Волка!— закричал Кукки и вышел из него.

Пошел Кукки домой. Увидел его Ауппали и говорит матери:

— Мама, папа с катанья идет.

— Что ж, пусть приходит,— отвечает мать.

Сердится Кукки, кричит:

— Ауппали! Скажи матери, пусть обряд благодарения совершит!

— Ладно,— и Ауппали зашел в землянку.— Мама, папа что-то волочит. Сказал, чтобы ты обряд благодарения совершила.

— Ну что ж, однако иди и посмотри, что же он волочит,— а сама стала обряд совершать. Запела: «Ку-у-кки во-о-лка без потро-хо-о-в уби-и-л!»

Зашел Кукки в землянку:

— Хватит танцевать, пришел вот я.

— Пусть дочери добычу освежают.

— Нет, не надо свежевать. Пусть целиком будет.

Вышла наумат — теща¹⁰, встретила отца.

⁹ Копье керекки не металы, а только кололи им зверя. Оно было значительно короче боевого чукотского и корякского копья. Набадашник из кости был похож на сердце.

¹⁰ По представлениям керекков, когда рождалась дочь, то считали, что вернулась бабушка, т. е. мать роженицы; когда же рождался сын, то считали, что вернулся отец роженицы. В данной сказке старшую дочь Кукки Синиль-лымнылнакут Кукки-отец называет «наумат» — теща, а Мити, жена Кукки, «ылла» — мать.

— Так сделай. Отнеси волка в пищевой склад и сторожи там, шитьем занимайся.

Заснули вороны. Кукки крепко заснул.

А тем временем братья-волки пошли по следам. Кукки сидит у дверей землянки и вяжет сеть. Младший сын его Ауппали выходит из землянки к отцу.

— Выходи почаще, посматривай кругом,— говорит ему Кукки.

— Папа, смотри, два волка идут,— сказал ему Ауппали.

— О, подожди, сейчас шарики из жира сделаю¹¹. Пойдешь к тому месту, куда они должны прийти. Сделай вид, что играешь и оставь шарики,— говорит Кукки Ауппали.

Подошли братья-волки и увидели:

— О, наверно, мальчик Ауппали играл здесь и уронил шарики,— решили они и тут же съели их.

Подошли к землянке. Кукки около дверей сетку вяжет.

— О, пришли!

— Да, дедушка! Что с нами? Качает нас, в глазах темнеет!

— Наверно, съели что-нибудь?

И тут же сдохли волки.

— О, опять двух волков убил,— обрадовался Кукки и отнес их в пищевой склад к дочери:

— Вот еще принес, сторожи их...

Тем временем маленький волчонок спрашивает у своих родителей-стариков:

— Здесь много лежек было, пустые они, я один остался.

— Мы же в разных местах бываем, много лежек оставляем.

Волчонок зовут Вечовтын. Заснули родители-волки, пошел по следам братьев Вечовтын...

Кукки опять сидит у дверей, сетку вяжет. Кукки большой шаман-колдун. Ауппали часто из землянки выходит.

— Выходи почаще, посматривай,— говорит ему Кукки.

В другой раз вышел Ауппали и увидел:

— Папа, один маленький волчонок идет.

— Да, наверно, Вечовтын,— Кукки-то знает.— Отнеси шарики и положи их на его пути.

Отнес шарики Ауппали, оставил их на пути волчонок, а сам в землянку вернулся.

Бежит по следам волчонок и вдруг увидел шарики. «Что это?» — подумал он и взял их с собой.

— О, пришел! — приветствовал его Кукки.

— Да! Не приходили ли сюда мои братья? — спросил Вечовтын.

— Нет, не приходили, только мы одни, — ответил Кукки.

Тут Вечовтын показывает шарик, зажатый в кулаке, и спрашивает:

¹¹ Из кусочков жира керекки скатывали шарики, внутрь которых вставляли острые пластинки китового уса. Затем шарики замораживали и бросали по следу волка. Таким способом убивали волков.

— Дедушка, что это?

— Ох ты! — испугался Кукки, юркнул в полог и залез под шкуру!

— Что ты делаешь?! — закричала Мити. — Так напугать можешь! Куда ты?!

— Волчонок пришел, шарик показал и спросил: «Что это?»

— Так чего же прячешься?! Раз проказничаешь, так иди к нему, — упрекает его Мити.

Вошел Вечовтын в землянку.

— О, пришел ты! — приветствовала его жена Кукки.

— Да, вот я. Бабушка, что это? — показывает Вечовтын шарик.

— Не знаю, не знакомо мне это. Тьфу! — плюнула Мити, а сама подумала: «Не проведешь дочь Акальтчики»¹². — Кукки, выходи, чего боишься? Ты же мужчина. Я женщина и то не прячусь.

— Нет, нет, не выйду. Я спать хочу.

— Ну и будь там! — рассердилась Мити.

Уже стемнело. Вечовтын и говорит:

— Домой пора, пойду.

— Ну что ж, иди, — ответила Мити.

— Только не подсматривайте за мной.

Пошел Вечовтын к пищевому складу, в котором дочь Кукки Синильлымнылаккут сторожит убитых волков, и закричал:

— Эй, здесь мои братья находятся?

— Да, здесь.

Разбудил братьев Вечовтын и говорит им:

— Как же с этим волком будем? Он же без внутренностей. Оставим его. А ты следом за нами иди, — сказал он Синильлымнылаккут.

Пошла дочь Кукки к волчьему народу. Привел ее Вечовтын и говорит родителям:

— Вот, встречайте!

Вышли родители.

— О, пришли! Быстро. Где же братьев нашел?

— Да вот дедушка их одним разом убил, а за это я его дочь увел.

Бойтся Синильлымнылаккут. Впервые она среди волков.

— О, женщина пришла!

— Да!

— Заходи же!

— Да, зайду, — и Синильлымнылаккут зашла в волчье жилище. Так и осталась там. Заснули волки-люди...

Пошла Мити к пищевому складу посмотреть. Дочери нет и только один волк без внутренностей там лежит.

— О, какой Кукки пакостник! Даже дочь украсть дал! — возмутилась Мити и вернулась в землянку.

¹² Акальтчики — отец Мити.

— Кукки, Кукки! — закричала она.
— А-а!
— Нет нашей дочери, волков тоже нет!
— Ой-ой! — испугался Кукки. — Наверное, Вечовтын это сделал, он был недавно.
— Там только один волк без внутренностей остался.
— Пойду-ка внутренности ему вложу, оживлю его, пусть домой идет.
Вшил Кукки волку внутренности из разных кусочков мяса.
— О! — ожил Волк. — Кто же со мной такое сделал?
— Да я так сделал, — ответил Кукки. — Иди домой, я разбудил тебя. Наша дочь пропала. Наверно, у вас. Приведите ее, не задерживайте.
— Ладно, приведем.
Пошел Волк домой. Приходит к себе.
— Вот я, мать, встречайте!
— О, кто пришел? Наверно, наш, который вчера ушел.
— Да, там мы оставили, не знали, что делать, потому что без внутренностей он был, — сказал Вечовтын.
— Что же с тобой сделали?
— Дедушка внутренности мне вложил, разбудил меня. Завтра, как только проснемся, отведем их дочь домой, а то опять что-нибудь сотворит с нами.
— Да, да, отведите ее домой, сейчас отведите, — сказали старики.
Отправились волки к жилищу ворона. Вечером пришли.
— Волки, вы здесь побудьте, я сначала поговорю, — сказала Синильлымнылаккут.
— Мать, вот пришла я, встречайте!
— Ой-ой! — закричал Кукки. — Будто моя теща пришла!
Вышла Мити.
— О, пришла ты?
— Да, пришла! Волки привели меня.
— Где же они?
— На улице.
— Скажи им, пусть заходят.
— Где вы, волки? Заходите!
— Нет, не зайдём мы. Кукки мстить будет. Мы торопимся.
— Ну что ж, может угостить вас чем-нибудь?
— Нет, мы рады, что вашу дочь привели. Жалко ее. Вы же ничего не знали о ней.
Мити ввела дочь в землянку. Кукки все еще дрожит от страха, — под постелью прячется. Говорит ему Мити:
— Смотри, мать пришла.
— Откуда пришла мать?
— Да вот волки меня привели.
Вернулись волки домой. Кричат:
— Встречайте! От дедушки пришли мы, дочь у него оставили.
— Что же дедушка сказал?

— Да он боится, не показывается.
— Ну хватит, успокойтесь и не балуйтесь...
Синильлымнылаккут стала говорить Кукки:
— Как же ты спас меня?
— Да вот оживил волка, который без внутренностей был, и послал его к братьям. Он пообещал, что приведет дочь. Говорит: «Старуху жалко». Ну, хорошо, что вернулась.
Кончаю сказку рассказывать. только это знаю.

*Сказка записана в сентябре 1970 г. от керека Етынкеу М. И. на рыбалке Куэт.
Научный архив СВКНИИ. Приложение..., инв. № 1034, с. 226—236.*

Перевод 12

КУККИ

Сказка

Пошел Кукки за дровами. Идет домой и вдруг какать захотелось. Покакал, пошел было дальше и вдруг слышит, что кто-то сердито кричит:

— Зачем своего ребенка оставляешь! Подожди!

Вернулся Кукки и видит: из кала женщина образовалась. Поволок он ее домой.

— Мити! — кричит он своей жене. — Подругу привел, встречай!

— Где же ты женился?

— Там, в тундре женщину нашел.

А женщина вдруг и говорит:

— Там, где Кукки какал, яранга была. Он ее за помойку-уборную принял. Раскопайте лопатой, здесь стойки для яранги найдете.

И верно, стойки для яранги нашли, покрышку нашли. Ярангу поставили. Хорошая яранга. Мити домой ушла. Кукки с новой женой остался. Женился он на женщине из кала. Заснули.

На следующий день вдруг яранга сломалась, и Кукки весь в кале оказался. Яранги нет, сломалась, Кричит Кукки:

— Мити, Мити, где моя подруга?

— Нет ее, это же кал. Обманула она тебя.

— Ой-ой! Оказывается, кал обманул меня. Пойду домой.

Обмыла его Мити. Рассердился Кукки и всю пищу выбросил. Есть нечего стало. Голодают. Пошел Кукки в лес за корой.

— За корой чаще ходи, дети голодные. Корой кормить будем, — говорит ему Мити.

Ходит в лес за корой Кукки. Мити смешает ее с икрой и детей кормит, а Кукки понемножку дает.

— Выбросил пищу, ешь старую подошву от торбаз, — говорит ему Мити.

Каждый день ходит Кукки за корой. Возвращается. Мити детей кормит, а ему только старые подошвы дает жевать.

Увидел однажды Кукки омут. Оттуда горбуша выглядывает.

— Заходи! — приглашает его горбуша.— О, похудел же ты!
— Пищу всю выбросил, голодаем мы.
— Да, сильно отощал ты!
Женился Кукки на горбуше.
— Иди-ка, рыбы отнеси домой,— говорит ему горбуша.
Отнес Кукки домой рыбы.
— Вот, Мити, ношу с едой принес. Много рыбы принес.
— Где же ты взял?
— Горбушу-женщину в жены взял.
— И всегда с ней жить будешь? Может, приведешь?
— В следующий раз приведу.
— Сейчас приведи, скорее приведи.
Пошел Кукки к жене-горбуше и говорит:
— Подруга жены. Мити говорит, чтобы я тебя привел.
— Что ж, пойду,— согласилась горбуша-женщина и нагружает Кукки вареной рыбой.
Увел горбушу к себе Кукки.
— Вот, подругу встречай, Мити!
— О! Привел уже подругу!
— Да, привел.
— Ну-ка, по-прежнему за дровами, за корой в лес ходи.
Ушел Кукки в лес.
Мити разрезала рыбу и сварила голодным детям. Съели ее, душа-тело домой ушла.
— О, пришел! — встречает Мити Кукки.
— Да, пришел я, за дровами ходивший. Где же подруга?
— Нет ее.
— Где же она?
— Наверно, домой ушла.
На следующий день пошел Кукки к жене-горбуше. Увидел ее снова.
— Разрезала меня Мити и сварила. Не уводи больше,— просит горбуша Кукки.
Похудела горбуша с тех пор, как ее варить стали, а в начале жирная была. Унес все же ее снова Кукки, а когда ушел в лес, то сварила ее опять Мити. Вернулся из лесу Кукки.
— Мити, ношу с корой возьмите. Где же подруга?
— Нет ее. Опять, наверно, домой ушла.
— Что же это она уходит все время?
Пошел к ней Кукки.
— Где ты?! — кричит он.
— Я перестану к вам ходить, всю рыбу не съедят.
— Ладно, лучше дома будь.
И стала опять горбуша жить в омуте.

Сказка записана 21 апреля 1971 г. в с. Мейныпильгино от керека Кежгынто.

Научный архив СВКНИИ. Приложение..., инв. № 1034, с. 247—249.

Перевод 13

КАЙНАКЛАУЛ. МЕДВЕДЬ-МУЖЧИНА

Сказка

Встретила Лиса Медведя.

— О, племянничек, увидела я тебя!

— Да, увидела.

Пошли они вместе к краю крутой скалы.

— Давай-ка поспим на солнышке,— говорит Лиса.

— Ладно,— согласился Медведь.

А скала высокая и отвесная.

— Ты с краю не ложись, а то скатишься и упадешь. Подальше ложись.

Легли они спать. Лиса с краю у самого обрыва, а Медведь рядом. Только заснул было Медведь, как Лиса раз — и на другую сторону перебралась. Говорит спящему:

— Племянничек, подвинься, а то столкнешь меня,— а сама подталкивает его к краю и вдруг толкнула. Упал Медведь со скалы, разбился.

Вскочила Лиса и стала спускаться к подножию. Видит — Медведь мертв.

Много детей у Лисы. Перенесли они медвежье мясо домой. Еды много стало. Имынна, старшая дочь Лисы. Говорит Лиса Имынне:

— Имынна, позвонки медвежьи не выбрасывайте, я соберу и похороню.

И верно. Собрала Лиса позвонки и нанизала их на веревку.

Собралась Лиса однажды снова и пошла в тундру, а за собой позвонки на веревке волочит. Идет и вдруг видит: в кустах Волк спит. Привязала Лиса к хвосту Волка позвонки и как закричит:

— Племянничек, племянничек! Большезубые гонятся за тобой! Беги скорей! По кустам беги!

Вскочил Волк и бросился со страху в густые кусты. Зацепились позвонки за ветки и сдернули весь пушистый белый волчий хвост.

Прибежал Волк домой.

— Бабушка, бабушка! Я хвост где-то потерял!

— Шляешься, где попало! Как же можно часть своего тела потерять?! — ругает его бабушка и из разных захудалых лоскутков шкуры пришила ему другой хвост.

А Лиса тем временем пошла по следу Волка. Увидела: на кустах волчий хвост висит. Взяла его и домой пошла.

— Имынна, вот пушистый белый волчий хвост принесла. Пришей-ка от этого хвоста всем лисам белые кончики.

Пришила Имынна к лисьим хвостам кусочки волчьего хвоста, и с тех пор у всех лисиц кончики хвостов белыми стали.

Сказка записана 21 апреля 1971 г. в с. Мейныпильгино от керека Кежгынто.

Научный архив СВКНИИ. Приложение..., инв. № 1034, с. 256—257.

Перевод 14

КУККИ И ЕГО ЖЕНА МИТИ

Миф

Кукки впервые женился и стал жить вместе с женой Мити.

Кукки очень боялся солнца, и как только оно показывалось, то он падал на землю. Мити ругала трусливого Кукки. Она сама все делала, добывала пищу. Но вот забеременела Мити и родила двух сыновей. А Кукки по-прежнему солнца боится и все время сидит дома.

Мити часто на море ходит. Там у нее второй морской муж. Оттуда она приносила морской еды. Опять забеременела Мити и родила от морского мужа двух сыновей. А Кукки по-прежнему солнца боится. Как взойдет оно, так он со страху падает на землю.

Первых двух сыновей назвали Сикулылан и Анантакилан. От морского мужа родились такие же сыновья, и их тоже также назвали.

Забеременела опять Мити и родила двух дочерей: Синильымнылнаккут, другая Анайуптынаккут. Одну дочь Мити завернула в мох, унесла в тундру и там бросила.

Дети выросли, стали диких оленей добывать.

— Куда они ходят? — спросил жену Кукки.

— Диких оленей добывают.

Поумнел Кукки. А тогда земля ровная была, гор не было. Не понравилось Кукки, что земля ровная.

— Ох, горы сделаю, — сказал как-то Кукки.

И, верно. Проснулись на следующий день и видят: горы образовались.

— Теперь в горах оленей промышляйте, — говорит он детям.

Мити по-прежнему к морскому мужу ходит, оттуда еды приносит.

Тем временем девочку, которую бросила Мити, подобрали другие люди и вырастили ее. Как-то набрали двое Сикулыланов на селение, увидели там девочку. Она уже большой стала.

— Я за ней смотреть буду, — сказал один Сикулылан.

— Что ж, ладно, — ответили люди.

Наконец женился на ней Сикулылан. Он не знал, что это его родная сестра...

Миф записан 22 апреля 1971 г. в с. Мейныпильгино от керека Кежгынто. Миф не закончен, так как сказитель заболел и через некоторое время умер.

Научный архив СВКНИИ. Приложение..., инв. № 1034, с. 262—263.

Кежгынто, по-керекски Кичийунту, по-чукотски Кэчгынто.

Отец Тупыль, мать Акана, оба кереки из мейныпильгинской группы. Родился Кежгынто в местечке Гачгатагин в 1903 г. Долгое время не вступал в колхоз, жил уединенно на реке Алыкатваам, занимался рыболовством, пушным

промыслом. Был женат на чукчанке Анына. Хорошо знал родной керекский язык, помнил сказки, мифы, предания. Среди кереков признавался самым знающим и опытным. Очень вспыльчив, обидчив, работать с ним было трудно. Записано от него всего три текста, четвертый не закончен. Умер в 1973 г.

Перевод 16

Предание

ПОЧЕМУ КЕРЕКИ БЕЗОЛЕННЫЕ

Кереки были нашими предками, первыми были. Однако оленеделание в один день было. Но кереки не захотели делать оленей в этот день и сказали: «Завтра оленей делать будем». Но на следующий день не было оленеделания. В один день все закончилось.

Предание записано в сентябре 1970 г. в с. Мейныпильгино от чукчи Итегина-Коравье Ивана на чукотском языке.

Научный архив СВКНИИ. Приложение..., инв. № 1034, с. 264.

Перевод 17

ОТРЫВОК ИЗ ПРЕДАНИЯ

«КУНЛЕЛЮ — ОДНОУСЫЙ»

Кунлелю с братьями четверо: Кунлелю, Пикыттым, Пэтытычгын, Аковраркы; двоюродные братья: Вычгыкылты, Эвиискэв, Вэнький.

Тогда только дружба начиналась. Люди Арельпыно около озера Емрагытгына стояли. Однако их всех убили там, и Мотлынто (коряк) врагом стал. Оленей отобрали. Арельпыно сделал укрытие в скалах. Враги вдруг сказали: «Без воды оставим». Арельпыно ответил: «Ничего. Кунлелю с друзьями придет». В это время жена Арельпыно выглянула из-за камней, и ей прямо в лоб камнем из пращи попали. Затем пурга началась. Вышли они с дочерью из укрытия. И вдруг руку сломал Арельпыно. Сказал дочери: «О, хватит, оставь меня. А ты постарайся к керекам пробраться.» Ох и долго она добиралась, целый день вдоль скал бежала. Наконец, ночью прибыла. Следом люди Олялека пришли. Спросили: «Где же женщина?» Оказывается, кереки под пологом яму вырыли и спрятали ее там. Затем ушли враги. А женщина замуж за керека вышла...

Предание записано в сентябре 1970 г. от чукчи Итегина-Коравье Ивана в с. Мейныпильгино. Иван Коравье — один из потомков Кунлелю, свою родословную ведет от двоюродного брата Кунлелю Эвиiskeва.

Научный архив СВКНИИ. Приложение..., инв. № 1034, с. 266.

СОДЕРЖАНИЕ

К ИСТОРИИ ВОПРОСА	3
САМОНАЗВАНИЕ, РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ	7
ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	20
Рыболовство	20
Охота на птиц	23
Морской промысел	27
Другие промыслы	32
ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА	35
ЖЕРТВЕННЫЕ МЕСТА «КАМАК»	44
СЕМЬЯ, БРАК, РОДЫ	53
НЕКОТОРЫЕ СТАРИННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ПРАЗДНИКИ И ОБРЯДЫ	60
СВЯЗИ И ОТНОШЕНИЯ КЕРЕКОВ С СОСЕДНИМИ ПЛЕМЕНАМИ	64
ЯЗЫК И ТОПОНИМИКА	67
ФОЛЬКЛОР	83
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	91
Приложение	
БЫТОВЫЕ РАССКАЗЫ, СКАЗКИ, МИФЫ, ПРЕДАНИЯ	93
Перевод 1. Мое возмужание	93
Перевод 2.	95
Перевод 3. Про вражду рассказ	95
Перевод 4	96
Перевод 5. Рассказ Хатканы Е. о жизни своей матери	96
Перевод 6.	99
Перевод 7. Плунтыканэлан — Владеющий железным крючком	100
Перевод 8. Милуткалик. Заяц-мужчина	104
Перевод 9. Ворон Кукки	108
Перевод 10. Йайучаннакут. Лиса-женщина	112
Перевод 11. Игклаул. Волк-мужчина	119
Перевод 12. Кукки	125
Перевод 13. Кайнаклаул. Медведь-мужчина	127
Перевод 14. Кукки и его жена Мити	128
Перевод 16. Предание. Почему керекки безоленные	129
Перевод 17. Отрывок из предания «Кунлелю-Одноусый»	129

Владилен
Вячеславович
Леонтьев

ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР КЕРЕКОВ

Утверждено к печати
Северо-Восточным комплексным научно-
исследовательским институтом ДВНЦ

Редактор издательства С. Н. Васильченко
Художник М. В. Версоцкая
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор З. В. Павлюк
Корректоры Ф. А. Дебабов, Р. В. Молоканова

ИБ № 25145

Сдано в набор 01.02.83
Подписано к печати 20.04.83
Т-09508. Формат 60×90^{1/16}
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура литературная
Печать высокая
Усл. печ. л. 8,25. Усл. кр.-отт. 8,5. Уч.-изд. л. 9,2
Тираж 1850 экз. Тип. зак. 4447
Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР КЕРЕКОВ

”Восстановить сейчас этническую историю кереков представляет большие трудности. И первая трудность в том, что кереков, знающих родной язык, древние обычаи, традиции, промыслы и занятия, почти не осталось.”

